
ВОСТОЧНЫЙ БЛОК И СОВЕТСКО- ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

1945 – 1989 годы

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Комиссия историков России и Венгрии при РАН и ВАН

ВОСТОЧНЫЙ БЛОК И СОВЕТСКО- ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

1945 – 1989 годы

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2010

УДК 327.51(1-11)

ББК 6.3.3(4)6.3

В78

Редакционная коллегия:

О. В. Хаванова (отв. редактор), доктор исторических наук,
А. С. Стыкалин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

Г. П. Мурашко, доктор исторических наук,
Ар. А. Улунян, доктор исторических наук

Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы:
B78 Сборник статей / Под ред. А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. — СПб.:
Алетейя, 2010. — 224 с. — (Серия «*Studia Hungarica. Центральноевро-*
пейские исследования». Вып. 5).

ISBN 978-5-91419-311-6

В сборник вошли материалы двух российско-венгерских конференций,
проходивших в 2005 и 2006 годах в Москве при поддержке Комиссии
историков России и Венгрии. Российские и венгерские ученые обратились
к актуальным научным проблемам недавнего прошлого: двусторонние дипломатические,
межпартийные, общественные связи между СССР и ВНР,
особенности политических систем этих стран, драматические страницы
венгерской революции 1956 года, кризис и распад Восточного блока на
рубеже 80–90-х годов XX в.

УДК 327.51(1-11)

ББК 6.3.3(4)6.3

В оформлении обложки использовано изображение скульптурной
композиции, символизирующей советско-венгерскую дружбу (Будапешт),
скульптор — Жигмонд Кишфалуди-Штробль.

ISBN 978-5-91419-311-6

9 785914 193116

© Коллектив авторов, 2010

© Институт славяноведения РАН, 2010

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010

© «Алетейя. Историческая книга», 2010

От редакторов

Предлагаемый вниманию читателя сборник содержит статьи и доклады, прозвучавшие на двух российско-венгерских конференциях — «Неделя историков: новые концепции и вопросы в российской и венгерской историографии» (апрель 2005 г.) и «Политические партии и общественные движения в Центральной и Восточной Европе в конце XIX—XX веках» (ноябрь 2006 г.). Материалы сборника объединены общей проблемой советско-венгерских отношений второй половины XX в., рассмотренной в более широком контексте истории содружества социалистических государств, также именуемого в современной историографии Восточным блоком.

Объем и тематика представленных материалов различны: в сборнике публикуются и аналитические статьи, и тексты докладов в том виде, как они прозвучали на конференции. В книгу вошли как конкретно-исторические, основанные на архивных источниках исследования, так и проблемно-теоретические работы, направленные на осмысление закономерностей развития стран Центральной и Восточной Европы во второй половине XX столетия. Авторы сосредотачиваются на вопросах двусторонних дипломатических, межпартийных, общественных связей между СССР и ВНР, на особенностях политических систем этих стран, пересмысливают драматические страницы венгерской революции 1956 г., системно анализируют кризис и распад Восточного блока на рубеже 80—90-х годов XX в. Таким образом удается представить многообразие исследовательских методик, познакомить читателя с новейшими достижениями и концепциями исторической науки в России и Венгрии.

Пользуясь случаем, выражаем благодарность Венгерскому институту русистики Будапештского университета имени Л. Этвеша и лично его директору профессору Дюлс Сваку за активное научное содействие в проведении конференций, а также Культурному, научному и информационному центру Венгерской Республики в Москве и лично его директору в те годы — Илоне Киш за организационную помощь.

Т. В. Волокитина

О некоторых дискуссионных аспектах изучения истории сталинизма в Восточной Европе в 40—50-е годы XX века

В процессе изучения отечественными обществоведами сталинизма как определяющей системы идеологических догм, ставших «руководством к действию», психологических установок и даже норм поведения^{*} можно выделить несколько важных временных вех. Точной отсчета, несомненно, стал доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г., после чего последовали антисталинская кампания начала 1960-х годов и развернувшаяся в 1980-е широким фронтом исследовательская работа, которая поначалу велась, главным образом, силами философов и политологов. На том этапе по объективным причинам историки находились в стороне, поскольку лишены были основного — надежных источников. При всем уважении к проделанной коллегами-обществоведами работе приходится признать, что воспринимаемый ими принцип «абстрактно-общего», хотя и способствовал осмыслиению социально-политических процессов, все же не позволял с необходимой полнотой воссоздать картину конкретно-исторического развития.

Час историков пробил в первой половине 1990-х годов, когда в России началась «архивная революция», и исследователи получили возможность обратиться к ранее недоступным документальным материалам. Введение их в научный оборот сразу резко повысило информационную ценность исторических работ, вызвав одновременно бурные дискуссии как в России, так и за рубежом.

* Термин «сталинизм» возник и закрепился в общественных науках в начале 1990-х годов в ходе перестройки. Существует множество дефиниций этого феномена. Политологи, например, понимают под данным термином тоталитарный государственный режим с такими родовыми признаками, как административно-командная система управления, жестокая репрессивная политика, пренебрежение законом, попрание прав личности (*Смирнова М. И., Дмитриева И. А. Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // Историография сталинизма. Сборник статей (Под ред. Н. А. Симония). М., 2007. С. 7.*)

За прошедшие 15 лет в изучении феномена сталинизма сделано немало. Среди наиболее важных достижений — не только попытка обобщить исследовательский опыт, реконструировать имеющиеся историографические модели и интерпретации узловых вопросов функционирования сталинской системы с учетом динамики их изучения¹, но и создание новой источниковой базы. Введение в научный оборот большого количества оригинальных архивных документов открыло возможность как для критического пересмысления прошлого, так и для принципиального изменения всей парадигмы исторических исследований. Однако процесс изучения феномена сталинизма развивается весьма не просто и характеризуется противоречивыми тенденциями.

Естественно, что в центре внимания большинства авторов находится личность Сталина, интерес к которой продолжает возрастать. Достаточно сказать в подтверждение, что после смерти советского лидера (1953 г.) и до настоящего времени написано более сотни его биографий, в том числе и зарубежными исследователями. Российские авторы констатируют бурный рост интереса к личности Сталина в постсоветском обществе, желание значительной его части знать «всю правду» о нем и его действиях². Согласно социологическим опросам, проведенным в 2005 г., Сталину в рейтинге политических деятелей прочно удерживал второе место после Президента России В. В. Путина. Прошедшие торжества в честь 60-летия Победы выявили новые грани феномена Сталина: в отдельных городах и населенных пунктах России жители высказались за установку памятников бывшему советскому лидеру. Подобные настроения получили широкое распространение, например, в Красноярском крае, где в свое время находилось немало учреждений ГУЛАГа. С нашей точки зрения, эти факты объясняются, прежде всего, реальным откатом от ярко выраженных демократических тенденций периода перестройки, неудовлетворенностью общества в связи с отсутствием «модели» лидера, адекватного социо-культурному генотипу большинства населения, параметрам российского менталитета, очевидными постальтическими настроениями в связи с потерей СССР былого статуса сверхдержавы, персонифицированными в образе «вождя». Очевидная востребованность в обществе знаний об эпохе Сталина обуславливает появление на книжных прилавках многочисленных и разнообразных работ, среди которых сегодня, к сожалению, превалирует печатная «продукция», отражающая поверхностный, зачастую примитивно-потребительский подход к личности Сталина и его времени, или явно претендующая на скандальность.

Наиболее показательные примеры: «откровения» о личной жизни советского лидера, или причисление его к тайной агентуре Интэллидженс сервис³.

Существующий сегодня диапазон оценок деятельности и роли Сталина в истории советского государства и международной политике весьма широк, и акценты при изучении этой личности расставляются по-разному. Для одних авторов Сталин — лжец и обманщик, который разыгрывал спектакли среди своего окружения, говорил одно, а делал другое; для других — жестокий деспот, не гнушавшийся никакими средствами, руководивший советским блоком как вожак — воровской бандой; для третьих — политический реалист, «гениальный дозировщик» (именно так оценивал Сталина Н. И. Бухарин), обладавший, как писал о нем посол США в Москве Д. Кеннан, «дьявольским искусством тактика», несомненными способностями шахматного гроссмейстера. «Я не сомневался, — отмечал, в частности, Кеннан в своих воспоминаниях, относящихся к 1945—1946 гг., — что передо мной один из самых удивительных людей в мире, что он жесток, беспощаден, циничен, коварен, чрезвычайно опасен, и вместе с тем — один из подлинно великих людей своего века»⁴.

С нашей точки зрения, следует приветствовать попытки проникнуть во внутренний мир Сталина⁵, отказаться от однопланового освещения столь крупной политической фигуры «Сталин был не только вождем, диктатором и тираном. За внешней оболочкой культа личности жестокого деспота существовал и обычный человек, думающий, размышлявший, имевший огромную волю, большое трудолюбие и немалый интеллект. Он был также несомненным патриотом исторической российской государственности», — пишут Ж. А. и Р. А. Медведевы. Именно эта столь очевидная многомерность феномена Сталина делает его и сегодня, по их мнению, по сути дела, все еще «неизвестным»⁶.

Объективному изучению личности Сталина и различных сторон его деятельности, на наш взгляд, крайне вредит применимая отдельными исследователями жесткая ценностная шкала при полном игнорировании исторического контекста, а подчас и проявляющийся откровенно низкий уровень конкретного знания. В результате в научных или престендующих на таковые изданиях (и это следует особо подчеркнуть) появляются сомнительные констатации, согласно которым «советской державой с момента возникновения управляли материальные уголовники»⁷, а Сталин характеризуется как «главный бандит», «палач» и пр. Вообще, легкость, с которой отдельные исследователи предпочитают описывать прошлое страны, охотное использование ими уголовно-криминального лексикона при

характеристике советского политического режима и личности Сталина поражают. Тем более прискорбно, когда к этому прибегают некоторые профессиональные историки⁸. Лишь незнанием или, еще хуже, сознательным игнорированием конкретного исторического материала можно объяснить и довольно распространено мнение о том, что «генофонд» коммунистического движения в целом отличался интеллектуальной посредственностью, а его лидеры являлись унылыми «троечниками»⁹. Сведения, подтверждающие невысокий профессионально-образовательный уровень восточноевропейской коммунистической элиты, действительно, многочисленны. Но объективной оценки требуют и иные факты: профессорское звание албанского коммуниста С. Малешовы, яркая юридическая карьера румынского коммуниста Л. Петэрэшкану, успешно защищавшего своих соратников по партии на политических судебных процессах в межвоенный период, или свободное владение девятым (!) иностранными языками болгарским коммунистом Т. Костовым. С коммунистическим движением связали свою судьбу, вошли в его руководящие структуры и другие европейские образованные интеллектуалы — поляки О. Ланге и Ю. Хохфельд, чехи Я. Шмераль и Л. Фрейка, венгр Д. Лукач...

Многие явления, наблюдаемые при изучении феномена сталинизма российскими учеными, типичны и для историографии стран бывшего советского блока, где на рубеже 80—90-х гг. XX в. произошли под антикоммунистическими лозунгами перемены в характере власти. В ходе научной полемики вокруг оценок «социалистического прошлого» и роли в нем советского политического руководства и лично Сталина развернулся сложный, во многом противоречивый процесс восстановления исторической правды. Однако, развенчивая старые мифы, исследователи зачастую попадали в насажденную колесо, ведущую к новому мифотворчеству.

Историографические дискуссии по вопросам послевоенной истории стран Восточной Европы выявили острую потребность в новой источниковской базе исследований. При этом первостепенную важность введения в научный оборот документов российских архивов призывали и отечественные ученые, и их коллеги за рубежом. Один из крупнейших американских историков Дж. Гэддис заметил, что без знания этих документов трудно что-либо понять в послевоенной истории Восточноевропейского региона, разобраться в мотивации действий советских руководителей¹⁰.

Для содействия процессу формирования новой источниковой базы, выявления, публикации и научной интерпретации архивных документов

в 1992 г. в структуре Института славяноведения РАН был сформирован Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе*. За прошедшее время его сотрудникам удалось выявить в основных федеральных архивах России и опубликовать свыше 1000 документов, в том числе из фондов Политбюро ЦК ВКП(б), И. В. Сталина, международного коммунистического движения и др.¹¹ Научную интерпретацию опубликованных документов, свое понимание сущности и характера общественно-политических процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны, роли в них советского политического руководства сотрудники Центра представили в ряде монографий, сосредоточившись на слабо- или вообще не изученных вопросах политической истории стран региона¹². В 2003 г. они приступили к изучению государственно-церковных отношений в странах советского блока, обратившись к истории основных конфессий Восточной Европы: православной, римско-католической и греко-католической (униатской). К настоящему времени на издательской стадии находится двухтомник документов российских архивов «Власть и церковь в странах Восточной Европы. 1944—1953 гг.», вышла в свет монография из серии «Москва и Восточная Европа», посвященная отношениям власти и церкви в ходе общественных трансформаций 40—50-х годов XX в.¹³

В отечественной исторической литературе, анализирующей ситуацию в послевоенной Восточной Европе, не мало дискуссионных, в значительной степени мифологизированных проблем, споры вокруг которых ведутся не один год. Едва ли не главная среди них — проблема становления восточного (советского) блока и ее важнейшая составляющая — вопрос о «советизации» Восточной Европы и начальных хронологических рамках этого процесса. Дискуссионный характер не утратили также проблемы возникновения и функционирования института советских советников, политических репрессий в странах региона и роли в них «советского фактора». Следует признать, что изучены они неравномерно, что объясняется прежде всего состоянием источников базы. В силу ограниченности последней пока еще не нашла, за малым исключением, своих

* В начале 1990-х годов в Варшаве, Праге, Бухаресте и Будапеште также были созданы специальные научные учреждения с целью изучения послевоенной истории стран Восточной Европы на принципиально новой документальной основе. Формировались и приступали к активной деятельности аналогичные научные подразделения и в России, например, Центр по изучению холодной войны в Институте всеобщей истории РАН, Центр по истории внешней политики и международных отношений в Институте российской истории РАН.

исследователей такая, например, важнейшая проблема, как «кадровая революция», формированиес партийно-государственной номенклатуры в странах советского блока, превращение бюрократического централизма в устойчивую сущностную характеристику складывавшихся политических режимов¹⁴. Заметим, что примерно так же видится ситуация в российской историографии и со стороны. Сошлемся на мнение авторитетного американского исследователя профессора Нормана Неймарка, специально проанализировавшего изучение российскими учеными указанной проблематики. Неймарк подчеркивает, в частности, что в новой российской историографии *центральным* является вопрос о распространении коммунистической системы в Восточной Европе¹⁵, т. с., иными словами, о «советизации» региона.

В настоящем времени можно говорить о нескольких основных позициях, сторонники которых многократно, по разным поводам и с разным «граусом» полемичности обосновывали свою точку зрения. Представляется, нет смысла подробно останавливаться на полемике, поскольку она неоднократно публиковалась, а некоторые участники могут даже при желании составить библиографию опубликованных работ¹⁶. Но главное все же хотелось бы зафиксировать. Речь идет о перспективах установления режимов советского типа в Восточной Европе. *Одна точка зрения* сводится к утверждению, что уже в первой половине 1945 г. Москва взяла четкий курс на превращение народно-демократических режимов в коммунистические, что советское руководство с момента освобождения региона стало фактически связывать тоталитарную, сталинскую модель развития. В качестве подтверждения приводятся, как правило, бесседа Сталина с членами болгарской и югославской делегаций в январе 1945 г. в Москве, а также широко известное воспоминание югославского коммуниста М. Джаласа о встрече со Сталиным в апреле 1945 г., на которой советский лидер откровенно высказался о распространении советской общественной системы на территории, занятой Красной армией. Говоря иначе, сторонники указанной точки зрения делают упор на идеологическую компоненту советской политики в Восточной Европе, а с «советским фактором» связывают детерминированность развития исторического процесса в регионе.

Другую точку зрения выражают те авторы (в их числе сотрудники Центра истории сталинизма), которые в своем анализе на первый план выдвигают задачу обеспечения безопасности СССР, являвшуюся на рубеже войны и мира и в первые послевоенные годы главной для советского политического руководства и подчинявшую себе классовые и идеологи-

ческис составляюцис советской винешней политики. Германский фактор оставался и после разгрома агрессора сильнейшим раздражителем для Москвы, перспектива новой войны с Германией в ближайшиес годы серьезно тревожила Сталина (возможные сроки наизбежного конфликта он, как свидетельствуют документы, определял по-разному: от 6 до 20 лет). Представления Сталина о потенциальной восипной угрозе преломлялись в конкретной политике поддержки дружественных СССР режимов народной демократии. Последниес определяются нами как переходные, реализовывавшиес в рамках демократии «по соглашению» коалиционный способ осуществления власти, а не как доминания и тем более диктатура коммунистов. Напомним, что речь идет о довольно кратком, но вполне самостоятельном периоде в послевоенном истории Восточной Европы, который болгарский историк Д. Драганов образно охарактеризовал как «демократическое интервю»¹⁷. В послевоенном восточноевропейском обществе (исключение составляла Югославия) продолжало в течениес определенного времени существовать дипломатическое равновесие между двумя или менее уравновешивающимися тенденциями — народно-демократической и сектантско-догматической¹⁸. На этом этапе Москва была готова временно допустить известную свободу малых стран во внутренних делах при сохранении советского влияния на их внешнеполитический курс по примеру Австрии и Финляндии. Не случайно такой вариант развития событий, получивший название «финляндизации», нашел своих сторонников в обществе стран региона. С ним соглашался, например, лидер оппозиции в Польше Ст. Миколайчик. Задача обеспечения безопасности западных границ СССР, стабильности в формировавшемся восточном блоке отодвигала проблему «советизации» Восточной Европы, хотя и не спимала ее с повестки дня в дальнейшем.

Данная точка зрения имеет, естественно, как своих противников, так и сторонников. К числу последних относится, например, один из крупных английских исследователей, автор фундаментальных трудов по истории XIX и XX вв. Э. Хобсбаум¹⁹.

В странах Восточной Европы наблюдалась богатая палитра политических сил и ориентаций, в том числе внешнеполитических, и советское

¹⁷ Это оригинальное и образное определение, было заимствовано (к сожалению, без указания авторства) составителями сборника статей, вышедшего из печати двенадцатью годами позднее (См.: Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интервю» с коммунистическим финалом. 1944—1948 / Под ред. В. В. Марьиной и др. М., 2002).

руководство было поставлено перед необходимостью найти некую равнодействующую, которая позволила бы решить, по существу, двусмысленную задачу: сохранить сотрудничество с западными державами в Европе на антигерманской основе; объединить во имя решения общенациональных задач («десфашизация» и переход к демократии, восстановление экономики, урегулирование национально-территориальных проблем, стабилизация международного положения и пр.) разнородные политические силы. При этом Москва экстраполировала апробированные в рамках антигитлеровской коалиции принципы сотрудничества как на внешнюю, так и на внутреннюю политику коалиционных режимов в Восточной Европе, оказывая последним поддержку, подчеркивая, в частности, необходимость для них установления дружественных отношений как с Востоком, так и с Западом и передко гася леворадикальные «выбросы» энергии в отдельных партиях-участницах коалиций. Такие проявления наблюдались, например, в компартиях Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии. Но Москва считала их несвоевременными и несостыковывавшимися с тактикой блока. Такой подход позволил на определенном этапе послевоенного развития Восточной Европы реализовывать идею социально-политического компромисса внутренних сил, воплощенную в концепции «национального пути» к новому общественному строю.

Говоря о «советизации» региона, принципиально важно учитывать, что в послевоенном мире не существовало страха перед социалистической перспективой. Более того, на волне нового интереса к социальной и экономической системе, в условиях которой победоносно проявились военные усилия СССР, из характерного для европейского общества на рубеже войны и мира «народного радикализма»²⁰ возникали и ширились настроения в пользу социализма. О том, что послевоенный мир станет «более социалистичным», говорил и президент США Ф. Д. Рузвельт²¹.

Документы свидетельствуют, что концепция «национального пути» находила полное попадание у pragmatически настроенных коммунистических лидеров в странах региона. В. Гомулке, К. Готвальду, Г. Димитрову, Й. Ревай, Л. Пэтэрэнкану и другим национальным коммунистам она представлялась как пролонгированная на длительный период стратегическая установка, объективно базировавшаяся на том факте, что ни в 1945, ни в 1946, ни даже в середине 1947 г. ни одна из политических сил в регионе не имела возможности парламентским путем полностью сосредоточить власть в своих руках, партийно-политический компромисс сохранял свою жизнеспособность.

На изменение этой ситуации определяющее влияние оказало ухудшение отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции. Нарушение на рубеже 1946—1947 гг. совместных договоренностей по Германии, постепенно включившееся в формировавшиеся союзные отношения в Западной Европе, воспринимавшиеся советским руководством крайне болезненно, показали, что коалиция на антигерманской основе стремительно уходит в прошлое, унося с собой и образ общего врага — «гуннов», Германии. Ялтинская стратегия постепенно эволюционирует к политике «сдерживания коммунизма», а вследствие и к наиболее жестким схемам блокового противостояния. В этих условиях на смену тенденции национально-государственного единства приходит новая тенденция — социально-политической конфронтации, обретая на краюе идею «национального пути» к социализму. После создания в 1947 г. Коминтерна советская модель провозглашается универсальной, означая наступление фазы «советизации» в странах восточного блока.

Более пристальное внимание к внутриполитической ситуации в странах Восточной Европы дало возможность некоторым исследователям уточнить свои прежние выводы, базировавшиеся на констатации первичности внешнего фактора в оценках народно-демократического режима. Так, в частности, был сформулирован тезис о «растянутой советизации» в Болгарии, Польше, Румынии, Венгрии и Чехословакии²² как сущности этапа народной демократии.

В целом, дискуссии в российской историографии по вопросу «советизации» Восточной Европы оказались адекватными спорам, которые велись раньше на Западе между постревизионистами (М. Лесфлер, А. Оффнер) и нео-традиционистами (Д. Гэддис). Это позволяет сегодня говорить о наличии единого «историографического пространства», на котором российские и западные историки совместными усилиями пытаются реконструировать послевоенное прошлое Восточной Европы. Примечательно, что Н. Неймарк не считает имеющиеся различия позиций непримиримыми²³, и эта оценка видится нам объективной.

Нельзя не отметить появление в последние времена в российской историографии еще одной любопытной тенденции — фактического возвращения, хотя и в другом терминологическом обрамлении, к более чем 50-летней давности выводам о двух этапах народной демократии²⁴. Очевидной модификацией такого подхода является, по нашему мнению, оценка народной демократии единственно как «ступеньки на пути к утверждению социалистического строя советского образца». При этом национальные коммунисты якобы «с самого начала» именно таким образом рассматри-

вали народно-демократический этап²⁵, не допуская даже мысленно никакой альтернативы. Не вдаваясь в дискуссию о содержательной стороне подобных утверждений, зададимся вопросом: почему реанимация старых подходов к феномену народной демократии происходит в наши дни? Объяснение, думается, следует искать в круге оценок современной политической ситуации в России, к примеру, вышедшей из-под пера некоторых отечественных и западных политологов ее характеристики как «мягкого авторитаризма»²⁶.

Важными и не потерявшими сегодня своего дискуссионного характера являются проблемы советских советников в регионах, а также политических репрессий и роли в них Москвы. Здесь следует отметить одну принципиальную особенность: тон в них задают зарубежные оппоненты. Причина тому — отсутствие в российской историографии специальных работ. Монография о становлении в Восточной Европе политических режимов советского типа, опубликованная сотрудниками нашего Центра в 2002 г., пока остается единственным исследованием, в котором предпринята попытка рассмотреть указанные сюжеты. Несмотря на то, что работа основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот, следует констатировать ограниченный характер ее источниковской базы, в частности, отсутствие части принципиально важных документов высшего советского политического руководства и силовых структур. Тем не менее авторам удалось по мере возможностей проанализировать и обобщить имеющийся материал и прийти к следующим выводам.

Мы предлагаем рассматривать институт советников как сложное и многогранное явление, которое не может быть оценено одним знаком — плюс или минус. Безусловно, этот институт явился важнейшим показателем нарастания зависимости стран региона от СССР, постепенного ограничения их суверенитета. И надо сказать, что национальные историки, также испытывающие острый дефицит надежных источников, как правило, педалируют именно эту сторону проблемы. Свои выводы они базируют чаще всего или на политизированных мемуарах, или на статистических материалах, иллюстрирующих количественный показатель — численность советников в различных сферах общественной жизни стран региона. Вводятся в научный оборот и источники более позднего происхождения. Во всех этих случаях проблема объективности используемых документов приобретает ключевое значение. Особенно серьезные претензии можно предъявить в этом плане к работам некоторых чешских и румынских авторов²⁷. Но не меньшее значение имеет и манера

интерпретации исторических фактов, передко наводящей читателя на «московский след», хотя и без документального тому подтверждения²⁸.

На состоянис национальных историографий стран бывшего «социалистического содружества» заметное, если не определяющее влияниес оказывают современные общественные настроения. Тотальнос отрицалис социалистического прошлого включает в себя негативные оценки и отбрасываниес компонентов этого явления как целого, что ведет порой к подавлению таких критериев исследовательской работы, как аргументированность, беспристрастность, научная добросовестность. С точки зрения объективности, на наш взгляд, нельзя оставлять «за скобками» ту роль, которую советники сыграли в десе модернизации (или создания) некоторых базовых передовых отраслей промышленности, военно-промышленного комплекса и современных армий стран Восточной Европы. В силу этого можно только приветствовать появление таких работ, авторы которых пытаются объективно разобраться в деятельности института советских советников, его роли, как позитивной, так и негативной, и значении для развития той или иной страны²⁹.

Анализ различных сторон данной проблемы позволяет констатировать, что институт советников отнюдь не был павзан советской стороной для обеспечения своего влияния и контроля в Восточной Европе, а был объективно востребован. Его появление было неразрывно связано с процессом смеси политических элит и качественными характеристикаами особого слоя «новых управленцев» — основы партийно-государственной номенклатуры, выступавшей носителем власти компартий. Отсутствие необходимого уровня подготовки, управленческого опыта, а порой просто образования становилось непреклонной преградой при решении задач структурной перестройки политической и экономической жизни. В этих условиях правящие группировки национальных элит видели выход в привлечении советских специалистов, буквально засыпая московское руководство соответствующими просьбами. Особенно резко возросло число таких обращений начиная с 1949 г., когда началась «горячая» фаза «советизации», и в странах региона приступили к внедрению сталинской модели централизованной административно-командной системы управления. В обращении к опыту и авторитету советских советников правящая элита видела выход из трудного положения, обретение гарантии успешного «построения социализма» и одновременно возможность в затруднительных ситуациях списать исходачи и нараставшие негативные настроения в обществе на «людей из Москвы». Документы свидетельствуют, что правящие коммунистические группировки, стремясь политич-

ски обезопасить себя, передко сознательно или на определенное ущемление суверенитета своих стран, что особенно отчетливо проявилось в деятельности советников советских министерств госбезопасности и вооруженных сил. При анализе возникновения системы советников было бы, однако, неверным не учитывать и заинтересованность Москвы: этот институт являлся одним из важных инструментов распространения сталинской модели на регион, непосредственно граничивший с западным миром. Иными словами, институт советников сфокусировал в себе совпадение интересов советского политического руководства и национальных политических элит.

В изучении проблемы советников на сегодня сделаны только первые шаги, причем, если возникновение и функционирование этого института получили некоторое, хотя пока и явно недостаточное освещение, то вопрос о его свертывании, начавшемся в конце 1950-х годов, только памечен³⁰. И здесь ощущается острые нехватка источников. Введение в научный оборот документов из Архива Президента РФ позволило, в частности, назвать инициатора сокращения числа советников. Им стала советская сторона. А вот в странах Восточной Европы реакция на предложение Москвы была неоднозначной. На протяжении сентября—октября 1958 г., согласившись в принципе с советской инициативой, руководства стран региона выдвинули встречные предложения по численности советников. Однако нигде правящие группировки не заявили о полной ликвидации данного института. И это, с нашей точки зрения, симптоматично.

Пресловутый тезис об СССР как «империи зла», об «абсолютной вине» советского руководства за все, что происходило в регионе в исследуемый период, особенно отчетливо проявляется при изучении проблемы политических репрессий. И здесь в российской историографии закреплены лишь первые сделанные шаги, а степень проработки проблемы напрямую зависит от введения в научный оборот новых документальных источников и их представительского уровня. При实际上 важно является описание исследователей материалами силовых ведомств, что пока имеет, к сожалению, случайный характер. На сегодня в российской историографии зафиксирован вывод о том, что по советскому примеру в Восточной Европе на протяжении 1949—1953 гг. был активно использован такой механизм воздействия на общество и контроля над ним, как устрашение через политические репрессии. Констатируется не только «многослойность» причин, лежавших в основе репрессивной политики власти, но и различные по своему значению и масштабам итоги. Репрессии являлись тем инструментом, с помощью которого обеспечивалась

стабильность существовавших режимов, их «нормальность», т. е. соответствовавшись избранной модели, функционировали. Репрессии, как свидетельствуют документы, осуществлялись в нескольких направлениях: они последовательно затронули реальных и мнимых противников новой власти, носителей некоммунистических альтернатив общественного развития, экономические структуры, армию и, наконец, стали элеменом внутрипартийной борьбы за власть. Особым, силовым, методом, через подсистему страха было достигнуто исключение гражданского согласия, договора общества и власти. Конечно, не одни только репрессии стали причиной такого консенсуса (использя, в частности, игнорировать процессы ускоренной модернизации экстенсивного типа), но непродуктивным с точки зрения изучения репрессивной политики власти является и отказ от рассмотрения репрессий как фактора специфической консолидации общества.

Особо следует сказать о репрессиях, развернувшихся в правящих партиях под лозунгом поиска «врага с партийным билетом». Они сыграли ключевую роль в процессе создания партии-государства, подобия, по сталинскому определению, «ордена мечносцев», ставшего основой политических режимов советского типа в регионе. Говоря о роли Москвы, нельзя не отметить, что для советской стороны важным был прежде всего результат — утверждение у руля власти в странах региона ортодоксальных коммунистов, готовых к выполнению воли Москвы. Выбор же «фигурантов» политических процессов осуществлялся на местах, т. е. национальным руководством. Москва оставляла за собой право реагировать. Именно национальные руководства создали «дела» Л. Райка, Л. Пэтрэшкану, Т. Костова, Р. Сланского и других видных коммунистов — своих вчерашних соратников. От них же, как показывают документы, исходили предложения и о мере наказания³¹. Непредвзятый подход приводит к выводу об ответственности не только Москвы, но и представителей национальных коммунистических элит за происходившее в каждой из стран региона. Признание этого факта вызвало к жизни остроумное замечание болгарского историка Д. Сиркова. Отвечая своим оппонентам, стремящимся во всем видеть «московский след», демонизировать роль советского руководства, он подчеркнул: «...Мы ограждаем себя от неприятной обязанности посыпать свои головы пеплом, предпочитая кинуть этот материал на чужое темя»³².

В заключение приведем слова известного французского историка Ж. Лс Гоффа, которые кажутся уместными при обсуждении дискуссионных вопросов: «Историки не могут быть совершенно объективными.

История по своей природе рождает эмоции. История, исключая бесспорные факты, основывается прежде всего на интерпретации и, до известной степени, допускает существование многих истин». Добавим от себя, что имение эти «многие истины» и являются мощным стимулом к дальнейшим исследованиям.

П р и м е ч а н и я

¹ Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н. А. Симония. М., 2007.

² Певежин В. А. Образ Сталина в постсоветской российской историографии // Польша — СССР. 1945—1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 343.

³ Гендлин Л. Исповедь любовницы Сталина. Минск, 1998; Независимая газета. 1996 г. 21 дек.

⁴ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеппана. М., 2002. С. 182.

⁵ Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2002; Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1996.

⁶ Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 10.

⁷ Центральноевропейские страны на рубеже ХХ—XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. (Отв. составитель и автор цит. вводн. замечаний — д. ф. н. Ю. С. Новопашин). М., 2003. С. 10. Приведенная в тексте оценка не выдерживает серьезной критики. См., например: Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1917—1920 гг. М., 1998. С. 83, 119 и др.

⁸ Чернявский Г. Притчи о правде и лжи. Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2003. С. 189 и др.

⁹ См., например: Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение коммунистических режимов (середина 40-х — конец 80-х годов ХХ в.) // История СССР. 1991. № 1. С. 51 (выступление А. С. Цинко).

¹⁰ Гэддис Дж. Л. Предварительные оценки послевоенного противостояния // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 62.

¹¹ НКВД и польское подполье. 1944—1945 гг. (По Особым папкам Сталина). М., 1994 (сборник был переведен на польский язык, а в 2001 г. вышел в Москве вторым, расширенным и дополненным изданием под названием «Из Варшавы... Москва, товарищу Берия»); Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944—1946. Документы российских архивов. М., 1998 (переведен на румынский язык); Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. М., 1999; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953.

Москва—Новосибирск, 1997—1998. Т. 1—2; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Документы. М., 1999, 2002. Т. 1—2.

¹² Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944—1948 гг. М., 1993; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953. Очерки истории. М., 2002; 2-е изд. — М., 2002.

¹³ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х годов XX века. М., 2008.

¹⁴ Одна из первых попыток рассмотреть эти вопросы предпринята в монографии: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... Раздел I. Социально-политические носители тоталитарной власти. С. 63—301.

¹⁵ Naimark N. M. Post-Soviet Russian Historiography on the Emergence of the Soviet Bloc // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 5, 3 (Summer 2004). 564.

¹⁶ См. например: Гибианский Л. Я. Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000; Он же. Политика Сталина в Восточной Европе: Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны. М., 2000; Он же. СССР, Восточная Европа и формирование советского блока // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944—1948. М., 2002; Он же. Советские цели в Восточной Европе в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // Russian history / Histoire russe. The soviet global impact. 1945—1991. Idylwild, 2002 и др.

¹⁷ Драганов Д. В сянката на сталинизма. София, 1990. С.18-19.

¹⁸ Иванов А. Поворот 1948 года и народно-демократическая модель социализма // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20—60-е годы. М., 1991. С. 205.

¹⁹ Hobsbawm E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century. 1914—1991. London., 1995. P. 232.

²⁰ Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии (перевод с англ.). М., 1964. С. 381—382.

²¹ Roosevelt E. This I remember... New York, 1949. P. 253.

²² Гибианский Л. Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945—1963 гг: Историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2003. С.142.

²³ Naimark N.M. Op. cit. P. 580.

²⁴ Соболев А. И. Народная демократия как форма политической организации общества // Большевик. 1951. № 19.

²⁵ Марышина В. В. «Народная демократия»: теория и практика // Власть — Общество — Реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 68; *Она же*. Через народную демократию к социализму. 1945—1948 // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах. Кн. 2. М., 2005. С. 9—10.

²⁶ Красин Ю. А. Политические аспекты социального неравенства // Вестник Российской Академии Наук. Т. 76. № 11. М., 2006. С. 975.

²⁷ Например: Kaplan K. Sovětskí poradci v Československu v letech 1949—1956. Sešity ÚDS AVČR. Praha, 1993; Popa A. 1950 Legația S.U.A. informații: dominația U.R.S.S. asupra României nu poate fi slăbită // Magazin istoric. 2001. № 4. Р. 40—45.

²⁸ Шарланов Д. Горяните — кои са те? Из строго секретните архиви на Дирекция на държавна сигурност. София, 1999. С. 37.

²⁹ Пример такого подхода — работы болгарского военного историка Д. Зафирова. См., например: Зафиров Д. Советские военные инструкторы в БНА — принос и негатив // Болгария и Россия через XX век. Болгаро-руски научни дискусии. София, 2000; *Она же*. Советские военные специалисты и болгарская армия (1944—1947 г.) // Болгаро-советские политические и военные отношения (1941—1947). Статьи и документы. София, 1999.

³⁰ Понсова Л. Ф., Мурашко Г. П. Институт советских советников в Восточной Европе в 40—50-е годы XX в. // Польша — СССР. 1945—1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005.

³¹ См., например: Дело Сланского // Вопросы истории. 1997. № 3 (Публ. и вступительная статья Г. П. Мурашко); Волокитина Т. В. Лукрецию Пётрэшкану: судьба политического лидера // Magazin istoric. 2004. № 2 (на рум.яз.).

³² Сирков Д. История и политика // Минало. 1996. № 1. С. 76.

Иштван Вида

Международное положение Венгрии после Второй мировой войны

Международное положение и возможности Венгрии после 1945 г. — наряду с ее геополитическими параметрами (малая центральноевропейская страна по соседству с Советским Союзом) и экономической отсталостью — определялись в основном тем, что почти до конца Венгрия оставалась во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии. В соответствии с соглашением о перемирии от 20 января 1945 г. страна подлежала международному контролю и оккупации, продолжавшейся до вступления в силу мирного договора, подписавшегося 10 февраля 1947 г., т. е. до 15 сентября 1947 г. Согласно так называемой австрийской клаузуле мирного договора Советский Союз получил право оставлять в Венгрии военные части для обеспечения коммуникационных связей с войсками, дислоцированными в Австрии, до тех пор, пока не стабилизируется положение соседнего государства и великие державы не договорятся между собой о его статусе. Наряду с этим сохранял свою важность вопрос: продолжится ли сотрудничество между союзниками в сфере мировой политики, вернее, какую политику намерены проводить Соседние Штаты, Великобритания и Советский Союз в регионе и в Венгрии.

Общеизвестно, что Восточная Европа на завершающем этапе Второй мировой войны занимала во внешнеполитическом приоритете Соседних Штатов четвертое-пятое место. Поскольку США не имели здесь прямой заинтересованности, они признали приоритетными в данном регионе интересы Великобритании, но главным образом Советского Союза, уступая им инициативу в восточноевропейских делах. В принятии военных решений по освобождению балканских государств на Тегеранской конференции 1943 г. в верхах сыграли свою роль как стратегическая заинтересованность, так и географическая отдаленность Соседних Штатов: они брали на себя обязательства участвовать лишь в воздушных налетах, в снабжении боеприпасами и продуктами питания. Это решение было дополнено Ф. Д. Рузвельтом: США остаются в стороне от освобождения Центральной и Юго-Восточной Европы, не примут участия в восстановлении

ной оккупации освобожденных стран, в восстановлении их административного управления. Следовательно, Вашингтон самоустранился здесь при решении как военных, так и властных проблем. Он принял к сведению, что в этом регионе решающее слово будет принадлежать Советско-му Союзу.

До осени 1944 г. Вашингтон не имел разработанной, охватывающей все восточноевропейские страны концепции внешней политики, хотя у американских специалистов были свои представления о восточноевропейском послевоенном обустройстве, о решении экономических проблем¹. Когда в октябре 1944 г. они предприняли попытку выработки всеобщей концепции, то не продвинулись дальше формулировки буржуазно-либеральных принципов, провозглашенных в Атлантической хартии. Хотя администрация Рузвельта в принципе возражала против разделения мира на сферы влияния, президент принял к сведению октябрьскую 1944 г. договоренность У. Черчилля и И. В. Сталина, но в Вашингтоне не придавали ей особого значения. Принятое в Ялте по американскому предложению заявление об освобождении Европы, в котором также были сформулированы общедемократические принципы, в отношении Восточной Европы зафиксировало лишь общую ответственность трех великих держав.

США проявляли интерес в этом регионе только к трем странам: Чехословакии, Польше и Венгрии. К последней прежде всего потому, что в период между мировыми войнами Америка осуществила здесь значительные капиталовложения, главным образом в нефтеперерабатывающую промышленность, действовало даже венгеро-американское совместное предприятие. В Вашингтоне к Венгрии питали больше симпатий, чем к Болгарии или Румынии, хотя то обстоятельство, что в марте 1944 г. немцы сумели без сопротивления оккупировать страну, весьма разочаровало американцев. Во время переговоров о перемирии с Венгрией (январь 1945 г.) США почти по всем существенным пунктам приняли проект советского правительства, получив обещание от наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, что позже они снова обсудят этот вопрос. США дали согласие и на то, что пока не закончится война, они будут представлять себя в Союзной Контрольной Комиссии (СКК) лишь на уровне наблюдателя².

Великобритания же была заинтересована в первую очередь в сохранении своих колониальных владений и обеспечении своих позиций в районах Средиземноморья и Ближнего Востока. Она старалась укрепить полу-

жение только в южноевропейских странах и, прежде всего в Греции, Турции, Италии, остальные же державы Центральной и Юго-Восточной Европы для нее были менее значимы. Лондон также принял к сведению доминирующую роль Советского Союза в послевоенной Восточной Европе.

Для Советского Союза восточноевропейское пространство, имея в виду военный разгром Германии и перспективные политические цели, приобрело основополагающее значение, так как, начиная с завершающего этапа войны, он в основном стремился к обеспечению собственной безопасности. Советская концепция безопасности предусматривала создание сильного в военном отношении государства, обладающего как стратегически выгодными границами, внутриполитической стабильностью и единой социалистической великодержавностью, так и своей зоной влияния в Восточной Европе. Советский Союз поэтому уделял особое внимание Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии и, естественно, Венгрии.

Великие союзные державы на завершающей стадии войны пришли к взаимопониманию в вопросе о необходимости восстановления государственной самостоятельности и национальной независимости Венгрии. О реставрации консервативной в политическом отношении правовой хортистской системы не могло быть и речи. Требовалось сформировать новую демократическую систему, содействовать проведению демократических реформ. Во всем остальном позиции великих держав в отношении Венгрии существенно отличались друг от друга. США стремились при помощи буржуазных партий и групп — прежде всего Независимой партии мелких хозяев (НПМХ) — к созданию такой демократической системы, которая поддерживала бы хорошие отношения с Америкой, ограничила бы влияние СССР и коммунистов, гарантировала свободу торговли, формирование многосторонних, лишенных дискrimинации экономических связей. Великобритания (хотя и в весьма осторожной форме) по существу поддерживала американские устремления в отношении Венгрии. У английского лейбористского правительства сложились неплохие отношения, в первую очередь, с венгерской социал-демократической партией. Москва (где только осенью 1944 г. встал вопрос, как быть на практике с Венгрией) прежде всего добивалась того, чтобы Венгрия как можно раньше вышла из войны, присоединилась к лагерю союзников, восстановила свою государственную независимость, привела к власти такое демократическое коалиционное правительство, которое

способно проводить просоветскую политику и осуществить демократические реформы. В то же время Советский Союз не был заинтересован в создании сильной в экономическом, политическом и военном отношении Венгрии. Он поддержал решение о сокращении ее территории, потребовал выхода с возвращенных ей в 1938—1941 гг. при поддержке нацистской Германии и Италии земель, настоял на аннулировании решений Венских арбитражей³. В советской политике в вопросе о Трансильвании в конце лета 1944 г. взяла верх точка зрения, согласно которой этот край или его большая часть в ходе мирных переговоров будет передана Румынии⁴.

Советское правительство, однако, лишь осенью 1944 г. смогло непосредственно вмешаться в формирование политического строя в самой Венгрии. Это, с одной стороны, было связано с военными событиями, а, с другой, объяснялось тем, что в соответствии с прежними международными договоренностями именно советское правительство отвечало за переговоры, связанные с капитуляцией Венгрии, так как соглашение о перемирии с ней было выработано и подписано в Москве. Важную роль сыграло и то, что процентная договоренность практически давала Сталину свободу действий в Венгрии независимо от того, что США, как отмечалось, официально никогда не признавали этого. Правда, до сих пор не выяснено, чего же касалась та примечательная договоренность: советская сторона истолковывала ее как относящуюся к механизму действий создаваемой Союзной Контрольной Комиссии для выполнения соглашения по перемирию, следовательно, считала, что решающее слово будет за советским руководством этого органа. Следует отметить, что советский нарком иностранных дел Молотов во время московской встречи с Черчиллем и беседы с сэром Энтони Иденом настаивал на том, чтобы в отличие от первоначального английского предложения о разделении сферы влияния в Венгрии — 50 на 50 процентов — советская сторона имела бы 80%. Менее известно, что Эрнё Герё и московская коммунистическая эмиграция добивались от Молотова, чтобы Советский Союз усилил свою роль в Венгрии. Данную просьбу глава внешнеполитического ведомства выполнил так, чтобы это соответствовало советским интересам. Москва с этого времени считала Венгрию частью сферы своего влияния⁵. Создание новой демократической государственности на освобожденных территориях, созыв Временного национального собрания, а затем формирование Временного национального правительства осуществлялись при

содействии, непосредственном руководстве и поддержке советского правительства.

Политика СССР в отношении Венгрии в 1945—1948 гг. была противоречивой: действия в области политики и экономики не были последовательными, равно расходились они и в военной сфере или по линии спецслужб. В советских партийно-правительственных кругах до заключения мирного договора Венгрию считали побежденной, вражеской страной, к тому же позже других порвавшей с Германией. С самого начала СССР добивался того, чтобы в политической, экономической и культурной жизни, в силовых органах страны создать свои форпосты, а на ключевые позиции поставить просоветских или по крайней мере лояльных политиков, специалистов, в основном, коммунистов. Это стремление означало, что советская политика перешла к немедленной большевизации всей страны (т. с. к установлению политической системы советского типа). Для этого не было соответствующих ни международных, ни внутренних условий. До тех пор пока существовала большая коалиция, Москва, хотя и без энтузиазма, но была вынуждена считаться с миссием и интересами великих западных держав, хотя бы потому, чтобы те отвечали взаимностью. И это при том, что тогда считались с продолжительным, в 10—15 лет, переходным периодом к социализму. Главным инструментом и институтом реализации советских политических интересов в Венгрии, наряду с военными органами, являлась Союзная Контрольная Комиссия.

Председателем СКК (в отличие от Болгарии и Румынии) стал известный политик и высокого ранга офицер, член Политбюро ЦК ВКП(б), маршал К. Е. Ворошилов, который с небольшими перерывами, с февраля 1945 до весны 1946 г. находился в Будапеште. СКК в качестве международного органа под председательством и руководством СССР осуществляла задачи контроля и соблюдения условий соглашения о перемирии. Пока шла война, комиссия подчинялась советскому командованию, английский и американский представители участвовали в ее работе только в качестве наблюдателей, имея право общсния с временным правительством Венгрии исключительно при посредничестве СКК. После встречи в верхах летом 1945 г. в Потсдаме, где произошла некоторая модификация деятельности этого международного органа контроля, несколько была расширена сфера деятельности английской и американской миссий: теоретически советское руководство СКК без предварительного согласования с ними и без их одобрения впредь не могло принимать

решения и давать указания венгерским властям. Советская сторона этого однако не придерживалась. Делегированные чехословацкое и югославское представительства имели право вмешиваться только в вопросы, касающиеся их страны⁶.

Строгий контроль международного органа за общественной, экономической, политической и культурной жизнью, равно как и за всей публичной информацией, границами и воздушным пространством Венгрии, начиная с осени 1945 г. — по мере выполнения венгерским правительством основной массы требований соглашения о перемирии, создания демократической политической структуры, проведения парламентских выборов — постепенно начал сокращаться⁷. Советский Союз, таким образом, посредством СКК «вмешивался»⁸ во внутренние и внешние дела Венгрии, на что по соглашению о перемирии, в основном, имел право.

Великодержавные устремления СССР, разумеется, влияли не только на венгерскую внутреннюю политику, но и на международное положение и внешнеполитические условия страны. Венгрия оказалась в зоне политического влияния Советского Союза, что и было принято к сведению Англией и Соединенными Штатами, хотя те и не полностью отказались от защиты здесь своих интересов.

Образование Временного национального правительства, заключение перемирия и полное освобождение страны в середине апреля 1945 г. сделали возможным, чтобы Венгрия еще на этапе перемирия приступила к преодолению внешней изоляции и реорганизации своих международных связей. Одним из условий для этого стало преобразование внешнеполитической службы и дипломатического корпуса. Реорганизация МИД и формирование его штата начались после переезда в Будапешт правительства Бэлы Миклоша Дальнохи в начале апреля при содействии коалиционных партий. С образованием отделов по подготовке к мирному договору и по выполнению условий перемирия, отдела по работе с военно-плебисцитами и созданием Экономического управления СКК и Правительственного комитета по reparations налаживание внутренней структуры министерства было завершено, и она, ввиду проведения прочих изменений, существенно отличалась от структуры министерства до военного времени⁹. В марте (в Дебрецене) там работало всего восемнадцать, а в апреле уже 35 человек; в марте 1947 г. численность контингента достигла до-военного уровня, и из них 383 трудились в стране, а 182 — служили за рубежом¹⁰. Руководство МИД было образовано на коалиционной основе. По международному соглашению и с советского одобрения министром

иностранных дел стал занимавший в прошлом оппозиционные, антигерманские позиции представитель НПМХ Янош Дёндёши, который не имел опыта работы в сфере внешней политики и весьма недавно владел французским языком. Госсекретарем по политическим вопросам был назначен вернувшийся из московской эмиграции член компартии, преподаватель Элек Болгар, госсекретарем по административным делам — карьерный дипломат из старых кадров Пал Шебештьеи, тогда как ключевого значения политическим отцом с 1946 г. руководил также коммунист Дёрдь Хелтаи.

Правительство в коалиционную эпоху имело некоторую самостоятельность в формировании и в руководстве внешней политикой, хотя в основополагающих внешнеполитических вопросах решений принимались на межпартийных совещаниях. Демократические партии пришли к консенсусу в отношении основных целей внешней политики, в том, что Венгрию необходимо скорее вывести из внешнеполитической изоляции, урегулировать международные экономические, политические и культурные связи, беззатратно заключить мирный договор и восстановить суверенитет государства. Было достигнуто взаимопонимание и в вопросе о необходимости установления дружеских отношений с великими державами-победительницами и, прежде всего, с Советским Союзом, а также с соседними государствами, не отказываясь при этом от защиты проживающего там венгерского меньшинства. Однако между политическими силами были и существенные различия. Высшее руководство Венгерской коммунистической партии (ВКП) являлось безусловным сторонником советской ориентации и старалось оказывать все возрастающее воздействие в этом направлении на венгерскую внешнюю политику. В отношениях с соседними государствами важным оно считало сближение с Югославией, надеясь на ее поддержку в случае обострения противоречий с Чехословакией и Румынией в подходах к решению территориальных проблем и вопросов о национальных меньшинствах. Сотрудничество с прибалтийскими государствами оно представляло в форме федерации, и для начала — в качестве первого шага — поддерживало план создания югославско-венгерско-румынского таможенного союза¹¹. В руководстве НПМХ и ее депутатской группе не было единства по вопросам внешней политики. Лидеры партии — Золтан Тильди, Ференц Надь, Бела Варга — оставались сторонниками ангlosаксонской ориентации, но в то же время понимали: соседствуя с СССР, ошибочно проводить антисоветскую политику. Буржуазное крыло и крестьянский центр в своей массе разделяли

мнение партийных руководителей, тогда как левые группы склонялись к сближению с великой социалистической державой. В Социал-демократической партии к началу весны сформировалась так называемая концепция моста, согласно которой Венгрия должна играть посредническую роль между Востоком и Западом¹². В этом вопросе сложилась более или менее единая позиция в партии, но в толковании появились и разногласия. Правое крыло социал-демократии (группа Кетли—Селига, Карой Пейер и его сторонники и др.) последовательно представляло идею принадлежности к Западу, тогда как левые и часть центристов с учетом перспектив социалистического развития высказались за сближение с Советским Союзом¹³. Они представляли себе сотрудничество с придунайскими странами в форме конфедерации, полного политического и экономического слияния. Национально-крестьянская партия в основном акцентировала задачу сохранения национальной независимости и представления национальных интересов, но ее политическое влияние было не велико. Все это определяло и круг внешнеполитической деятельности правительства. Правительство Тильди, а затем и Ф. Надя следовали двойной ориентации: старались наладить одинаково хорошие отношения как с западными великими державами, так и с Советским Союзом.

Подписание соглашения о перемирии означало, что великие союзные державы *de facto* признают новое демократическое правительство Венгрии — Временное национальное правительство. Однако для того, чтобы выйти из дипломатической изоляции, страна нуждалась в международном признании *de jure*. 27 мая 1945 г. Сталин в письме к Гарри Трумэну и Черчиллю впервые предложил союзным державам восстановить дипломатические отношения с Болгарией, Румынией и Финляндией, а «через определенное время» и с Венгрией (По имеющимся в нашем распоряжении советским архивным источникам нелегко ответить на вопрос, почему Москва не желала немедленного международного признания Венгрии. Можно предположить, что причиной был недавний срок — всего полтора месяца назад — со дня освобождения страны. Масштабные социально-экономические перемены только начались, большая часть страны еще лежала в руинах). Черчилль не дал определенного ответа, а президент Трумэн в письме от 7 июня 1945 г. вежливо, но решительно отклонил предложение советского руководителя, сделав исключение для Финляндии. Он сослался на то, что в этих странах (особенно в Болгарии и Румынии) нет демократического строя. Подлинной же причиной было то, что США не желали признать те центральные и юго-восточные стра-

пы Европы, где власть перешла в руки левых сил, а правительства пользовались практически безоговорочной поддержкой СССР. Миниси американской стороны в отношении Венгрии интересно тем, что в начале мая 1945 г. Вашингтон сице был доволен респрезентативным характером временного правительства, более того, 26 мая 1945 г. он предложил Будапешту направить официального политического представителя для поддержания контактов с американскими властями.

В Потсдаме великие державы по предложению советской делегации специально обсудили вопросы дипломатического признания бывших малых союзников Германии. В отношении Финляндии между ними не было расхождений, но в вопросе международного признания Болгарии, Румынии и Венгрии продолжалась дискуссия. Наконец, на предпоследнем заседании по советскому предложению был найден компромисс: три великие державы в Будапеште — сице до подписания мирных договоров — обсудят вопрос установления дипломатических связей по отдельности с каждой из четырех стран¹⁴.

Сообщения печати о дипломатическом признании бывших стран — сателлитов Германии болезнико воспринимались венгерскими партийно-правительственными кругами. Премьер-министр Б. М. Дальюки, министр иностранных дел Я. Дёндёши, лидеры демократических партий посыпали представительства союзных держав, выражая разочарование правительства и желание скорейшего дипломатического признания Венгрии. Посол США Артур Шёнсфельд, однако, 21 сентября 1945 г. неожиданно вручил венгерскому министру иностранных дел ноту о готовности его страны установить дипломатические отношения с Временным национальным правительством, если оно поручится, что в Венгрии будут проведены «свободные и беспрепятственные» выборы, администрация в полной мере обеспечит политические свободы демократическим партиям, прежде всего свободу слова и собраний. Американский дипломат просил не медленного ответа.

Решение о Венгрии было принято в Лондоне окружением государственно-секретаря Дж. Ф. Бирнса, находившегося на совещании Совета министров иностранных дел, без предварительного согласования с Вашингтоном. Изменение американской позиции объяснялось напряженной атмосферой на конференции, где по ряду вопросов мировой политики (мирное соглашение с Италией, дипломатическое признание Болгарии и Румынии, проведение мирной конференции и др.) велась осткая дискуссия. Американцы в целях создания благоприятной для себя атмо-

сферы пошли на уступки в одном из менее важных для себя вопросов — дипломатическом признании Венгрии. Они не без оснований рассчитывали на то, что возобновление дипломатических отношений перед выборами, укрепит Независимую партию мелких хозяев и положение других, ориентированных на Запад, групп. Кроме того, таким образом они хотели оказать воздействие на Болгарию и Румынию, указывая им, при каких условиях США готовы оказывать поддержку.

Премьер-министр Далыноки, приняв американскую ноту, вчером разыскал председателя СКК Ворошилова, проинформировал его об американской инициативе и попросил совета, отметив, что венгерское правительство хотело бы сначала восстановить межгосударственные отношения с Советским Союзом. Советский политик не высказал своей позиции, но посчитал обидными американские предположения в связи с выборами в Национальное собрание. Он срочно известил Сталина о случившемся, предложив установить дипломатические отношения с Венгрией «сейчас же и без всяких условий»¹⁵. Решение в Москве — видимо с одобрения Сталина — было принято за три дня. Ворошилов несколько по-театральному, в перерыве чрезвычайного заседания Совета министров 25 сентября, на котором обсуждался ответ Вашингтону, вручил ноту советского правительства, где сообщалось, что Советский Союз без всяких условий готов немедленно установить дипломатические отношения с Венгрией, и предложил обмен послами. Вслед за этим венгерское правительство решило принять американское предложение и американские условия, что стало возможным ввиду уже начавшейся предвыборной кампании¹⁶.

Среди великих держав Великобритания была наименее мобильной (по конституционным и политическим причинам). Лейбористское правительство лишь после парламентских выборов 4 ноября и создания правительства З. Тильди, т. е. 26 ноября, заявило о том, что Англия признает новое правительство Венгрии, однако установление дипломатических отношений и обмен полномочными послами состоялись только после вступления в силу мирного договора.

Венгрия, с согласия СКК, вскоре нормализовала свои отношения и с другими странами. Инициатива обычно исходила от венгерской стороны. Сначала Ворошилов, затем генерал В. П. Свиридов в роли зампредседателя СКК, без предварительной консультации с английским и американским представителем, в рамках своей компетенции давали разрешения о венгерских ходатайствах об установлении отношений. Западные

страны (в октябре 1945 г. Швеция, летом 1946 г. Турция и Швейцария, в феврале — Австрия) впоследствии не раз напоминали, что лишь постфактум, из печати узнали о разрешении СКК. Свиридов оправдывался, что установление межгосударственных отношений — вопрос не существенный, что руководители западных миссий никогда не протестовали против дипломатического признания. Под влиянием этих рекламаций в случае Италии, Болгарии и Румынии уже имел место предварительный обмен мнениями¹⁷, а с весны 1947 г. изменилась практика, была достигнута договоренность о том, что впредь венгерское правительство по любому вопросу должно обращаться в письменной форме к СКК и по одному экземпляру этих обращений будет вручено в будущем руководителям западных представительств¹⁸. На этапе персимирия Венгрия установила дипломатические отношения с 15 государствами, а к концу 1948 г. их число выросло до двадцати¹⁹. Исключение представляли, с одной стороны, Святой Престол, против установления отношений с которым возражал СССР (правда, и Ватикан не проявлял инициативы)²⁰, с другой — те, признанию которых мешали США²¹. Схожей была ситуация и с реорганизацией экономических и торговых связей. Советская сторона, также без предварительного согласования с союзниками, всегда давала согласие на заключение соглашений об их установлении, а в отдельных случаях даже сама предлагала их. Западные правительства вообще не возражали, когда подписывались те или иные торговые соглашения, но немедленно выразили протест против заключенного 27 августа 1945 г. в Москве договора о перспективном экономическом сотрудничестве (он обеспечивал Советскому Союзу значительные льготы в экономических спошениях с Венгрией). Сталину пришлось давать гарантии, что СССР не воспользуется своими преимуществами и не будет препятствовать тому, чтобы Венгрия поддерживала экономические отношения с другими странами²². К концу периода персимирия она уже имела внешнеторговые связи с 25 странами мира²³.

Восстановление или установление культурных, научных и спортивных связей развернулось еще до заключения мирного договора. В 1945—1947 гг. целый ряд промышленных и сельскохозяйственных делегаций, состоявших из специалистов, совершили поездки в Англию, Францию, Бельгию, Голландию, Швейцарию, Данию и Швецию²⁴. Представители венгерской науки принимали участие в работе международных конференций. Широкий резонанс в печати получила поездка в конце мая 1945 г. пяти венгерских ученых (в их числе нобелевский лауреат Альберт Сент-Дёрди) в Москву на торжества по случаю 200-летия образования Акаде-

мии наук СССР²⁵. Общественные организации также получили возможность для установления связей с зарубежными партнерами. Венгрия была представлена на парижском учредительном заседании Всемирного Совета Профсоюзов в конце сентября 1945 г.²⁶, предпринимала шаги к возвращению в другие международные организации. Однако препятствием явилось то, что США по политическим мотивам помешали в сентябре 1947 г. принятию Венгрии в ООН, тогда как СССР поддерживал ее²⁷.

Новым явлением в процессе восстановления международных связей Венгрии стало расширение роли демократических партий во внешней политике. Так, одновременно с установлением межгосударственных отношений уже в 1945 г. началось оформление межпартийных контактов. В этом плане пример подавали ВКП и СДПВ.

Венгерская компартия, хотя Москва на это смотрела косо, уже ранним летом 1945 г. сделала первые шаги в налаживании связей с компартиями Австрии, Чехословакии, Югославии, Румынии²⁸. До весны 1948 г. ВКП поддерживала хорошие отношения с КПЮ (и лично с Иосипом Броз Тито), что благотворно влияло и на контакты между государствами. С КПЧ, поскольку она поддерживала антивенгерский политический курс правительства (программу выселения венгров из Словакии), межпартийные отношения оставались напряженными вплоть до февраля 1948 г. Руководители ВКП в ряде случаев обращались к Москве с жалобами²⁹.

В 1945—1946 гг. СДПВ возобновила связи с зарубежными социал-демократическими организациями: ее представители регулярно присутствовали на переговорах по реорганизации Социалистического интернационала и участвовали в других международных совещаниях. После победы на выборах 26 июля 1945 г. в Великобритании Лейбористской партии правое крыло и центр СДПВ сочли ее пример пригодным для подражания, но одновременно они поддерживали связи с политическими организациями и других западноевропейских социал-демократий. В Восточной Европе А. Сакашич и возглавляемая им партия имели дружественные отношения с чехословацкой и польской социал-демократическими партиями. В мае 1947 г. в Будапеште состоялось совещание социалистических партий придунайских государств, которое кроме политической декларации не принесло никаких практических результатов, однако вызвало подозрение советской дипломатии и коммунистических партий. С лета 1947 г. связи СДПВ с западными партиями заметно ослабели — по причине поляризации политических сил в международной сфере, ухудшения межгосударственных отношений с западноевропейскими страна-

ми, а также в результате наступивших сдвигов вправо и расколов в рядах западных социал-демократических партий. 22 марта 1948 г. левые силы СДПВ, взяв власть в свои руки, официально прекратили контакты с западными партиями. В канун образования Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Социал-демократическая партия Венгрии пресекла свое сотрудничество даже с чехословацкой и польской партиями³⁰.

Независимая партия мелких хозяев, которая и до войны не имела особых связей с восточноевропейскими крестьянскими партиями и международными аграрными организациями, после освобождения тоже не находила партнеров. Партийное руководство, находясь под постоянным политическим давлением, почти не занималось налаживанием международных партнерских отношений. Попытки Австрийской народной партии и Польской крестьянской партии по сближению с НПМХ успехом не увенчались.

Для венгерской внешней политики важнейшей задачей было скорейшее заключение мирного договора с союзными державами. В исторической литературе история данного вопроса освещена весьма основательно, поэтому вдаваться в детали здесь нет необходимости³¹. Коснемся лишь одного вопроса: в чем причина венгерской неудачи? Венгерский МИД, отдел по подготовке мирного договора во главе с Иштваном Кертесом, соответствующие государственные органы сделали все необходимое для подготовки Венгрии к мирным переговорам. В отличие от них деятельность коалиционных партий в этом направлении была медлительной, инертной, их согласованная позиция вырабатывалась несправедливо долго. Противоречивость интересов в рядах коалиционных партий, различия в оценках внешнеполитической ориентации Венгрии и международного положения затрудняли и замедляли выработку целей, задач и тактики, связанных с заключением мирного договора. Кроме того, демократические силы в условиях международного контроля и военной оккупации, отсутствия суверенитета считали внешнюю политику, в сравнении с внутренней, второстепенной. ВКП, подчиняя вытекающие из мирного договора национальные интересы интересам общедемократического процесса в Восточноевропейском регионе (включая Румынию) в целом, публично не поднимала территориальные проблемы, включая вопрос о Трансильвании. Генеральный секретарь компартии Матяш Ракоши еще летом 1945 г. осознавал эту ошибку, но политики-коммунисты не меняли своей тактики еще целый год³². Можно порицать венгерское правительство и дипломатию, что с точки зрения мирных перспектив они недостаточно учитывали

международную ситуацию, недооценивали решающую роль Советского Союза в делах Центральной и Юго-Восточной Европы. Можно говорить и о том, что правительство на международной арене вело себя слишком пассивно, что венгерские мирные устремления недостаточно пропагандировались за рубежом (в отличие от Румынии), что не уделялось достаточно внимания работе с соседними государствами. Ознакомление в апреле 1946 г. Москвы, а затем, в июне, США и Великобритании с венгерскими целями мирного договора оказалось запоздалым и не дало результатов. Впрочем, Я. Дёндёши, недостаточно владевший иностранными языками, был непригоден для того, чтобы возглавлять мирную делегацию. Все это верно. Но в конечном счете судьбу мирных договоров решали интересы великих держав. Упрощая, можно сказать: Англия и США — в обмен на то, что СССР не препятствовал им в вопросах мирного договора с Италией — собственно, без каких-то существенных изменений — приняли предлагаемые советские проекты мирных договоров со странами региона, которые, естественно, отражали государственно-политические интересы и восточноевропейские стремления Советского Союза. Румыния для Москвы с точки зрения ее стратегии, безопасности, экономики и политики оказалась важнее, чем Венгрия, поэтому с осени 1945 г. на международных переговорах она исходила из того, чтобы Трансильвания полностью была отдана Румынии.

Венгерское правительство и демократические партии на этапе персоналий ввиду усилившейся борьбы за власть, чехословацко-венгерского обмена населением, выселения немецкоязычного населения, в условиях подготовки к мирному договору и пр. не могли уделять достаточно внимания налаживанию и развитию двусторонних связей. Положение усложнялось и тем, что статус сопредельных государств также был различным. Австрия, поделенная на четыре зоны, находилась под оккупацией войск союзных держав и вопрос о ее международном статусе не был решен. Румыния, а также Болгария, подлежали международному контролю, тогда как Чехословакия и Югославия относились к лагерю победителей. Обе последние, а также Румыния уже в 1946 г. были ближе Советскому Союзу, чем Венгрия. Тем не менее Будапешт принимал меры, чтобы восстановить отношения с великими союзными державами и с сопредельными странами.

Для Венгрии во внешней политике одной из важнейших задач стало установление и поддержание дружественных отношений с Советским Союзом; это понимали и члены коалиционного правительства, и лидеры

демократических партий. В 1944—1947 гг. межгосударственные связи находились на достаточно низком уровне и дела, касающиеся двух стран, решались через СКК, по партийным или военным каналам. Примером в этом отношении является формальная роль венгерского посольства в Москве³³. Территориальные вопросы не возникали прежде всего потому, что судьбу Подкарпатского края (ныне Закарпатская область Украины) решали между собой Советский Союз и Чехословакия, полностью игнорируя участие Венгрии. Эта территория, согласно подписенному между ними 25 июня 1945 г. договору, отошла к УССР, т. е. к Советскому Союзу³⁴.

Москва из-за проблем с венгерским национальным меньшинством в Чехословакии и нерешенности территориального вопроса — ввиду своих международных обязательств — не могла оказать той поддержки, на которую рассчитывали венгры. СССР придерживался выполнения обязательств по перемирию и соблюдения международных соглашений, касающихся Венгрии. В апреле 1946 г. венгерская правительственный делегация во главе с премьер-министром Ференцем Надем (членом НПМХ) побывала в Москве, и эта поездка сама по себе способствовала росту международного авторитета Венгрии, который был довольно низким. В мае 1947 г., еще до вступления мирного договора в силу, советское правительство дало согласие на возвращение венгерских военнопленных на родину.

Советский Союз сразу после освобождения Венгрии оказывал ей значительную экономическую помощь, принимая участие в восстановлении разрушенных войной шоссейных и железных дорог, мостов на Дуне; возвратил под венгерское управление работавшие ранее для нужд фронта более 300 промышленных предприятий, шахт и Венгерские государственные железные дороги (МАВ); неоднократно выдавал продовольственные займы голодающему Будапешту; поставлял инвентарь, тягловую силу и горючее для выполнения сельскохозяйственных работ; предоставил банковский кредит для налаживания денежного оборота. 27 августа 1945 г. СССР заключил с венгерским правительством соглашение о товарообороте на сумму 30 млн. долларов, взяв обязательство поставлять прежде всего сырьевые материалы. Вернул венгерское имущество, увезенное немцами и венгерскими нацистами, которое оказалось в советской зоне оккупации Германии. В то же время Кремль жестко требовал выполнения подписанных 15 июня 1945 г. условий соглашения о reparations, которые являлись для венгерской экономики тяжелым грузом, и лишь по просьбе венгерского правительства в 1946 г. согласился на продление срока вы-

полнения репарационных поставок с 6 до 8 лет и на изменение квоты годовых поставок³⁵. Москва предприняла все, чтобы овладеть находившейся в Венгрии германской собственностью стоимостью 160 млн. долларов в соответствии с потсдамскими решениями. Менее известно, что в Венгрии по советскому предложению был учрежден независимый от правительства орган, работавший под коммунистическим началом — Главный Экономический Совет, прежде всего, с целью защиты экономических интересов Москвы³⁶. Весной 1947 г. с участием германской собственности в Венгрии были созданы совместные венгеро-советские предприятия, в результате чего важные отрасли промышленности попали под советский контроль³⁷.

С установлением дипломатических отношений, но особенно после победы на выборах НПМХ, интерес США к Венгрии возрос, и началось стремительное улучшение отношений между двумя странами. Вашингтон с целью укрепления позиций и роста самостоятельности правительства Тильди, а затем Ф. Надя, и для того, чтобы несколько снизить советское влияние в Венгрии, стал оказывать ей главным образом экономическую и финансовую поддержку: в январе 1946 г. отменил эмбарго на торговые отношения; Венгрия получила кредит в 15 млн. долларов для приобретения имущества, оставленного в Европе американской армией; а также 4 млн. долларов помощи по линии Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации (ЮНРРА) на закупки лекарств и оборудования для здравоохранения. И это несмотря на то, что Венгрия была страной, потерпевшей поражение. Венгрии было возвращено вывезенное гитлеровцами венгерское имущество, оказавшееся в американской зоне оккупации, и прежде всего золотые запасы Национального банка на сумму 32 млн. долларов. Весной 1947 г. американское правительство обнародовало решение о дальнейшей экономической помощи Венгрии: оно пообещало новый 15-миллионный кредит для закупок военного имущества и 7 млн. долларов для закупки пряжи. Затрагивались и вопросы поставки зерна и новой дополнительной помощи от ЮНРРА. Госдепартамент неоднократно инициировал в Москве выработку тремя великими союзными державами совместной программы экономического восстановления Венгрии. Все это не означало, однако, что американская сторона была удовлетворена внутренней и внешней политикой правительства Ференца Надя, она особенно критиковала уступчивость НПМХ и премьер-министра во время коалиционного кризиса в марте 1946 г. Венгеро-американские отношения в результате июньской поездки правительственный делега-

гации во главе с Ф. Надсем в Вашингтон нормализовались, но только на время. Вынужденная отставка премьер-министра в конце мая 1947 г. и его эмиграция привели к крутым повороту в венгерской политике США: симпатии и готовность к помоци исчезли, начался спад двусторонних отношений. Изгнанис руководителей НПМХ из правительства Вашингтон расценил как коммунистический путч, поддержаный Советским Союзом, и хотя до разрыва дипломатических отношений и не допшло, им были приняты соответствующие меры: 4 июня 1947 г. заморозили предоставление 30-миллионного кредита для закупки снаряжения, оставлеиного американской армий в Европе, объявили об аннулировании 7-миллионного кредита для закупки пряжи, Венгрию вычеркнули из списка помощи ЮНРРА. Более того, планировали вынести вопрос об отстранении Ференца Надя от власти на Совет Безопасности ООН³⁸.

Венгеро-английские связи по сравнению с венгеро-советскими и венгеро-американскими контактами были менее существенными. Если говорить о соседних с Венгрией государствах, то отношения с Австрией складывались нормально, хотя до 1955 г. они не были активны. В 1945—1946 гг. в Будапеште и Вене работали неофициальные представительства. 17 января 1945 г. СКК позволила Венгрии установить дипломатические отношения с Австрией. Между двумя странами не возникали спорные политические либо территориальные вопросы. Экономические связи развивались беспрепятственно. Уже 4 августа 1945 г. в Будапеште было подписано соглашение о товарообмене. Если в 1946—1947 гг. Австрия во внешнеторговом обороте Венгрии занимала седьмое, то в 1949 г. уже пятое место, а в импорте с десятого пересместилась на четвертое место.

Из сопредельных государств у Венгрии наиболее благоприятные отношения были с Югославией. В венгерских политических кругах считали национальную политику Белграда более уравновешенной, чем Праги или Бухареста. Венгерское меньшинство не подвергалось ущемлению прав или дискриминации, о реакции на события 1942 г. в Нови-Саде еще не было известно. Благодаря согласию между демократическими партиями двух стран в Венгрии не возникало территориальных требований в отношении южного соседа. Югославское же руководство претендовало прежде всего на город Печ и его окрестности (поскольку там имелся уголь), и даже на часть Бачки с городом Байя. Такое желание оно выразило и Сталину во время переговоров в Москве в январе 1945 г., который хотя и не отверг, но и не поддержал эту просьбу³⁹. Хотя территориальные претензии не снимались даже в 1946 г., вопрос о них не был поднят в ходе мирных

переговоров. Видимо, так произошло потому, что Югославия была заинтересована в укреплении демократической системы в Венгрии и не хотела ослабления позиций левых сил. Производило хорошее впечатление и то, что венгерская дипломатия поддерживала претензии Югославии на Триест. Тито и его окружение играли посредническую роль между Чехословакией и Венгрией в вопросах обмена населением. В сентябре 1946 г. по инициативе Белграда было достигнуто соглашение о добровольном обмене населением (что должно было затронуть около 40 тыс. человек)⁴⁰, хотя до его реализации не дошло. Соглашение о reparациях было подписано ранее, а первое значительное торговое соглашение заключено в декабре 1946 г. Югославия спустя десять дней после подписания мирного договора установила дипломатические отношения с Венгрией. Политические контакты были достаточно тесными. Ракоши и другие руководители венгерских коммунистов бывали в Белграде по несколько раз в год. В начале октября 1947 г. туда поехала венгерская правительенная делегация во главе с премьер-министром Лайошем Диннешем, а спустя два месяца Тито совершил ответный визит. На сей раз 8 декабря 1947 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что стало первым такого рода договором Венгрии.

Венгеро-югославские отношения во многом зависели, однако, от сотрудничества СССР и Югославии, а оно до весны 1948 г., несмотря на существующие политические споры между ними, продолжали оставаться дружескими. Характерно, что Тито регулярно информировал советского посла в Белграде о своих переговорах с Ракоши и венгерскими партийными руководителями. Летом 1948 г., однако, произошел раскол, который привел и к охлаждению в венгеро-югославских отношениях, а затем к полному их разрыву.

В отношениях Румынии и Венгрии на этапе перемирия наблюдалась напряженность, вызванная в первую очередь территориальными спорами, судьбой Северной Трансильвании, положением венгерского меньшинства, арестом венгерской собственности, вопросами, связанными с гражданством и прочими мерами, направленными против венгров в Румынии. Вопреки этому межгосударственные связи постепенно расширялись. В октябре 1945 г. были заключены соглашение о товарообмене на сумму 5 млн. долларов, протокол об обмене военными преступниками. По румынской инициативе начались переговоры о таможенном союзе. Оживилось культурное сотрудничество. Позиция, занятая 7 мая 1946 г. Советом министров иностранных дел, последующее подписание мирно-

го договора с Румынией, т. е. передача ей Трансильвании, привели к ухудшению отношений. Визит в Венгрию румынской делегации во главе с премьер-министром Петру Гроза, которая прибыла в Будапешт 2 мая 1947 г. с тем, чтобы убедить демократические партии и венгерскую общественность принять потерю Трансильвании и просоветскую ориентацию Румынии, не принес больших конкретных результатов⁴¹, несмотря на внешнюю помпезность и постоянное упоминание о дружбе. Удалось сдвинуть с места только культурное сотрудничество, когда 25 ноября 1947 г. во время посещения Румынией венгерской делегацией во главе с премьер-министром Л. Диннешем представители двух делегаций подписали культурное соглашение.

Из числа сопредельных стран наихудшими были отношения с Чехословакией, что в основном объяснялось национальной политикой чехословацкого руководства, преследованием венгерского национального меньшинства в Словакии, новыми претензиями в канун мирных переговоров. Чехословацкая буржуазная эмиграция еще в годы войны решила, что немцев, а также венгров следует удалить из Чехословакии путем обмена населением. Венгров (и немцев) декретом президента лишили чехословацкого гражданства, затем конфисковали их имущество, многих интернировали, пренебрегая правами человека и гражданскими свободами, выслали из страны около 30 тыс. человек, просто перевезли их через границу, в лучшем случае с ручным багажом. Венгерское правительство (а также партии, в том числе ВКП) с самого начала выразили протест против лишения прав и преследования венгров в Чехословакии. Советское правительство сначала поддерживало политику чехословацкого правительства, направленную против венгров⁴², но после Потсдамской конференции поощряло двусторонние переговоры. Это также способствовало тому, чтобы по чехословацкой инициативе, — при поддержке Москвы и Вашингтона, — в декабре 1945 г. начались переговоры между двумя странами, которые привели 27 февраля 1946 г. к заключению соглашения об обмене населением. Положение венгерского меньшинства продолжало, однако, и в дальнейшем вызывать особую напряженность между ними. Несмотря на это поддерживались экономические связи. В мае 1946 г. было подписано соглашение о reparации, и когда у Венгрии возникли затруднения, Прага согласилась на отсрочку. Товарооборот постепенно расширялся: Если Чехословакия в венгерском экспорте в 1946—1947 гг. занимала четвертое, то в 1949 г. уже второе место, в импорте же в 1949 г. она отодвинулась со второго на третье место.

Мирный договор с Венгрией вступил в силу 15 сентября 1947 г. Прекратился международный контроль над страной, СКК завершила свою деятельность. Венгрия восстановила свой суверенитет, но он еще не давал возможности для самостоятельных действий. Венгрия даже на короткое время не оказалась в таком положении, чтобы самой решать: желает ли принадлежать к Западу или Востоку. За нее все решали международная ситуация и соотношение политических сил в стране.

Весной 1947 г. разразилась «холодная война», а к осени стало очевидным, что процесс разделения мира на две мировые системы подходит к завершению. В Западной Европе началось вытеснение из властных структур компартий и левых групп. В Восточной Европе, особенно после образования в сентябре 1947 г. Информбюро, ускорился захват власти коммунистическими партиями. План Маршалла, призванный отеснить советское влияние и влияние левых сил в западноевропейских странах, консолидировать экономическую ситуацию в Европе, способствовать интеграции, на деле привел к разделению Европы на две части. Советское партийное руководство сначала было готово участвовать в плане при выполнении его твердых условий. Оно сказали «нет» лишь тогда, когда выяснилось: англичане и французы на самом деле не имеют серьезных намерений договориться с СССР, а добиваются его неучастия. Среди восточноевропейских стран были такие, которые изначально отвергли участие на парижских переговорах (например, Венгрия), тогда как других (как Чехословакия) Сталину пришлось шантажировать, чтобы они отказались от этого участия.

Прежняя двойная внешнеполитическая ориентация — поддержание братских связей одновременно с Советским Союзом, США и Англией — становилась не только более трудной, но по сути лишилась и внутриполитической поддержки. В конце августа 1947 г. прозападная Независимая партия мелких хозяев потерпела на выборах катастрофическое поражение — она получила всего 15,4% голосов (в 1945 г. у нее было 57% сторонников), тогда как ВКП небольшим обманом и хитростями — более 22%. Было сформировано коалиционное правительство левого большинства, в котором определяющую роль играли коммунисты, правые же партии оказались вытесненными из управлеченческих структур, а вскоре даже и из политической жизни вообще. С объединением двух рабочих партий летом 1948 г. политическая власть целиком оказалась в руках коммунистов, и начался переход к социалистической системе советского типа. Руководство внешнеполитическим ведомством уже при образовании второго

кабинета Диниеша 24 сентября 1947 г. возглавил коммунист Эрик Мольнар, а вскоре была проведена чистка МИД, в ходе которой за 1948 г. было уволено со службы 37% его сотрудников⁴³.

Правительство левых с осени 1947 г. первым делом занялось налаживанием тесных связей с СССР и окружавшими Венгрию народно-демократическими странами: Инициатором выступила Москва, которая в условиях натянутых советско-американских отношений стремилась укрепить свою власть над восточноевропейским регионом. Политбюро ЦК ВКП(б) 14 октября 1947 г. приняло постановление о необходимости подготовить к подписанию договоров о взаимопомощи те малые восточноевропейские страны, с которыми у СССР не было таких соглашений. В документе содержалась установка — будущий договор будет направлен не только против Германии, но и против каждой страны, которая ведет агрессивную политику, т. е. следовательно (в соответствии с советским замыслом) и против ангlosаксонских великих держав⁴⁴. В случае с Венгрией заранее был определен и порядок. В то время с советской стороны еще не было намеков на то, чтобы Будапешт первым заключил договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Югославией (8 декабря 1947 г.). С Румынией подобное соглашение было достигнуто в январе 1948 г. Оно почти дословно повторило текст подписанного несколькими днями ранее советско-румынского договора. 16 февраля 1948 г. в Москве Молотов передал венгерской правительственной делегации и президенту республики З. Тильди проект советско-венгерского договора. Встреча длилась всего 20 минут, и венгерские руководители без единого возражения приняли его. Ракоши только спросил, направлен ли договор также против США. Положительному ответу он явно не удивился⁴⁵. Основной договор, который был подписан два дня спустя, предусматривал оказание военной помощи на случай агрессии со стороны Германии, либо любой союзной с ней державы; предусматривались взаимные консультации по международным вопросам, касающимся двух стран, декларировались такие сами по себе демократические внешнеполитические принципы, как независимость и государственный суверенитет, говорилось о подготовке к расширению и углублению экономического и культурного сотрудничества между двумя странами на принципах невмешательства во внутренние дела других стран. Через несколько месяцев подобные соглашения были заключены с Болгарией и Польшей. С учетом прежних противоречий последним, в апреле 1949 г., был разработан и подписан договор, предусматривавший более тесное сотрудничество с Чехословакией.

Венгрия, подписав двусторонние международные соглашения, стала частью союзной системы народно-демократических государств, и выступала вместе с ними по международным вопросам. Она принимала участие в Варшавском совещании министров иностранных дел в июне 1948 г., где обсуждался германский вопрос, присутствовала на Белградской конференции по Дунайскому пароходству, в 1949 г. протестовала вместе с остальными против образования НАТО. Участвовала Венгрия и в создании Совета Экономической Взаимопомощи.

Присоединение Венгрии к советскому блоку, несомненно, способствовало укреплению международного положения страны, обеспечивало гарантию безопасности. Этот процесс, однако, приводил с другой стороны к свертыванию связей с западными странами, главным образом с США и Англией. Между тем, пока Венгрия создавала и укрепляла свои контакты с восточноевропейскими странами, происходила ее изоляция от остального мира, которая после известного решения Информбюро дополнилась полным разрывом отношений с Югославией. Тем самым Венгрия в определенной мере возвратилась к ситуации, в которой она находилась в конце войны: приходилось считаться с давящим чувством международной изоляции.

Перевод с венгерского Б. Й. Желицки

П р и м е ч а н и я

¹ Romsics I. Amerikai béketervez a háború utáni Magyarországról. Az Egyesült Államok Külügyminiszteriumának titkos iratai. 1942—1944. Gödöllő, 1992. 258. old.

² См.: Sipos P., Vida I. Az Egyesült Államok és Magyarország a második világháború végén // Valóság. 1980. 2.sz. 80—85. old.

³ «СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии... Поэтому политика СССР в отношении Венгрии должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности сузить его территорию, строго следя за этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии. Третийское решение о Трансильвании должно быть пересмотрено в соответствии с национальным принципом, но с известным уклоном в пользу Румынии... Венгрия, по крайней мере на первые годы после войны, должна быть оставлена в положении международной изоляции. На Венгрию также должны быть наложены reparations», — говорится в январской 1944 г. записке И. М. Майского (Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы. М., 2000. С. 222—223).

⁴ Iszlamov T. Erdély a szovjet külpolitikában a II. világháború alatt // Multunk. 1988. 1—2. sz. 17—51. old.

⁵ Для мышления руководителей советской дипломатии характерно следующее: в связи с советско-венгерским экономическим соглашением правительство Великобритании заявило протест Москве, ссылаясь на то, что оно противоречит британским экономическим интересам. На первой странице ноты замминистра иностранных дел СССР В. Г. Деканозов, занимавшийся венгерскими делами и, впрочем, принадлежавший к узкому кругу Л. П. Берии, написал: «Надо проучить этих наглых ребят, чтобы не совали свой нос куда не следует и показать им, где их место» (АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 169. Д. 20. Л. 105).

⁶ Протоколы американской и отчасти английской миссии СКК о заседании опубликованы: Documents of the Meetings of the Allied Control Commission for Hungary 1945—1947. Вр., 2000. 456. old.

⁷ Földesi M. A Szövetséges Ellenőrző Bizottság Magyarországon (Visszaemlékezések, diplomáciai jelentések tükrében, 1945—1947). Вр., 1995.

⁸ Под вмешательством имеем в виду следующее: независимое государство ради защиты своих интересов, идеологии, системы ценностей, с использованием дипломатических, военных, экономических либо других средств навязывания вмешивается в дела другого независимого государства с целью изменить характер его управления или системы, его политику. В 1945—1947 гг. Венгрия не была независимым государством, она находилась под международным контролем, следовательно, категория вмешательства здесь не применима. Лучшего термина, однако, еще не придумано. Дефиницию понятия «вмешательство» см.: The US Policy for the Post-Cold World. New Challenges and New Responses. New York, 1994. Р. 15.

⁹ О внешнеполитической службе в период между двумя мировыми войнами см.: Iratok a külügyi szolgálat történetéhez. 1918—1945. Вр., 1994. 528. old.

¹⁰ Dálnoki Miklós Béla kormányának (Ideiglenes Nemzeti Kormány) minisztertanácsi jegyzőkönyvei 1944. december 23 — 1945. november 15. (Далее — Id. NK). Вр., 1997. А. kötet. 43. old. (Erdély — Id. NK jegyzőkönyvei. 1997.)

¹¹ В сентябрьской (1945 г.) предвыборной программе ВКП в связи с этим говорилось: «Важнейшей целью венгерской внешней политики являются: обеспечение мира и взаимопонимания придунайских народов, прокладывание путей к осуществлению кошутовского идеала — Дунайской федерации. Для этого, наряду с интенсивным налаживанием торговых связей, необходимо стремиться к созданию румыно-югославско-венгерского таможенного союза (A Magyar Kommunisták Párt és Szociál demokrata Párt határozatai 1944—1948. Вр., 1967. 158. old. Далее — MKP és SzDP határozatai. 1944—1948.)

¹² Подробнее см.: Jemnitz J. A magyarországi szociáldemokrata párt irányvonalának alakulásához 1945—1948 // Történelmi Szemle. 1965. 2—3. sz. 149. old.

¹³ Дёрдь Марошан в январе 1947 г. информировал Г. М. Пушкина о дискуссиях, связанных с внешнеполитической ориентацией СДПВ. О дискуссиях см.: Советский фактор в Восточной Европе 1944—1953. Документы. М., 1999. Т. 1. С. 398—399.

¹⁴ То, что союзные державы не смогли прийти к единому мнению в вопросе о государствах-«сателлитах», а Потсдамская конференция решение отдала на усмотрение отдельных стран, в конечном счете привело к тому, что дело сдвинулось с мертвой точки. Спустя четыре дня после завершения работы конференции, т. е. 6 августа, СССР заявил об установлении дипломатических отношений с Румынией и Финляндией, а 14 августа известил болгарское правительство о своей готовности нормализовать отношения и обменяться послами. США 17 августа признали Финляндию.

¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1948. Москва—Новосибирск. Т. 1. С. 263—264.

¹⁶ Id. NK jegyzőkönyvei. 1997. B. Kötet. 274—279. old.

¹⁷ Documents of the Meetings... P. 272.

¹⁸ Ibid. P. 294—296.

¹⁹ Нейтральная Швеция была первой страной, которая инициировала восстановление дипломатических отношений с Венгрией. В начале сентября 1945 г. Стокгольм непосредственно обратился к советскому правительству и просил о посредничестве. О намерениях шведов К.Е. Ворошилов 28 сентября известил МИД Венгрии, а уже 2 октября 1945 г. венгерское правительство ответило, дав свое согласие. Советский политик, отвечая на протесты западных союзников, оправдывался тем, что в данном вопросе он выступал в роли представителя советского правительства, а не председателя СКК (См.: Documents of the Meetings... P. 86.)

²⁰ Gergely J. Magyar-szentszéki diplomáciai kapcsolatok (1920—1990) // Magyarország és a Szentszék diplomáciai kapcsolata 1920—2000. Bp., 2001. 74—83. old.

²¹ Documents of the Meetings... P. 272, 294.

²² Sipos P., Vida I. Az 1945. augusztus 27-én megkötött szovjet-magyar gazdasági egyezmény és a nyugati diplomácia // Külpolitika. 1985. 4. sz. 102—124. old.

²³ Pető I., Szakács S. A hazai gazdaság négy évtizedének története 1945—1985. I. köt. Bp., 1985. 93. old.

²⁴ Весной 1947 г. Ф. Надь в составе сельскохозяйственной делегации сам побывал во Франции, Швейцарии и Дании. Позже инструктуру ВКП(б) Г. Короткевичу он сказал: «не принесла каких-либо серьезных результатов, поскольку экономический уровень развития этих стран совсем другой чем у Венгрии, поэтому мало что было возможно принять от них. В ближайшем будущем, однако, целесообразно организовать поездки венгерской экономической делегации в Югославию и Болгарию» (Moszkvának jelentjük... Bp., 1994. 168. old.)

²⁵ Szabad Nép. 1945. 4.VI.

²⁶ Венгерскую профсоюзную делегацию возглавил коммунист Иштван Кошша, генеральный секретарь Профсовета (Id.NK. B. Kötet. 209. old.).

²⁷ Вопреки американскому вето, Венгрия получила возможность вступить в специальные организации ООН. В 1946 г. она стала членом Организации по продовольственному обеспечению и сельскому хозяйству (FAO), а затем и ЮНЕСКО.

²⁸ Венгерская делегация под руководством Михая Фаркаша 18—23 июня 1945 г. находилась в Бухаресте, где вела переговоры с румынской делегацией во главе с Петру Гроза. Через месяц, 17 июля, Матяш Ракоши и Ласло Райк поехали в Белград, где встречались с Й. Б. Тито. Генеральный секретарь ВКП вместе с М. Фаркашем 23—25 июля побывал также в Праге, где встретился с руководителями КПЧ, был принят и президентом Э. Бенешем. Венгерские представители посетили Венгрию, где вели переговоры с руководителями Австрийской коммунистической партии. На этих двусторонних переговорах, наряду с партийными делами, затрагивались и вопросы, касающиеся двух стран. Например, в Бухаресте — судьба Трансильвании, в Белграде и Праге выплата reparаций и преследование венгерского национализма. Проведенные переговоры, если не считать Югославию, не дали результатов. (См.: *Vass H. Dokumentumok Rákositól — Rákosiról // Multunk. 1991. 2—3. sz. 281—282. old.; Moszkvának jelentjük... 22. old.; Rákosi Mátyás. Visszaemlékezések. 1940—1956. Bp., 1997. 440—447. old.*)

²⁹ Ракоши говорил Короткевичу: «Не пригласили нас на свой съезд... Несмотря на это мы их пригласили на свой, но они не ответили... У нас была договоренность с чехословакскими коммунистами о том, что ВКП направит представителя в Словакию для того, чтобы он мог там организовать пересезд в Венгрию ряда венгерских коммунистов и их семей. Готвальд отказался выдать их. Наших товарищей же силой увозят в Чехословакию и заставляют их работать в качестве поденщиков. В Словакии по-настоящему преследуют венгерских коммунистов. В результате этого венгерские коммунисты яростно испанывают чехословакских коммунистов». (*Moszkvának jelentjük... 176—177. old.*)

³⁰ *Jemnitz J. Op. cit. 150—198. old.*

³¹ *Balogh S. Magyarország külpolitikája 1915—1950. Bp., 1988. 132—262. old.; Fülop M. A besejezetlen béké. A Külügyminiszterek Tanácsa és a magyar békészerződés. Bp., 1994. 237. old.; Fülop M., Sipos P. Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998. 364—435. old.*

³² В связи с этим 23 июня 1945 г. М. Ракоши докладывал Г. Димитрову в Москву: «Что касается вопроса Трансильвании, то надо сказать, что, конечно, это очень болезненный вопрос, потому что венгры говорят, что Румыния была вассалом Гитлера и все-таки получила те территории, где живет более 1 млн. венгров. Мы пока этот вопрос не ставим, потому что лучше об этом не говорить, так как здесь очень много еще свежих ран, но товарищи разъясняют, что там демократизация и к венграм относится демократично... Но мы не жмем, не занимаемся этим вопросом. Мы говорим о будущем братстве этих мелких народов, которые на основе демократии придут, наконец, к такому положению, которое всех устроит. Это вопрос довольно болезненный. Реакция держит его в порядке дня». (Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы. С.312).

³³ Это хорошо прослеживается по отчетам Дюлы Секфю и венгерского посольства в Москве, которые опубликовал Д. Лазар (См.: *Lázár Gy. Szekfű Gyula követ és a moszkvai magyar követség jelentései, 1946—1948. Bp., 1998. 210. old.*)

³⁴ Zseliczky B. Kárpátalja a csch és a szovjet politika érdekerében. 1920—1945. Bp., 1998. 93—127. old.

³⁵ A magyar jóvátétel és ami mögötte van... Válogatott dokumentumok, 1945—1949. Bp., 1998.

³⁶ В донесении советского посольства из Будапешта от 16 апреля 1947 г. в отношении 1946 г. отмечается: «Главный Совет по экономике сыграл большую роль в том, что мы получили германскую собственность. С уверенностью можно утверждать, что без Главного Совета мы не получили бы даже половины той германской собственности, которой располагаем ныне в Венгрии». (Восточная Европа... Т. 1. С. 608—609.)

³⁷ Borhi L. A kremli kalmárok. A magyarországi szovjet terjeszkedés gazdasági okai // Vasfüggöny mögött. Magyarország nagyhatalmi erőterben, 1945—1968. Bp., 1999. 5—70. old.

³⁸ Várkonyi P. Magyar-amerikai kapcsolatok, 1945—1948. Bp., 1971. 137—258. old.
Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet térhódítás Magyarországon, 1944—1949. Debrecen, 2000. 49—115. old.

³⁹ Восточная Европа, 1944—1948. С. 118—130.

⁴⁰ Föglein G. Magyar-jugoszláv népcseré egyezmény tervezet. 1946 // Századok. 1996. 6. sz. 153—157. old.

⁴¹ Вернувшись домой, Гроза представил отчет председателю СКК в Румынии И. З. Сусайкову о венгерских впечатлениях. См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940—1946. Документы. М., 2000. С. 435—440.

⁴² 28 июня 1945 г. на московских переговорах с чехословацким премьер-министром при обсуждении проблемы Закарпатской Украины, когда зашла речь о выселении судетских немцев и венгров, Сталин сказал: «Мы не будем ограничивать Вас в этом. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господствовать над другими» (Советский фактор... Т. 1. С. 232).

⁴³ С 1 января по 31 декабря 1948 г. из внешнеполитических структур было уволено 235 человек, одновременно приняли на работу 191 нового служащего, из которых 64 % по своему происхождению являлись рабочими. Многие из них оказались на руководящих постах (См.: Az 1947. évi szeptember 16-ra összehívott Országgyűlés Naplója. V. köt. Bp., 1949. 44. old.)

⁴⁴ Восточная Европа... Т. 1. С. 280—281.

⁴⁵ Советский фактор... Т. 1. С. 536—539.

Т. А. Покивайлова

Советская военная администрация в Трансильвании (ноябрь 1944 – март 1945 года): проблемы национальных меньшинств и межэтнических конфликтов*

До начала 1990-х годов проблематика, связанная с новейшей историей Трансильвании, являлась закрытой для российских исследователей, а документы, находившиеся в российских архивах, попадали под гриф секретности¹. Это объяснялось прежде всего позицией советского руководства, сознательно пытавшегося скрыть и затушевать противоречия между дружественными СССР странами, в частности между Венгрией и Румынией. Поэтому появившаяся в конце 80-х – начале 90-х годов возможность доступа к материалам российских архивов позволила обратиться к изучению ранее обходившихся стороной советско-румыно-венгерских отношений, включавших проблему Трансильвании.

На протяжении первой половины XX в. Трансильвания трижды переходила из рук в руки: в 1920 г. по Версальскому мирному договору она была передана Румынии, в 1940 г. ее большая часть (северная) отошла к Венгрии, а в 1946 г. по решению Парижской мирной конференции вся Трансильвания вновь вошла в состав Румынии. Решающую роль в последнем случае сыграла позиция Советского Союза.

В годы Второй мировой войны как Венгрия, так и Румыния выступили на стороне гитлеровской Германии в качестве ее союзников против СССР. Используя национально-территориальные противоречия между Венгрией и Румынией, Германия пыталась покрепче привязать к себе обе страны, поочередно обещая каждой решить вопрос о Трансильвании в ее пользу. СССР вплоть до августа 1944 г., когда Румыния порвала с гитлеровской Германией, рассматривал обе страны как враждебные себе. Поэтому вопрос о территориальной принадлежности Трансильвании вплоть до заключения мирных договоров с Румынией и Венгрией в 1947 г. оставался открытым.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Программа фундаментальных исследований Президиума РАН»: 4.7. «Этнические общности и мигранты. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Анализ и изучение первоисточников, даже придало не полном их охвате, позволяет высказать мнение, что до середины 1944 г. в руководящих кругах СССР сложилось твердое убеждение о том, что «Объединенные нации свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский договор и всякие другие формальные обязательства утратили свою силу, так как и Венгрия и Румыния являются вражескими государствами» (здесь и далее курсив мой. — Т. П.)². Однако плюансы в позициях по отношению к этим странам были очевидными. Уже после Сталинграда в Бухаресте и Будапеште стали задумываться о близком конце войны не в пользу Гитлера и его сателлитов и необходимости кардинального поворота внешнеполитического курса страны. Страгегическая ситуация в ходе Отечественной войны летом 1944 г. сложилась таким образом, что первый мощный удар Красной Армии пришелся по тому участку Восточного фронта, который прикрывала Румыния. Она первой среди стран-сателлитов сумела выйти из войны и примкнуть к антигитлеровской коалиции.

Молниеносный Ясско-Кишиневский прорыв Красной Армии в 20-х числах августа 1944 г. вывел из войны румынского сателлита Германии. Более того, проявив политическую мудрость и дальновидность, Румыния сразу же примкнула к Объединенным Нациям, и смогла внести свой весомый вклад в победу союзников. 12 сентября 1944 г. в Москве было подписано перемирие, 19-я статья которого гласила: Северная Трансильвания (или значительная ее часть) возвращаются Румынии, что подлежит утверждению при мирном регулировании³. В последующий отрезок времени (от заключения Соглашений о перемирии с Румынией и Венгрией вплоть до Мирной конференции в Париже летом 1946 г.) сакраментальная оговорка в скобках оказалась в эпицентре дипломатической борьбы, завязавшейся вокруг подготовки мирных договоров с бывшими гитлеровскими сателлитами — Румынией и Венгрией, в которую включились великие державы-победительницы. Эта формулировка без единого изменения была включена в текст Соглашения о перемирии с Венгрией, как часть 2-й статьи, которой правительству Венгрии предписывалось вывести свои войска, жандармерию и гражданскую администрацию со всех территорий, приобретенных ею после 31 декабря 1937 г. Официальной церемонии подписания соглашения, состоявшегося в Москве 20 января 1945 г., предшествовало двухдневное «совещание, посвященное обсуждению условий перемирия с Венгрией», как квалифицировал эту необычную встречу делегаций трех союзных государств и Венгрии, открывая заседание, председательствующий, советский нарком В. М. Молотов⁴.

Однако то, что происходило в эти дни в особняке МИД в Спиридоноевском персулекс, мало походило на совещание; скорее оно напоминало церемонию капитуляции, нежели дипломатическую процедуру в привычном смысле слова. Ни обсуждения, ни споров и дискуссий вокруг текста документа не было. В течение двухдневных заседаний зачитывался текст довольно объемистого проекта Соглашения на двух языках — русском и венгерском⁵.

Что касается Северной Трансильвании, то ее территория была освобождена в ходе весенних операций Красной Армии в сентябрь-октябрь 1944 г. В этих боях участвовали 1-я и 4-я румынские армии, находившиеся в оперативном подчинении 2-го Украинского фронта. Однако переход к мирной жизни был исходящим прерван провокационными действиями хлынувших в освобожденные районы Северной Трансильвании из Румынии чиновников и восназированных формирований. Первые тревожные сигналы о беспорядках в трансильванских городах и населенных пунктах, оказавшихся во власти румын, стали поступать еще в октябре 1944 г. К началу ноября беспорядки, вызванные стычками новых хозяев страны с венгерским населением, приняли угрожающий размах.

Опьяненные успехом в борьбе с Венгрией, националисты, потеряв чувство реальности, принялись жестоко мстить поверженному противнику в лице... мирного мадьярского населения. Особенно отличались жестокостью отряды так называемой «Гвардии Маниу».

В октябре 1944 г. во время переговоров о предварительных условиях Соглашения о перемирии с Венгрией венгерская делегация, которую возглавлял генерал Г. Фараго, передала советскому генерал-лейтенанту Ф. Ф. Кузнецовой две вербальные ноты от 14 и 23 октября, в которых содержалась просьба к трем Союзным державам «принять необходимые меры к тому, чтобы венгерское население на эвакуированных территориях было спасено от зверств, совершаемых румынами и, в особенности членами румынской организации под названием “Волонтеры д-ра Юлиу Маниу”»⁶.

Созданные в начале октября 1944 г. в качестве вспомогательных частей румынской армии полувоенные добровольческие отряды получили название «Гвардии Маниу», поскольку это имя было своеобразным символом принадлежности Трансильвании Румынии. Уроженец края, Юлиу Маниу, еще во времена Франца Иосифа Габсбурга был одним из лидеров сепаратистского движения трансильванских румын за присоединение области к Румынии, а в октябре 1918 г. возглавил Национальный совет трансильванских румын. Когда преступные деяния гвардейцев, гордо

носивших его имя, получили широкую огласку, став чуть ли не главной причиной новой национальной катастрофы — именно так воспринималось в Румынии упразднение румынской администрации в северной Трансильвании, — сам вождь оппозиции и лидер крупнейшей Национальной царанистской партии (НЦП) всячески отмежевывался от этих «гвардейцев». В письмах к высокопоставленным советским лицам он клялся, что не только не имел никакого отношения к «гвардии Маниу», но не давал своего согласия на это названиe⁷.

В официальной румынской версии говорилось о нападениях «венгерских националистов», совершаемых, иногда с применением огнестрельного оружия, на гражданских лиц и чиновников-румын⁸. Возможно, это и так, но в данном случае маршалу Р. Я. Малиновскому не было никакой нужды обращаться к такому чисто политическому средству с неясными перспективами, как упразднение румынской администрации на территории Трансильвании. Сил и средств у командования фронта было достаточно, чтобы подавить в зародыше любые акции отдельных мадьяр-националистов, как и румынских гвардейцев. Между тем в октябрьские дни 1944 г. демократическая печать Румынии была полна сообщениями о жестокостях и насилиях, совершавшихся в «освобожденной» Северной Трансильвании гвардейцами Маниу. Не исключено, что левая бухарестская пресса, желая дискредитировать вождя оппозиции, пристрастно расписывала эксцессы со стороны «гвардейцев Маниу» и была тенденциозна. На это, в частности, указывает Ульрих Бургер, специалист по румынской истории из Германии⁹.

Более чем вероятно, что не одни только мадьяры подвергались нападениям в ходе столкновений, спровоцированных гвардейцами. В Трансильвании резко обострились межнациональные отношения. Поэтому опираясь на статью Соглашения о перемирии, в соответствии с которой в тылу Красной Армии в радиусе 50—100 км от линии фронта должна действовать советская военная администрация, она была установлена и в Северной Трансильвании¹⁰.

Румыния была потрясена и шокирована. Не зверствами и насилием, а тем, что только что отвоеванная часть Трансильвании уплывала из рук. «Общественное мнение Румынии очень чувствительно в отношении того, что касается вопроса о Трансильвании. Задержка, происшедшая в установлении румынской администрации в этой провинции — мученице венгерского господства, вызвала в Румынии глубокое уныние, которое является резким контрастом тому энтузиазму, с которым вся страна встретила справедливость Советского Союза и других союзных госу-

дарств, когда эти государства признали незаконным Венский "диктат". С этими словами 15 ноября 1944 г. обратился к первому заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому не кто иной, как вождь оппозиции Ю. Маниу, лидер Национал-царанистской партии¹¹.

Во всяком случае, осенью 1944 г. в Северной Трансильвании произошли события, которые поставили под вопрос все достижения румынской политики и дипломатии. Новые власти края несколько поторопились с установлением своего, румынского порядка.

В памятный для румын день 12 ноября маршал Р. Я. Малиновский именем Союзной Контрольной Комиссии распорядился: правительство Санатеску должно немедленно очистить территорию от румынской администрации (во главе с Ионелем Попом от НЦП), которая пришла сюда в октябре 1944 г. вслед за советскими войсками. Маршал заявил, что не намерен терпеть беспорядки в непосредственном тылу своих наступающих армий.

Стоит отметить, что еще до обнародования приказа Малиновского советские офицеры на местах решительно пресекали не только бесчинства пресловутых гвардейцев, но и самоуправство органов власти румынского государства. Так, 19 октября военный комендант Клужа (Коложвара), главного города Трансильвании, где проживало значительное венгерское население, приказал румынской полиции в течение трех часов покинуть город. В ноябре после выдворения румынской администрации советскими оккупационными органами были назначены новые главы местной администрации (префекты), среди которых было также немало мадьяр¹².

Существует мнение, что население Северной Трансильвании, в котором значительную часть составлял мадьярский элемент, пользовалось большей политической свободой, чем в других областях той же Румынии. В этом смысле можно сказать, что в данном случае советское руководство проявило способность реагировать на национальную специфику в Румынии. Все это было несколько неожиданно, ибо происходило в прифронтовой полосе, в военной обстановке, когда мало кому хотелось разбираться в тонкостях национальных взаимоотношений.

Решительные действия советских властей в Северной Трансильвании в ноябре 1944 г. можно расценить по-разному.

Как бы то ни было, ноябрьская акция советского правительства спасла венгерское население от погромов и расправ жаждавших мести насильников и убийц. За преступления хортистских властей, совершенные в крае с 1940 по 1944 г., расплачивалось мирное венгерское население.

Даже современный историк У. Бургер, оглядываясь на события октября–ноября 1944 г., вынужден констатировать, что в Румынии «ненависть к венгерскому меньшинству была широко распространена». Не трудно догадаться, что оно отвечало взаимностью. В меморандуме, переданном румынскими властями представителям СССР, говорилось о нападении мадьяр на румынских граждан и чиновников Северной Трансильвании¹³.

Руководство компартии Румынии летом 1945 г., когда страсти более или менее улеглись, констатировало, что в экзекуциях повинны представители обеих национальностей, заняв благодаря этому соломонову решению достаточно удобную и безопасную для себя позицию, поскольку она предупреждала возможные обвинения со стороны ВКП(б) в недостаточной верности принципам пролетарского интернационализма¹⁴.

Из Москвы, однако, вся румыно-венгерская ситуация представлялась несколько иной, что и объясняет решительные действия советских военных властей по обузданию в первую очередь одной стороны, а именно румынской. Характерно в этом смысле заявление отнюдь не сентиментального А. Я. Вышинского, сделанное в ответ на жалобы военного министра Румынии по поводу действий венгерских чиновников (увольнение румынских учителей и т. д.). Выслушав министра, бывший прокурор СССР признал чрезвычайную сложность национального вопроса в Румынии и добавил: «...сейчас необходимо выиграть венгерское меньшинство для румынского государства»¹⁵. Немецкий исследователь У. Бургер на этом основании говорит об особом расположении советских властей в это время к мадьярам¹⁶.

Тем не менее нет достаточных оснований считать проводившуюся тогда в Трансильвании советскими органами национальную политику «провенгерской», как это делает У. Бургер. Она была просоветской по сути своей, своим целям и задачам. Отдельные поблажки в пользу мадьярского меньшинства вполне укладывались в политическую стратегию советской державы на пороге Балкан на завершающем этапе войны.

В то же время обоснованным и вполне разумным представляется принципиальный вывод того же автора о том, что «советская национальная политика внесла свой вклад в начало в более совершенной интеграции венгерской этнической группы в румынское общество. Проводившаяся до войны центральным румынским правительством дискриминация национальных меньшинств не должна была повторяться. Московское руководство таким способом дало понять румынским коммунистам, что оно не желает в будущем видеть обострения национального вопроса»¹⁷.

Поэтому действия советских властей в Трансильвании в этой накаленной от взаимной неприязни обстановке не правомочно, как кажется, рассматривать только сквозь призму далеско идущих стратегических расчетов советского руководства.

Северная Трансильвания в момент появления приказа Р. Я. Малиновского находилась буквально на пороге гражданской войны, которая исминуло обернулась бы национальной катастрофой для мадьяр. Политические соображения, несомненно, присутствовали в том, что на руководящие посты в большинстве случаев назначались румыны. Магистрат Клужа возглавлял румын, хотя по численности мадьярский элемент в городе существенно превосходил над румынским¹⁸. Даже в начале 1945 г. лишь в трех из одиннадцати округов префектуры возглавлялись мадьярами. Часто им позволяли быть вице-бургомистрами, либо начальниками местных полицейских участков на территориях с преимущественно венгерским населением. Иными словами, о каких-то особых привилегиях мадьяр в Северной Трансильвании в период с ноября 1944 по март 1945 г. не приходится говорить.

Новые правители Румынии не решались поставить перед союзниками вопрос о поголовном выселении мадьяр, которое пыталось осуществить Чехословакия. В этом и состояло принципиальное различие национальной политики в отношении венгров, проводившейся в конце войны в Чехословакии и Румынии. Тем не менее рецидивы чехословацкого радикального метода как способа избавления от нежелательного инонационального элемента, имели место и в Румынии. В описываемое нами время в штаб 2-го Украинского фронта, под чьим ведением находилась территория Северной Трансильвании, поступали многочисленные жалобы на выселение мадьяр, носивших немецкие фамилии. Такие жалобы были направлены на имя маршала Малиновского, в частности от бургомистров Клужа и других городов. Факты выселений мадьяр под видом немцев были подтверждены в обращении членов ЦК КПВ Советскому командованию, в котором робко говорилось об «искажениях в деле выселения немцев»...¹⁹

Присутствие Красной Армии в Северной Трансильвании и временный режим, установленный там советскими военными властями в конце 1944 — начале 1945 г., несомненно, явились спасением для фактически беззащитного мадьярского меньшинства. Остается непреложным фактом, что в конце концов Сталин не только пресек происходившие бесчинства, но и позволил правительству Румынии установить свою власть

в крас при условии проведения толерантной национальной политики²⁰. И даже гарантей от румын потребовал.

Все же установление советской администрации в Румынии для венгров явилось благом. Следствием было резкое возрастание политической активности венгерского населения. Возобновили свою деятельность достаточно сильная еще в межвоенное время социал-демократическая и коммунистическая организации, возникли новые левые и демократические союзы и объединения. В работе самого крупного из них — Союза венгерских трудящихся в Румынии (МАДОС) уже в первые месяцы 1945 г. принимало участие около 150 тыс. человек²¹. Согласно данным органов НКВД, в марте 1945 г. более половины членов РКП в Трансильвании (из пяти тысяч) составляли мадьяры²².

По мнению членов Британской военной миссии, венгров в коммунистические и другие левые организации влекло стремление заручиться поддержкой советских военных властей в борьбе за интересы венгерского меньшинства.

Уже в середине октября Петру Гроза, виднейший лидер демократического лагеря, не являвшийся коммунистом, одна из колоритнейших фигур румынской политической сцены, уроженец Трансильвании, свободно владевший и венгерским языком, прямо указал на основную причину сложившегося в крас напряженного положения — национальная политика правительства Румынии. Кабинет К. Сантонеску, предупреждал лидер левых, не способен решить проблему национальностей в Румынии. К тому же он не мог рассчитывать на поддержку СССР, поскольку не пользовался его доверием²³. Отсюда следовал вывод — лишь одно правительство, а именно правительство левого фронта, могло вернуть «в лоно отечества» вожделенную Трансильванию целиком. Так без обиняков разъяснил собственную позицию сам П. Гроза уже в январе 1945 г.²⁴

Коммунисты, конечно же, не упустили случая повернуть дело в свою пользу. Один из их вождей, Василе Лука, только что вернувшись в страну из эмиграции в обозе частей Красной Армии, прямо заявил: Северная Трансильвания войдет только в «демократическую Румынию», т. е. только в случае радикального поворота в политическом строе государства²⁵.

Правовым основанием для установления румынской администрации послужило постановление Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г. за подписью И. В. Сталина в связи с вступлением Красной Армии на территорию Румынии, в котором говорилось: «При вступлении Красной Армии на территорию Румынии для обеспечения порядка в занятых Красной Армией районах руководствоваться следующим: 1. Общее

руководство делом организации и контроля за осуществлением гражданского управления на всей освобожденной советскими войсками территории Румынии возложить на Всесоюзный Совет 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта танковых войск Сусайкова; 2. Имея в виду, что вступление советских войск в Румынию диктуется исключительно восприятием необходимости и не преследует иных целей, кроме как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника, в занятых Красной Армией районах Советов и органов Советской власти не создавать: сохранить без изменения все существующие в этих районах румынские власти и существующую в Румынии систему экономического и политического устройства.; 3. Необходимые мероприятия по поддержанию общественного порядка на занятой советскими войсками румынской территории осуществлять через местную румынскую администрацию под контролем и наблюдением командования Красной Армии; 4. В каждом уездном и волостном центре, а также в наиболее крупных населенных центрах Румынии, занятых советскими войсками, приказом соответствующего Военного командования назначаются воспринятые коменданты. Военный комендант осуществляет необходимые мероприятия, исходя в первую очередь из интересов Красной Армии, через существующие органы местной власти; 5. Военный комендант устанавливает в населенных пунктах должный режим, соответствующий условиям военной обстановки.; 6. В каждом уездном и волостном центре, а также в наиболее крупных населенных пунктах по усмотрению Военного командования устанавливаются воспринятые гарнизоны из состава войск НКВД или частей Красной Армии...»²⁶

Таким образом, как следует из постановления ГКО, на освобожденной территории Румынии сохранялась или устанавливалась вновь, в зависимости от лояльности к Красной Армии, румынская гражданская администрация. Но, поскольку Северная Трансильвания не являлась на тот момент ни формально, ни фактически румынской территорией, здесь в любой момент мог быть установлен особый режим советской военной администрации.

Соглашение о перемирии с Румынией от 12 сентября 1994 г. также предусматривало, как упоминалось выше, что в тылу Красной Армии в радиусе 50—100 км от линии фронта могла быть установлена советская военная администрация. Поэтому так уверенно действовали командование Красной Армии и прибывший 8 ноября в Бухарест А. Я. Вышинский, потребовавший ликвидировать румынское административное управле-

ние на территории Трансильвании в связи с обострением там этнических конфликтов. 11 ноября он встречался в курортном городе Синае, расположенному в Карпатах, с королем Михаэлем. Мы не располагаем документами о содержании их беседы, но документы российских архивов дают основания полагать, что среди прочих вопросов речь шла также и о ликвидации румынской администрации на территории Северной Трансильвании. 12 ноября в Бухаресте состоялось совещание А. Я. Вышинского с председателем Совета министров Румынии генералом К. Санатеску.

В политических интересах, для нажима на правительство, был использован территориальный вопрос. На заседании 12 ноября А. Я. Вышинский указал на нарушение условий перемирия, в частности статьи 19-й по Трансильвании. Он заявил, что ему известно о появлении в Трансильвании вооруженного отряда, «который чинит самоуправные преступные действия» и именует себя «отрядом имени Маниу». «Начальник этого отряда, — говорил А. Я. Вышинский, — заявил, что не будет подчиняться Советскому командованию»²⁷. «Статья 19 Соглашения не вызывает никакого сомнения, — утверждал он. — Здесь говорится, во-первых, что решение Венского арбитража считается несуществующим и что союзные правительства согласны с тем, чтобы Трансильвания или большая ее часть была возвращена Румынии. Однако порядок, время, сроки возвращения Трансильвании должны были быть установлены организованным порядком, а не односторонне и произвольно»²⁸.

Просьбы и заявления лидеров политических партий Румынии, в частности Ю. Маниу, остались, естественно, без всякого внимания советской стороны²⁹. 21 ноября московское радио передало сообщение о том, что командование Красной Армии «ликвидировало в Трансильвании все группы бандитов, которые именовали себя добровольческими отрядами, национальной гвардии и т. д.»³⁰

Действия советских властей в ходе ноябрьского кризиса в Трансильвании ряд зарубежных исследователей трактуют исключительно с точки зрения реализации далеко идущих планов Кремля. Сталин и Молотов, считает У. Бургер, поняли стратегическое значение спорной территории, решив использовать ее для того, чтобы побудить Румынию порвать с державами оси³¹. В таком же ключе интерпретирует эпизод с изгнанием из Северной Трансильвании румынских чиновников и введение советской военной администрации в ноябре 1944 г. историк из Израиля Лихав Исхуда. Край служил в руках советского руководства своеобразным «залогом», с помощью которого Москва добивалась послушания румынских и венгерских коммунистов, полагает он³². Указанный тезис, которым

подчеркивается лишь один, пусть действительно важнейший, аспект советской политики в трансильванском вопросе, все же, по нашему мнению, несколько упрощает картину.

Надо отдать должное дипломатическому искусству советского руководства — оно отлично использовало в своих целях истинность, неопределенность, неясность и нечеткость формулировки ст. 19 Соглашения о перемирии о передаче Румынии «большой части» края, которая оставляла место для разного рода противоречивых столкновений. Вопрос о возвращении Северной Трансильвании был для Кремля средством манипулирования политической жизнью Румынии в ответственный момент ее новейшей истории. Не менее искусно оно использовало также не конкретность ряда положений Соглашения о перемирии с Венгрией. Как упоминалось, статья 2-я обязала Венгрию вывести войска и гражданскую администрацию с территорий, занятых ею после 31 декабря 1937 г. В ней, однако, не были указаны ни сроки эвакуации, ни очередность ее реализации, поскольку венгерские войска стояли на территории трех соседних государств — Румынии, Чехословакии и Югославии. В руководящих кругах Советского Союза уже в начале 1945 г. сложилось мнение, что Венгрия должна выполнять взятые по статье 2-й обязательства «в первую очередь в отношении оккупированных в свое время территорий Югославии и Чехословакии, поскольку вопрос о возвращении этих территорий спора не вызывает» (Подчеркнуто, синим карандашом, вероятно рукой Деканозова. — Т. П.). Споров и возражений не было ни со стороны Венгрии, ни со стороны великих держав. Были, однако, притязания к Венгрии со стороны Югославии (так, югославская делегация во главе с Хебрангом на приеме у Сталина потребовала присоединения к Югославии городов Печ, Бая и некоторых других районов южной Венгрии) и в особенности Чехословакии. И даже со стороны еще не оформленшейся в государство Австрии³³.

Иную позицию московский НКИД СССР занял в отношении румынских территорий: «Что же касается Сев. Трансильвании, территории которой (вся или большая ее часть) была обещана союзниками Румынии, то поскольку вопрос о принадлежности этой территории пока окончательно не решен и подлежит “утверждению при мирном урегулировании” (ст. 19 Соглашения о перемирии с Румынией), то пока продолжается война против Германии, вопрос о порядке и сроках отзыва из всей или только какой-либо части Сев. Трансильвании венгерской администрации должен быть решен с учетом, в первую очередь наших интересов»³⁴.

Трансильванская карта была успешно разыграна Кремлем в целях установления в Румынии подконтрольного СССР правительства. 28 ноября 1944 г. генерал-полковник В. П. Виноградов в письме к председателю Совета министров Румынии К. Санатеску указал, что «время и способ установления румынской администрации на территории Северной Трансильвании должен быть решен посредством переговоров между правительствами Советского Союза и Румынии»³⁵.

Однако Москва вовсе не спешila с переговорами по этому поводу, тем более с передачей румынам Северной Трансильвании. Мотивы очевидны: «вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен являться *важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство* не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и *области проведения им внутренней и внешней политики*», утверждалось в письме наркома иностранных дел РСФСР А. И. Лаврентьева от 31 декабря 1944 г. А. Я. Вышинскому³⁶.

Немедленной передаче края Румынии также решительно воспротивилось высшее военное руководство СССР, в частности начальник оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко. В другом письме к Вышинскому, от 26 декабря, А. И. Лаврентьев сообщал: исходя из чисто военных соображений Генеральный штаб Красной Армии пришел к заключению, что «передача в настоящее время Северной Трансильвании для нас не выгодна»³⁷. Одной из главных причин, побудивших генштаб занять подобную позицию, было стремление иметь в своих руках эффективное средство давления на союзную румынскую армию. «Совместно с Красной Армией сражаются две румынские армии, которые по заявлению тов. Штеменко, воюют плохо и стимулом для них сейчас является *предстоящая передача Северной Трансильвании*. Если этого стимула не будет, то румынская армия будет сражаться еще менее эффективно», — говорится в письме³⁸. Лаврентьев считал необходимым также обратить внимание А. Я. Вышинского на то, что «в записке о Трансильвании, составленной комиссией Литвинова в июле м-ца с. г. (речь идет, вероятно, о документе от 5 июля 1944 г. — Т. П.) не было дано ответа на вопрос о том, какая именно часть северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области»³⁹. Это важнейший для мадьярского меньшинства в Румынии и для венгерской нации в целом вопрос, к сожалению, не получил в дальнейшем развития. Существенно, что он поднимался в обстановке, когда судьба Северной Трансильвании стала предметом оперативных решений, и что ставился он теми ответственными сотрудниками НКИД СССР, которым пришлось

заниматься им конкретно и вплотную. Однако он был обойден вниманием Комиссии, возглавляемой М. М. Литвиным, в многочисленных справках — в них по каким-то неизвестным нам причинам нет ни единой рекомендации насчет реализации упомянутой выше части фразы ст. 19 Соглашения о перемирии. Одна из причин такого «невнимания» может предположительно крыться в неясности, неопределенности и даже двусмысленности самой формулировки той части статьи, касающейся Трансильвании, которая была заключена в скобки. Косвенное подтверждение этой гипотезы содержится в одном из пунктов письма Лаврентьева, где его автор обращает внимание Вышинского на возможность произвольного, по существу, толкования 19-й статьи. Для выяснения данного вопроса приведем этот пункт рекомендаций советского дипломата полностью: «2. Статью 19-ю Соглашения о перемирии, в которой признается несуществующим Венский Арбитраж, с точки зрения юридической можно толковать так, что вся Северная Трансильвания до мирного урегулирования должна быть передана Румынии, не считаясь с этническим характером этой области, поскольку этой статьей не признается отторжение Северной Трансильвании от Румынии. Понятно, что часть уездов Сев. Трансильвании при первой передаче могла бы пока не возвращаться, если в этих уездах имелась особая заинтересованность Красной Армии по мотивам военного порядка».

Как следует из письма Лаврентьева, накануне он получил указание Вышинского о подготовке проекта решения ГКО по передаче Румынии Северной Трансильвании. На основании указания высшего советского руководства Генеральный штаб Красной Армии разработал проект предложений по этому вопросу⁴⁰. Можно полагать, что все эти мероприятия были связаны с приездом в Москву 31 декабря 1944 г. румынской делегации во главе с коммунистом Г. Георгиу-Дежем. 4 января 1945 г. И. В. Сталин принимал Г. Георгиу-Дежа, Анну Паукер и Г. Апостола на своей даче. К сожалению, мы не располагаем записью беседы И. В. Сталина с румынской делегацией, о которой есть упоминание в дневнике Георгия Димитрова. Stalin, как явствует из записи Г. Димитрова от 4 января 1945 г., дал совет румынской делегации, чтобы она убеждала политические силы Румынии в том, что, «если такое правительство будет создано (имеется в виду правительство Национально-демократического фронта. — Т. П.), то СССР поможет, чтобы Трансильвания была румынской»⁴¹.

Таким образом, восстановление румынской власти в Трансильвании стало центральной проблемой всей внутриполитической жизни страны и ее внешнеполитической деятельности; от того, кому, какой партии,

каким политическим силам удастся добиться благоприятного исхода борьбы и зависело решение вопроса о том, каким будет режим в послевоенной Румынии и кто будет находиться у власти в этой стране. Трансильванский вопрос оказался в фокусе острейшего в послевоенной истории Румынии политического кризиса. Введение военной администрации в Северной Трансильвании 14 ноября 1944 г. позволило СССР использовать вопрос о принадлежности Трансильвании в качестве инструмента для оказания воздействия на политическую борьбу в Румынии.

Любопытно, что советская сторона до самого последнего момента затягивала с решением вопроса. Москва не торопилась не только отменить советский военный режим. Не слишком спешила она и с решением проблемы вывода из края венгерской администрации. При установлении сроков «отзыва венгерской администрации из Северной Трансильвании», писали высокопоставленные советские дипломаты, «надо исходить из того, какую позицию занимают как румынское, так и венгерское правительства в вопросе выполнения условий перемирия»⁴². Но как только стяжаниями А. Я. Вышинского к власти в Бухаресте пришло угодное Москве правительство, надобность в дальнейшем сохранении венгерской администрации тотчас же отпала.

5 марта 1945 г. ночью, через день после того, как король отказался утвердить список министров, представленных П. Грозой, последний сообщил королю об обещаниях СССР в случае утверждения его кабинета возвратить Румынии Северную Трансильванию.

6 марта под прямым нажимом советского правительства и лично заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского, находившегося в кульминационный момент политического кризиса в румынской столице, король (которого поддерживали консервативные силы), уступив давлению Москвы, вынужден был утвердить правительство во главе с П. Гроза, лидером левой Крестьянской партии — Фронта земледельцев: Будучи, как уже упоминалось, уроженцем Трансильвании, Гроза поддерживал тесные связи с определенными политическими кругами Венгрии и Трансильвании; последние, в свою очередь, оказывали ему поддержку. В своих выступлениях П. Гроза заявлял о том, что Трансильвания должна быть между двумя народами «не стеной», их разделяющей, «а мостом», призванным объединить румын и мадьяр. 8 марта новый премьер направил И. В. Сталину телеграмму, в которой сообщил об обязательстве правительства Румынии «позаботиться о защите прав национальностей Трансильвании»⁴³. Одновременно выражалась просьба восстановить власть румынского государства на этой территории. Ответ

Москвы последовал мгновенно. В телеграмме Сталина, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной Румынское правительство берет на себя ответственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское правительство постановило ходатайство Румынского правительства удовлетворить»⁴⁴. По некоторым сведениям, 9 марта 1945 г. И. В. Сталин дал указание командующему 2-го Украинского Фронта Р. Я. Малиновскому о допуске в Трансильванию администрации нового румынского правительства⁴⁵. 13 марта в городе Клуже, главном административном и политическом центре Трансильвании, состоялось празднование установления румынской политической администрации, на котором присутствовали новый премьер-министр правительства П. Гроза, король Румынии Михай, советские представители А. Я. Вышинский и генерал-полковник И. З. Сусайков. Английские и американские представители отказались от поездки в Клуж, сославшись на то, что ими не были получены санкции от своих правительств, что было расценено руководством так называемых исторических партий (национал-царанистской и национал-либеральной) как демонстрация отрицательного отношения англо-американцев к правительству П. Гроза и действиям советских представителей в Румынии, хотя руководители трансильванских царанистов и либералов, испросив разрешения у премьер-министра на допуск их делегаций на торжества в Клуже, приняли в ней участие⁴⁶.

Левый кабинет Грозы, пришедший к власти при энергичном наиме Москвы и теснимый на политической арене «историческими партиями», в самом деле нуждался в поддержке извне, и прежде всего в трансильванском вопросе. Как уже указывалось выше, само образование этого правительства стало возможным благодаря тому, что управление Северной Трансильванией было передано Советским Союзом Румынии. Однако, хотя бухарестские правители публично восторгались «великодушным актом» советского правительства, на самом деле вопрос далеко еще не был решен. Об этом, кстати, напомнило заявление от 12 марта 1945 г. на пресс-конференции представителя правительства США Э. Стеттиниуса о том, что восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании не меняет ее международного статуса.

Можно с уверенностью сказать, что смена кабинета в Бухаресте весной 1945 г., результатом которой было установление в Румынии просоветского режима и наступившее охлаждение в советско-венгерских отно-

шениях, сыграла не последнюю роль в окончательном решении трансильванского вопроса в пользу румын. Так же, как и неблагоприятный с точки зрения Москвы расклад политических сил в Венгрии после ее освобождения, и особенно после выборов в ноябре 1945 г., когда временную победу одержали оппозиционные коммунистам силы.

П р и м е ч а н и я

¹ В статье использовались материалы монографии: *Исламов Т. М., Покивайлов Т. Н. Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы*. М., 2008.

² Трансильванский вопрос. Венгерско-румынский территориальный спор. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М., 2000. С. 235.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. С. 210.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. Л. 28–34, 35–41, 42–52.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Ф. 06. Оп. 6. П. 61. Д. 98. Л. 36–37, 53–59.

⁷ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 45.

⁸ Российский государственный архив социальной-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 177–190.

⁹ См.: *Burgher U. Politische Zielsetzungen Sowjetischer Nationalitätenpolitik in Nord-siebenbürgen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde*. 1999. Bd. 22. Hf. 1. S. 131.

¹⁰ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест... С. 67–68; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 185–186.

¹¹ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест... С. 54.

¹² *Burgher U. Op. cit.*

¹³ Ibid. S. 60; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 175–195.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 156.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 33. Д. 3. Л. 67.

¹⁶ *Burgher U. Op. cit. S. 63.*

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 3. Л. 67.

¹⁸ *Kolar O. Rumänien und seine Minderheiten 1918 bis heute. Wien, 1997. S. 563.*

¹⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Д. 13. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 80.

- ²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 158.
- ²³ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3223. Л. 151—152.
- ²⁴ Roberts H. Romania: Political Problems of an Agrarian State. New Haven, 1951. Р. 260—263.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3223. Л. 151—153.
- ²⁶ Советский фактор в Восточной Европе. Документы. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 51—53.
- ²⁷ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест... С. 45.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Onișoru Gh. Statul Nord-Vestului Transilvaniei: de la 23 august 1944 la 10 februarie 1947 // Acta Muzei Zălău. 1995. Р. 241.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Burgher U. Op. cit., S. 52.
- ³² Lahav Ye. Die Sowjetunion und die transilvanische Frage // Ungarn—Jahrbuch. 1979. Bd. 10. S. 270—279.
- ³³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М., 1997. С. 126—127, 175—177, 185; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. Л. 5—6.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. Л. 5—6.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 186.
- ³⁶ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест... С. 65.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Трансильванский вопрос... С. 288.
- ⁴¹ Димитров Г. Дневники. 9 марта 1933 — 6 февраля 1948. София, 1997.
- ⁴² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. 1945.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34^a. П. 153^b. Д. 4. Л. 113.
- ⁴⁴ Правда. 1945. 9 марта.
- ⁴⁵ Эти данные любезно предоставлены автору статьи Т. В. Волокитиной.
- ⁴⁶ Трансильванский вопрос... С. 299—300.

Каталин Петрак

Венгерская эмиграция в СССР*

В массовом сознании венгров и в кругах венгерских историков до сих пор бытует представление о том, что в период между двумя мировыми войнами на бескрайних просторах Советского Союза существовала малочисленная группа коммунистов — так называемая московская эмиграция, или «московиты». Согласно другому, не имеющему под собой реальных оснований, утверждению, представители эмиграции после 1945 г. едва ли не монополизировали ведущие позиции в государственном аппарате Венгрии. Однако факты говорят о другом. Венгерская эмиграция в период между 1922 и 1945 гг. состояла из нескольких «слоев», или уровней. СССР помимо переселившихся в эту страну коммунистов предоставил убежище многим из тех, кто покинул Венгрию по экономическим или религиозным соображениям. Наконец, подавляющее большинство в рядах эмиграции составляли бывшие военнопленные.

Кальман Корниш, знаменитый этнограф, многие годы проработавший в СССР, утверждал, что в начале 1930-х годов на территории Советского Союза проживало 70 тыс. венгерских эмигрантов.

В процессе работы над многотомным лексиконом, издававшимся в венгерском Институте политической истории, а также при написании моей собственной монографии «Венгры в Советском Союзе, 1922—1945 гг.»¹ я пришла к сходным выводам.

В настоящее время мы располагаем данными (впрочем, различной степени полноты) о более чем 50 тыс. человек, и продолжаем поиск документов. За последние годы мы обнаружили много новых материалов, которые не только подтверждают, но и дополняют нашу концепцию.

На судьбы венгров влияли многочисленные внешние и внутренние факторы. Эмиграция превращалась в серьезную проблему и для Венгрии,

* Публикуется в виде доклада, зачитанного на конференции «Неделя историков: новые концепции и вопросы в российской и венгерской историографии» в апреле 2005 г. в Москве.

и для Советского Союза. Именно этим обстоятельством объясняются известные «маневрирования» с цифрами.

Членами партии была лишь их малая часть. В результате анализа 200 тыс. анкет членов партии за 1922, 1923 и 1926 гг. удалось обнаружить всего 1 419 венгров. Эта цифра вследствие изменения внутриполитического положения в СССР также постоянно менялась.

И военноопытных, и экономических эмигрантов, считавших свое пребывание в Советском Союзе временным, и политических эмигрантов, искренне веривших в то, что придет время и они вернутся домой, однаково постигло разочарование. Последние готовились к встрече с родиной не один год, надеялись, что неспроста их направили получать высшее образование в стране Советов, но события после 1945 г. не оправдали их ожиданий.

С годами поток желавших вернуться на родину становился все малочисленнее. Не последнюю роль в этом процессе сыграли изменения в законодательстве обеих стран, связанные с установлением гражданства и «благонадежности». В конце концов большинство таких эмигрантов превратились в «рабов двух стран». Для них ничего не изменилось даже с окончанием Второй мировой войны, потому что лишь немногие смогли вернуться на родину.

Многие восприняли выражение желания вернуться в Венгрию и до 1945 г., но столкнулись с рядом препятствий. Как правило, им не удавалось доказать свое венгерское подданство. Одни принимали советское гражданство, потому что иначе не могли устроиться на работу и могли умереть голодной смертью. Те, кто отказывался от получения советского гражданства, нередко попадали в тюрьму и отправлялись в ГУЛАГ. Несмотря было таких, кто лишился венгерского подданства, даже не подозревая об этом.

В момент начала Второй мировой войны советских граждан мобилизовали; узнав о нападении Германии на Советский Союз находившиеся в лагерях венгры, мужчины и женщины, просились добровольцами на фронт.

Многие сражались на полях войны, но не всем это дозволили. Тех, кого признавали политически неблагонадежными, направляли на работы, где у них не было права носения оружия.

Сотни венгерских эмигрантов в самых разных формах помогали воюющей стране, многие — вместе с эвакуируемым из советских городов

населением — оказались на Дальнем Востоке. Красная Армия, где ощущалась нехватка кадров, с момента создания первых лагерей для венгерских военнопленных привлекала к сотрудничеству эмиграцию.

Когда в мае 1943 г. челябинский трудовой лагерь был преобразован в лагерь для военнопленных, заместителем начальника назначили Гезу Ревеса, который до этого пребывал там в статусе заключенного.

Весной 1944 г. Ревес был вызван в Москву, где Матяш Ракоши и Йожеф Реваи предложили ему принять участие в организации новой венгерской армии. По возвращении в Челябинск Ревес вошел в состав ревизионной комиссии, которой предстояло пересматривать дела интернированных венгров. По результатам ее деятельности на свободу вышли военнопленные, эмигранты или их дети, направленные затем инструкторами и переводчиками в различные лагеря военнопленных.

После освобождения Венгрии на родину вернулось не более 200—250 эмигрантов. Согласно имеющимся в моем распоряжении данным, к 1955—1956 гг. в страну прибыло 522 человека, причем разницу с приведенной выше цифрой составили прежде всего члены семей. Из вернувшихся на родину, и это обстоятельство я бы хотела подчеркнуть особо, лишь малое число оказалось на высших государственных должностях.

Среди тех, кто заявил о своем желании вернуться в Венгрию, далеко не все получили соответствующее разрешение. Отъезжающим не удавалось устроить личную жизнь: нередко семьи оставались в СССР.

Венгерское посольство и его руководители — за исключением Дюлы Секфю (профессионального историка на дипломатической службе), которого советское руководство ценило исключительно высоко — не пользовались никаким авторитетом. Впрочем, возможности Секфю тоже были весьма скромными. По этой причине государственные и партийные дела, связанные с депатриацией проживавших в СССР венгров, оказались впоследствии весьма запутанными. Возвращавшихся на родину венгров не реабилитировали ни по партийной, ни по государственной линии.

Международному отделу Коммунистической партии Венгрии, образованному в конце 1945 г., равно как и международным отделам ее преемников — Венгерской партии трудящихся и (после 1956 г.) Венгерской социалистической рабочей партии — еще на протяжении многих лет приходилось заниматься проблемами эмиграции. Вопрос о гражданстве удалось урегулировать только в 1960-е годы.

Следственные дела в отношении венгерских эмигрантов начали заводить уже в середине 1920-х годов. Их осуждали по самым разным статьям. Например, в знаменитом лагере на Соловках были венгерские заключенные. Однако большинство попало в тюрьмы и лагеря в 1936—1939 гг., и многие там погибли. Арrestы распространялись на членов семей, жен, детей. На сфальсифицированных судебных процессах регулярно выносили смертные приговоры, многих приговаривали к длительным срокам тюремного заключения и лагерным работам. Если к моменту окончания срока заключения человек не умирал, то его не отпускали на свободу, но предписывали ему место проживания. Приговоры, как правило, выносили не суды, а всевозможные комитеты органов внутренних дел.

Из тех, кто вернулся на родину, не реабилитировали никого. Им запрещалось упоминать о совершенных против них беззакониях или указывать эти факты в анкетах. Именно по этой причине восстановить их доброс имя удается лишь спустя годы.

Венгерское партийное руководство, несмотря на то что в других привычных коммунистических партиях Восточного блока, например в Польской объединенной рабочей партии, стала проводиться реабилитация незаконно осужденных коммунистов, в начале 1950-х годов отказалось рассматривать данный вопрос.

Положение несколько изменилось после смерти Сталина. Верховный суд СССР в 1955—1956 гг. реабилитировал 17 венгерских эмигрантов.

Процесс шел трудно и увенчался лишь частичным успехом. Одних реабилитировали только по государственной линии. Среди множества репрессированных число тех, кого коснулась реабилитация, было невелико. До начала 1989 г. венгерской стороне удалось получить информацию (часто весьма неполную) о 56 людях. Тогдашний Институт истории партии в Венгрии обратился в ЦК ВСРП с аналитической запиской, в которой просил начать процесс реабилитации 261 человека, продолжая вести работу по пополнению этого списка. Ответы, полученные из Советского Союза, учитывая собранные мною на сегодняшний день данные, были далеки от исчерпывающей полноты. Именно поэтому для нас сегодня особенно важно продолжать сбор и обобщение документов, содержащих достоверную информацию о судьбах репрессированных венгерских эмигрантов.

В заключение позвольте мне процитировать современного венгерского историка Тибора Хайду: «Наивен историк, который занят тем, что,

опинаясь на опыт последующих эпох, учит, как должно было поступить то или иное правительство в тех или иных обстоятельствах. В поворотные моменты, под давлением внешних и внутренних факторов правительству свойственно лавировать между группами интересов, преследующими сиюминутную выгоду, и у властей не находится сил принимать идеальные решения даже тогда, когда, заглядывая в будущее, они понимают, какими эти решения должны быть»².

Перевела с венгерского О. В. Хаванова.

П р и м е ч а н и я

¹ Petrák K. Magyarok a Szovjetunióban, 1922—1945. Bp, 2000.

² Hajdu T. Mozgástér és kényszerpálya: Horthy-korszak // Rubicon. 1998. 4—5. sz. 39. old.

Магдольна Барат

Венгерско-советские отношения в период от смерти Сталина до начала революции 1956 года

Советско-венгерские отношения нельзя отнести к разряду традиционных дипломатических отношений, поскольку двусторонние политические контакты до (и после) 1956 г. осуществлялись по линии межпартийных связей — путем консультаций между высшим партийным руководством двух стран, а также обмена письмами, телеграммами и пр. В разрядившейся с уходом из жизни Сталина международной обстановке немедленно возросло значение традиционных межгосударственных дипломатических связей, причем не только между Востоком и Западом, но и в отношениях СССР с государствами социалистического лагеря. После марта 1953 г. новое советское руководство ощущало необходимость в установлении более регулярных контактов со странами народной демократии. Предпринимались усилия по переводу отношений в официальную плоскость, организации регулярных визитов партийных и правительственные делегаций, совещаний партийных и государственных руководителей социалистических стран, на которых предоставлялась информация о внутриполитическом положении в СССР, о стоящих насущных задачах¹.

Согласно провозглашенному партийной верхушкой в СССР принципу колlettivного руководства, международными отношениями мог заниматься целый ряд членов Президиума ЦК КПСС, но фактическое влияние на формирование внешнеполитической линии оказывали лишь немногие. В Венгрии партийное руководство международными делами по-прежнему сосредоточивалось в руках первого секретаря Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Матяша Ракоши, который и после смерти Сталина стремился сохранить за собой монополию на поддержание связей с советским руководством. Отдел международных связей Центрального руководства ВПТ не оказывал никакого влияния на принятие решений по важным вопросам. Львиную долю в его деятельности занимала организация обмена делегациями партийных функционеров разных стран². Янош Бодоцки, который 4 июля 1953 г. сменил Эрика Мольнара на посту министра иностранных дел отдела, не только не был введен в состав Полит-

бюро, но и не вошел в круг тех руководителей, из числа которых обычно формировали партийные делегации в Москву.

Необходимость получения «санкций» СССР сохранялась и после смерти Сталина, и зависимость ослабла только в том смысле, что отныне происходящее в Венгрии было следствием не волеизъявления одного диктатора, но результатом решений, принятых в соответствии с принципом колlettивного руководства борющимися друг с другом членами советской партийной верхушки. Они, по-видимому, были едины в том, что в ряде стран-сателлитов социальная напряженность достигла такого уровня, а подозрительность приняла такие масштабы, что ради предотвращения социального взрыва требовалось немедленное вмешательство. В большинстве государств Восточного блока положение было более или менее одинаковым: массовый террор, диспропорции в экономике как следствие форсированного экономического роста, падение уровня жизни, обобществление земли в ходе кампаний по колlettивизации, доходящее до критической точки социальное недовольство, вызываемое перебоями с поставками продовольствия. Страны народной демократии намеревались бороться с экономическими трудностями с помощью проверенного рецепта — получения советских кредитов. В этом — для ослабления внутриполитической напряженности и наведения порядка в собственной экономике — был заинтересован и СССР³.

Угроза кризиса, намерение стабилизировать «внешнюю империю» вели к тому, что советское руководство, пользуясь по сути сталинскими методами, выбрало тактику активного вмешательства и настойчиво побуждало страны Блока к исправлению ошибок: сначала в ГДР, потом — в Венгрии. Несмотря на то, что вмешательство во внутренние дела ни при каких обстоятельствах не могло быть приемлемым с точки зрения нормального развития международных отношений, советский контроль в Венгрии после смерти Сталина оказывался тем не менее благоприятным фактором и был направлен на стабилизацию положения в дружественном государстве⁴.

В системе отношений СССР с восточноевропейскими странами Венгрия при Сталине не играла заметной роли. Однако общая граница с Австрией и Югославией, с которыми стремившееся к внешнеполитической открытости советское руководство теперь хотело нормализовать отношения, поставила летом 1953 г. это «прифронтовое государство» в новые условия⁵.

О том, какой глубины достиг венгерский кризис, руководство СССР было прекрасно осведомлено из донесений советского посольства в Будапеште, и в мае 1953 г. оно поставило в известность о своей озабоченности М. Ракоши. Об имевшей место беседе нам известно только по довольно краткому пересказу в мемуарах самого Ракоши. Из него, в частности, следует, что встреча состоялась по инициативе советской стороны. В Москве Ракоши пытались убедить в необходимости проведения целого ряда преобразований, прежде всего экономических, и не исключали возможности подыскать сму пресмнику⁶. После возвращения Ракоши на родину были сделаны первые шаги по выполнению «совстов», но принятые меры оставались в глазах советского руководства недостаточными, поэтому в середине июня 1953 г. из Москвы поступило новое приглашение. На этот раз для узкого круга партийцев по усмотрению Президиума⁷.

В современной историографии роль июньского совещания в изменении политической линии ВПТ изучена почти детально. В последующий период руководство внешнеполитического ведомства и Президиум ЦК КПСС (точнее, те или иные его члены) строго следили за тем, как в Венгрии исполняются директивы, полученные в Москве, и как только по специальным каналам до них доходила информация об отклонении от намеченной линии, Кремль считал необходимым вмешиваться.

Непосредственное вмешательство объяснялось не только стремлением СССР стабилизировать обстановку, но — и на то были разные причины — само венгерское руководство относилось к этому с пониманием и готовностью: оно с радостью передоверяло Кремлю, словно третейскому судье, выносить решения по вопросам внутрипартийной борьбы. Наиболее приемлемой формой были «консультации». После июньского совещания 1953 г. до октября 1956 г. имели место еще три встречи, притом всякий раз по инициативе венгерского руководства, и в результате, как правило, происходили изменения во внутренней политике Венгрии. Обо всех встречах, за исключением совещания в декабре 1953 г., сохранились отчеты на венгерском языке, составленные венгерской стороной⁸.

Обе стороны серьезно готовились к таким встречам. Как только возникала идея предпринять новый вояж в Москву, венгерские лидеры один за другим посещали советского посла в Будапеште и постоянно держали его в курсе относительно решений, принимаемых в связи с предстоящей поездкой, вопросов, которые предстояло обсудить. Многие не забывали высказать свое особое мнение, рассчитывая на то, что собеседник не преминет доложить о нем руководству. Советская сторона до начала сове-

щания просила венгерских руководителей подготовить письменные материалы по вопросам предстоящих переговоров, и часть подобных документов доступна ученым. Соответствующий отдел МИД СССР (IV Европейский), основываясь на записках советских послов в Будапеште, также готовил материалы для переговоров, выявляя проблемы, к которым венгерская сторона считала необходимым привлечь внимание.

Личные встречи, как и раньше, играли первостепенную роль в системе политических отношений. Венгерские партийные лидеры, выезжавшие в Советский Союз на отдых, прежде всего М. Ракоши, использовали это как предлог, чтобы поставить отдельных членов советского партийного руководства в известность о ситуации в Венгрии. На III съезд ВПТ весной 1954 г. в Будапешт приехал К. Е. Ворошилов, который помимо официальных переговоров имел частные встречи, составив по результатам поездки официальный отчет. В 1955 г. набор средств политического вмешательства обогатился еще одним способом — для урегулирования спорных вопросов в Венгрию стали направлять специальных представителей советского руководства. Такими полномочиями были наделены, например, М. А. Суслов, посетивший страну весной 1955 и в июне 1956 г., и А. И. Микоян, побывавший в Будапеште в июле 1956 г. (До сих пор неясно, получали ли эти специальные представители от Н. С. Хрущева, который все глубже увязал в политической борьбе, какие-то особые, выходившие за рамки полномочий партийного руководства, поручения.)

В промежутках между совещаниями главным источником информации для советских лидеров оставались донесения послов. Советский посол в Будапеште не только представлял свою страну, но в известной мере также (поскольку партийные и государственные связи составляли единое целое) и КПСС, и венгерская сторона прекрасно понимала, что ее «сообщения», передаваемые по этому каналу, наверняка достигают цели. Советский внешнеполитический аппарат получал также те отчеты, которые готовили дипломаты более низкого ранга, и регулярно составлявшиеся тематические информационные подборки о тех или иных сторонах социально-экономической жизни. В июне 1953 г. роль и прежде влиятельного посольства СССР в Будапеште возросла еще больше. Часть отчетов советских советников в Венгрии по-прежнему отправлялась в Москву через посольство, хотя советники, работавшие в различных министерствах и ведомствах, могли, вероятно, направлять свои материалы непосредственно в те организации, которые командировали их в Будапешт.

У нас нет полного списка «информаторов», посещавших советского посла, но находящиеся в нашем распоряжении документы позволяют заключить: посольство получало информацию от относительно узкого круга лиц. Помимо руководства ВПТ и членов правительства в таких разговорах принимали участие некоторые ответственные партийные работники, и советское дипломатическое представительство, похоже, не стремилось к тому, чтобы установить контакты с теми, кто впоследствии составит костяк так называемой внутрипартийной оппозиции, или с группой противостоящей официальной линии партии интеллигенции. Таким образом, узкий круг собеседников заранее обусловливал характер информации, которую посол получал и передавал в Москву.

Венгерские политики, как правило, искали встреч с советскими дипломатами, чтобы донести до них какую-либо информацию. Между тем, сообщая о решениях, принятых партийным руководством или Советом Министров, венгерские собеседники нередко преследовали личные цели, в том числе интриговали против своих политических противников. Этот канал также служил для того, чтобы помимо информации о новостях внутрипартийной жизни передать «нечто важное», и нередко таким образом исправляли мнения или совета советских товарищей по тому или иному вопросу⁹.

Судя по находящимся в нашем распоряжении документам, после совещания в Москве в июне 1953 г. наиболее частым собеседником советского посла стал премьер-министр Имре Надь, который не только считал своей обязанностью (как он сам выразился в одной из более поздних бесед) информировать советское руководство о выполнении выработанной в Москве политики, но и нуждался в поддержке политики «нового курса» со стороны СССР.

Однако положительным сдвигам в стране с самого начала ставились всяческие препоны. Противодействие М. Ракоши не стало для И. Надя неожиданностью, но он испытал легкое разочарование, когда советское руководство, напуганное событиями в ГДР, попыталось затем сдерживать венгров.

Когда И. Надь ощутил сопротивление своей политике реформ, он сам инициировал встречу с советским послом, и в надежде на «попутный советский ветер» пожаловался Е. Д. Киселеву, что осуществление совместными усилиями выработанной политики происходит не так, как планировалось. Кроме того, Ракоши еще в июне 1953 г. пытался присвоить себе монополию на поддержание контактов с советскими товарищами, и после вторичного предупреждения Надь решил поставить членов

Политбюро ВПТ в известность, что ЦК КПСС интересуется мерами, принятыми для осуществления новой политической линии¹⁰.

Заинтересованность, проявленная советской стороной, была в немалой мере заслугой Е. Д. Киселева, который незамедлительно направил отчет о состоявшейся беседе в МИД СССР. Из его пояснений к отчету видно, что посол лично сочувствовал курсу реформ, связанному с именем Имре Надя. Советское руководство сразу подметило эту «необъективность». По распоряжению В. М. Молотова на материалах отчетов и донесений советских дипломатов разного ранга руководитель IV Европейского отдела МИД СССР М. В. Зимянин еще 6 августа 1953 г. подготовил обобщающий отчет о положении в Венгрии. В нем давалась положительная оценка первых шагов ВПТ и венгерского правительства, но в числе серьезных ошибок называлось то, что проводимые мероприятия никак не разъясняются в партийных организациях, прессы не получает никаких инструкций, отчего происходит всякого рода непонимание. Ситуация, сложившаяся в Центральном Руководстве (ЦР) ВПТ, характеризовалась как неудовлетворительная, особенно острой критике подвергся факт отсутствия коллективного руководства, что в первую очередь относили на счет Ракоши. О последнем в документе говорилось, что первый секретарь по-прежнему не информирует советского посла об основных вопросах деятельности ЦР ВПТ. Но и в адрес Киселева прозвучали упреки: почему он не предпринимает необходимых шагов, чтобы установить более доверительные отношения с Ракоши и «недостаточно использует другие источники информации, в результате чего его сообщения являются неполными, несколько односторонними и не содержат необходимых обобщений»¹¹.

На основании отчетов, составленных Киселевым, Зимянин выработал состоявший из трех пунктов план действий, который передал на рассмотрение министру иностранных дел. Зимянин считал необходимым привлечь внимание ЦР ВПТ и лично Ракоши к тому, чтобы восстановить коллективный принцип принятия решений и информировать членов партии и население страны в целом о решениях ЦР ВПТ и правительства. Он особо остановился на вопросе об обязательном партийном руководстве прессой. Во втором пункте Зимянин хотел обратить внимание лидеров ВПТ на необходимость расширения внутрипартийной демократии и налаживания идеально-теоретической работы. В заключение он высказал желание в адрес советского посла в Будапеште, которого обязали глубже вникнуть в работу ЦР ВПТ и правительства, установить более тесные контакты с Ракоши и «обеспечить всестороннюю, достаточно надежную информацию МИД СССР, с соответствующим обобщением фактов по

вопросам об осуществлении ЦК ВПТ и Правительством Венгрии советов, данных венгерским товарищам в Москве».

Еще до того, как Имре Надь в ходе переговоров осенью 1953 г. впервые рассказал о сопротивлении производственников, тормозящем выполнение экономической программы и пересмотр приоритетов плана развития народного хозяйства, Ракоши высказал новому временному поверенному в делах Ю. В. Андропову свое отношение к июньской программе реформ. По мнению венгерского руководителя, ЦР ВПТ «неуклюже» приступило к выполнению советов, полученных в Москве, и это грозит утратой авторитета партии и крахом отдельных производственных кооперативов (колхозов). Однако Андропова не столько волновало разорение коллективных хозяйств, сколько заботило разрешение заниматься частным предпринимательством. Судя по косвенным признакам, временный поверенный направил несколько отчетов о положении крестьянства, и массовый выход из производственных кооперативов и раздел колхозного имущества не на шутку взволновали советское руководство. Так, ссылаясь на донесения Андропова, заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко информировал Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева, что 30 сентября и 1 октября 1953 г. в целом ряде хозяйств в областях Бач-Кишкун, Шомодь и Сабольч крестьяне требовали роспуска производственных кооперативов и порой дело доходило до раздела коллективного имущества. В докладе критически отмечалось: вместо того, чтобы вести активную разъяснительную работу в крестьянских массах, министерство сельского хозяйства направило на село бригады для роспуска коллективных хозяйств. Громыко в связи с информацией, поступавшей от советского дипломата, высказал опасение, что это только усилит массовый выход крестьян из колхозов, и предложил направить Андропову следующую инструкцию: привлечь внимание венгров к тому, что вместо запланированного роспуска производственных кооперативов партийные органы должны уделять больше внимания организационно-хозяйственному укреплению кооперативов¹².

Однако И. Надь, несмотря на критические замечания в его адрес, не потерял доверия советской стороны, что видно из аналитических записок МИД СССР, датированных ноябрем 1953 г. Вероятно, находясь в Москве во время отпуска, Е. Д. Киселев лично проинформировал руководство внешнеполитического ведомства о положении дел в Венгрии и предположительно именно он подготовил документ (без подписи) «О выполнении венгерскими товарищами рекомендаций, полученных ими в Москве», датированный 12 ноября¹³.

Столкнувшись с противостоянием Ракоши, И. Надь уже в августе 1953 г. поставил советского посла в известность о том, что, скорее всего, в Москве снова придется поднять спорные вопросы¹⁴. Согласно поступившей от него информации, в начале октября он и заместитель первого секретаря ВПТ Михай Фаркаш повторили свое предложение, но Ракоши снова отверг этот вариант¹⁵. О том, как проходила подготовка к визиту в Москву, назначенному на начало декабря, и какие споры разгорались вокруг персонального состава делегации, становится известно из регулярных отчетов посла СССР в Венгрии о беседах с партийными руководителями в Будапеште. Советская сторона потребовала от делегации ВПТ подготовить к началу переговоров отчет о выполнении июньской резолюции. Параллельно с этим при участии Киселева в IV Европейском отделе МИД СССР к 30 ноября составили аналитическую записку, которая послужила основой для переговоров с венгерской делегацией. До сих пор не удалось обнаружить ни на венгерском, ни на русском языке какого-либо отчета, где отражалось бы содержание самих переговоров. О том, как они протекали, можно судить по статьям И. Надя, написанным в 1955 г., и мемуарам М. Ракоши. Из этих материалов следует, что советское руководство вновь высказалось недовольство тем, как осуществляется экономическая политика, и объявило Ракоши ответственным за невыполнение июньской резолюции¹⁶.

В аналитической записке, подготовленной аппаратом МИД СССР, работу венгерской стороны по выполнению июньской резолюции 1953 г. оценили положительно, но указали на серьезные недостатки в партийной и государственной жизни, а также руководстве экономикой, на что в ходе декабрьского совещания в Москве предстояло обратить внимание венгерской делегации. В связи с этим на первом месте в документе — в полном соответствии с информацией, передаваемой И. Надем через посла СССР в Венгрии — отмечались замедленные темпы реализации экономической программы. В то же время говорилось о том, что в производственных кооперативах по-прежнему сохраняется напряженная обстановка, и их организационное и экономическое укрепление остается одной из неотложных задач. «Венгерские товарищи должны поставить в центр внимания партийных организаций конкретные задачи подъема промышленного и сельскохозяйственного производства, мобилизации всех ресурсов и возможностей экономики страны в целях успешного выполнения задач дальнейшей социалистической индустриализации Венгрии, развития сельского хозяйства и на этой основе — подъема материального благосостояния трудящихся», — говорилось в рекомендациях,

подготовленных для венгерской стороны. Отмечалось, что в рабочих документах, полученных от ВПТ, отсутствует программа конкретных экономических мер, направленных на повышение уровня материального благосостояния населения. Авторы аналитической записки выражали серьезную озабоченность тем обстоятельством, что уровень жизни трудающихся в последние годы существенно понизился, в связи с чем предлагали — по примеру ЧССР — посоветовать венгерским товарищам подумать над осуществлением таких мер, которые обеспечивают в течении ближайших двух лет восстановление уровня реальной зарплаты, достигнутого в 1950 г.

Наиболее трудноразрешимую проблему представляло отсутствие «необходимой сплоченности» в Политбюро, в особенности потому, что на расхождения во мнениях по базовым вопросам уже обратили внимание и другие партийные функционеры. Для советского руководства не составляло секрета, что в Политбюро не наблюдается «необходимое единство», и было очевидно, что главным тормозом на пути претворения в жизнь политики «нового курса» оставался М. Ракоши, что «единая линия вырабатывается часто с определенным сопротивлением со стороны тов. Ракоши». И. Надь на совещании 19 ноября 1953 г., не называя имени, говорил о том, что это не могло не волновать самих венгров: «Необходимо было принять решительные меры по отношению конкретных лиц, кои виновны в этом сопротивлении». Авторы аналитической записки на этом основании приходили к выводу: несмотря на то что, если верить Ракоши, нет таких вопросов, которые необходимо вынести на суд советских товарищей на совещании в Москве, следует привлечь внимание венгерской делегации к необходимости всемерного укрепления единства и сплоченности руководящего ядра партии¹⁷.

В декабре 1953 г. на встрече в Москве, хотя и прозвучала критика, политика И. Надя получила поддержку. Его деятельность в то время во многом совпадала с реформаторской программой Маленкова по смягчению сталинского режима¹⁸, и до тех пор пока в борьбе, не прекращавшейся в советском руководстве, Маленков твердо удерживал свои позиции, венгерский реформатор ощущал за своей спиной поддержку Москвы; советское руководство не оставил его в одиночку сражаться с политическими противниками. Но несмотря на все усилия, Надю не удалось в полной мере решить ни одной из неотложных экономических задач, и хотя он не утратил доверия Москвы, за неудачи своей экономической политики получил в мае 1954 г. серьезный выговор. Аналитики МИД СССР уже в речи Имре Надя, произнесенной им в июле 1953 г. в качестве

председателя правительства (кстати, текст в свое время был одобрен Президиумом ЦК КПСС), нашли «ошибочные положения», а к 1954 г. число критических замечаний удвоилось¹⁹.

Записи о беседах, состоявшихся после декабрьского 1953 г. совещания, свидетельствуют о том, что московская встреча не привела к оздоровлению обстановки в ВПТ. По словам М. Фаркаша, сказанным Киселеву, в конце января 1954 г. в партийном руководстве обстановка «была весьма нелегкой и, пожалуй, даже хуже, чем до поездки в Москву в декабре 1953 года. Налицо была опасность увеличения разногласий и расхождений между членами руководства, у товарища Ракоши усилилось стремление к ревизии всего того, что сделано после июньского пленума и т. д.»²⁰

Имре Надь в беседе, состоявшейся 12 января 1954 г., признавал, что после приезда из Москвы Эрне Герё добросовестно взялся за дело, помогая руководству Совета Министров, однако поведение Ракоши не изменилось²¹. Скорее всего, у Надя давно уже крепла уверенность, что продвижение вперед возможно лишь в том случае, если удастся отстранить от власти Ракоши, и пересмотр приговоров по политическим процессам, начавшийся на рубеже 1953—1954 гг., давал возможность поднять вопрос об ответственности первого секретаря. На признании личной ответственности Ракоши за сфальсифицированные судебные процессы настаивал и Э. Герё в разговоре с советским послом 18 февраля 1954 г., но он дал понять Е. Д. Киселеву, что расходитя с Надем в понимании того, как это обстоятельство следует использовать. Из донесения посла — гораздо более пространного, чем обычно — видно, что Герё «сигнализировал» советскому партийному руководству: если те не вмешаются, ситуация обострится настолько, что может явиться «попросту опасной для сохранения руководящего ядра партии в его настоящем виде»²².

В период до проведения в мае 1954 г. консультаций в Москве венгерские политики, беседовавшие с советским послом, рассказывали не только об усилении напряженности в отношениях между И. Надем и М. Ракоши, но приводили примеры ухудшения экономического положения в стране. Несмотря на то что советское руководство последовательно настаивало на необходимости повышения уровня благосостояния трудящихся и побуждало венгерское руководство к действиям в этом направлении, Ракоши с такой неприкрытой неприязнью говорил об аграрной политике «нового курса», что его антикрестьянские настроения заметно удивили Киселева²³. Но не один Ракоши указывал на трудности, возникавшие в экономической жизни страны. Герё, который с ведома Надя с начала года все более активно занимался вопросами экономики, уже

в конце января — начале февраля в целом ряде документов выражал обеспокоенность чрезмерным увеличением оборота бумажных денег. Об этом Надя предупреждали руководители отдела экономической политики ЦР ВПТ, но тот в беседе с Киселевым 18 февраля обвинил их в разжигании панических настроений²⁴. Весной, на фоне подготовки партийного съезда и новых визитов в Москву, эта тема отошла на второй план, но непосредственно перед поездкой Герё в беседе с советским послом вновь завел речь об упадке производственной дисциплины, об отставании, наблюдающемся в государственных заготовках сельхозпродукции и промышленном производстве²⁵.

Для информирования МИД СССР накануне майского совещания Е. Д. Киселев подготовил внушительную подборку документов. Так, 21 апреля 1954 г. он направил в Москву разнообразные обзоры, содержащие подробные статистические выкладки об уровне жизни, состоянии сельского хозяйства, положении в промышленности, предполагаемом новом составе ЦР ВПТ, ходе выполнения пятилетнего плана, торговле между СССР и ВНР, государственных предприятиях. Не были забыты и материалы о ходе весенних полевых работ, животноводстве и ветеринарии²⁶. Эти данные полностью согласуются с тем датированным 28 апреля 1954 г. документом, который заместитель министра иностранных дел В. А. Зорин передал в ЦК КПСС.

Если в докладе, подготовленном в ноябре 1953 г., отчетливо слышались суждения, высказанные И. Надем, то весной 1954 г. можно заметить, что хотя советское руководство в вопросах нарушения законности поощряло первого секретаря ВПТ, оно приняло к сведению сигналы, подаваемые Ракоши и Герё через посла в Будапеште, о плачевном состоянии экономики, снижении производительности труда, неоправданно быстрым повышении уровня жизни крестьянства и угрозе инфляции.

Начиная с лета 1954 г. последовал новый поворот в схватке советской политической элиты за власть, в результате чего Г. М. Маленков в феврале 1955 г. был снят с поста председателя Совмина СССР²⁷. Мы не знаем, какого содержания информацию получало по особым каналам связи с Москвой венгерское руководство, но для тех, кто умел читать между строк, изменения политического климата становились ясны уже из того, что советская пресса все реже печатала материалы, в которых говорилось о задаче дальнейшего повышения уровня жизни трудящихся²⁸.

В октябре 1954 г. на пленуме Центрального руководства И. Надю удалось привлечь на свою сторону большинство членов ЦР. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, он приступил к претворению

в жизнь своих планов. Однако в Москве программу реформ Надя сочли слишком радикальной²⁹. Что касается исхода протекавшей поздней осенью 1954 г. в советском партийном руководстве, не слишком благоприятно завершившейся для Надя борьбы за власть, то на формирование отрицательного мнения повлияли не только интриги находившегося в Москве на лечении М. Ракоши, но и информация, исходившая от Андропова. Записка о положении, сложившемся после октябрьского пленума ЦР, которую советский посол направил в Москву по результатам бесед с Иштваном Ковачем и Эрнё Герё³⁰, где говорилось о дискредитировании авторитета партии, о вопросе ответственности некоторых членов партийного руководства за прежние ошибки и сформировавшейся вследствие этого «ненормальной» обстановке, уже давала повод для серьезной обеспокоенности. Если верить мемуарам М. Ракоши, советское руководство помимо донесений Андропова желало получить информацию и из других источников, поэтому перед его отъездом на родину пригласило его для беседы. В ходе разговора, в котором участвовали Маленков, Хрущев и Молотов, вскоре выяснилось, что донесения посла в Будапеште не остаются без внимания: «Я заметил, что советские товарищи серьезно озабочены развитием событий в Венгрии, которое они, располагая более свежей информацией, оценивали в весьма мрачных тонах. Они обратили особое внимание на речь Имре Надя, произнесенную на конгрессе Народного фронта, а также на статью, в которой уже после моего отъезда он открыто изложил свои взгляды на страницах газеты "Сабад неп"... В конце беседы советские товарищи также согласились, что то, что делают в Венгрии Имре Надь и его сподвижники, является антипартитным, и что так это следует и рассматривать»³¹.

По воспоминаниям Ракоши, уже тогда внутри советского партийного руководства созрела решимость поддержать его точку зрения в противовес позиции, представляемой И. Надем. Поэтому новую поездку в Москву инициировал уже лично Ракоши. В распоряжении историков нет данных о внешнеполитической подготовке январского (1955 г.) совещания, как неизвестны нам никакие обобщающие материалы, подобные тем, что накануне предыдущих встреч готовил аппарат МИД СССР, или отчетам венгерской стороны. Несмотря на это, мы можем с уверенностью предположить, что советское руководство, как и раньше, «готовилось» к совещанию, и отчеты Андропова играли в этом процессе важную роль.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам, перед совещанием в Москве в начале января 1955 г. советский посол в Будапеште провел две беседы: в один и тот же день, 1 января, он встретился с М. Фар-

кашем и Э. Герё. Первый, прежде считавшийся сторонником Надя, теперь перешел в ряды его оппонентов. Герё, услышав в июле 1954 г. в Москве критику проводимой им экономической политики, стал ярым противником Надя и в беседе с послом позволил себе более негативную оценку правительства, чем Фаркаш. Если тот подчеркивал, что поскольку Надь не изменил своих взглядов, Политбюро будет вынуждено принять решительные меры, то Герё в завуалированной форме предлагал освободить премьер-министра от занимаемой должности³². По прочтении протокола московских «консультаций» 8 января 1955 г., составленного Белой Салаи, складывается впечатление, что обвинения в адрес И. Надя содержали немало таких утверждений, которые уже прозвучали во время бесед Ракоши и Герё с советским послом³³.

После упомянутых выше январских консультаций, проходивших в довольно грубом, напоминавшем сталинские времена тоне, круг возможных источников информации для советского посла существенно сузился. Согласно имеющимся в нашем распоряжении документам, Ю. В. Андропов в последний раз встретился с И. Надем 19 января 1955 г., и после этого его главными собеседниками вплоть до осени 1956 г. оставались только люди из окружения Ракоши. (Исключение составляют встречи с Яношем Кадаром ранней осенью 1956 г.³⁴ и со сторонником И. Надя Золтаном Вашем 11 октября 1956 г.³⁵)

Во время своей последней беседы в посольстве СССР И. Надь предложил послу, чтобы для изучения положения в Венгрии в страну был бы направлен кто-то из представителей советского партийного руководства. Очевидно, он полагал, что после знакомства с мнением более широкого круга партийных руководителей этот советский представитель в своих отчетах с места событий сможет сбалансировать ту картину, которая сложилась у советского руководства в результате интриг Ракоши и на основании записок посла в Будапеште.

Нам неизвестны детали обсуждения данного предложения в Президиуме ЦК КПСС, но в результате в Будапешт был направлен М. А. Суслов. Советский представитель прибыл в венгерскую столицу в конце февраля 1955 г., когда велась подготовка к мартовскому пленуму ЦР, навестил находившегося в тот момент в больнице Имре Надя, попытался убедить его выступить с публичной самокритикой. Однако Надь остался непреклонен, и это ему в апреле 1955 г. стоило поста председателя правительства, а в декабре — членства в партии.

Анализируемые здесь отчеты Андропова не позволяют воссоздать картину во всей полноте и ответить на вопрос: консультировалось ли предварительно венгерское руководство с советской стороной о дальнейшей

судьбе Имре Надя. 9 апреля 1955 г. — накануне штабума ЦР ВПТ, состоявшегося 14 апреля, — Ракоши в беседе с Андроповым перечислил те мероприятия, которые поставлены в повестку дня, и просил посла проинформировать Президиум ЦК КПСС и узнать его мнение по этому поводу³⁶. В связи с исключением И. Надя из партии у нас нет сведений о предварительном согласовании данного шага с советским руководством. Это, конечно же, можно объяснить тем фактом, что нами не обнаружено документа, дословно фиксировавшего беседу советского посла с первым секретарем ВПТ. Впрочем, скорее всего, Ракоши действительно не поставил об этом в известность Москву³⁷, потому что после отстранения Надя от руководства правительством не считал сей вопрос принципиально важным. Мы также не знаем, заводил ли Ракоши об этом разговор с Андроповым ранее, просил ли совета.

Наиболее сильное влияние на взаимоотношения между государствами социалистического лагеря оказал XX съезд КПСС, проходивший в Москве 14—25 февраля 1956 г. Он дал импульс внешней политике СССР стремиться к более активному сотрудничеству и консультациям, а также обмену опытом по некоторым внешнеполитическим вопросам с «братскими странами»³⁸. Рассматриваемые нами документы свидетельствуют о возросшей активности советской дипломатии. Секретарь посольства СССР в Венгрии В. А. Крючков на приеме 23 февраля 1956 г. говорил гостям из МИД ВНР, что в последнее время даже у рядовых сотрудников советского внешнеполитического ведомства появляют большую независимость и былой централизации приходит конец. Теперь руководство МИД СССР ждет от аппарата министерства не пространных записок и отчетов, но рекомендует выступать с предложениями и инициативами. Дипломаты, работающие в посольстве СССР в Будапеште, получили задание «править в министерство как можно больше предложений, осуществление которых углубило бы советско-венгерские отношения»³⁹. В свете высказанного неудивительно, что записи Андропова — по сравнению с предшествующим периодом — дают совершенно иную картину. Если прежде в подготовленных Андроповым отчетах мы лишь в исключительных случаях встречаем оценочные суждения или адресованные советскому руководству предложения, то в документах, написанных послес XX съезда, посол более уверенно высказывал свою точку зрения и предлагал собственные решения.

В течение 1956 г. в двусторонних советско-венгерских дипломатических отношениях не произошло никаких заметных событий, и встречи на высшем уровне были нечастыми. На уровне межгосударственных связей

заслуживает упоминания визит в СССР венгерской парламентской делегации под руководством Шандора Ронаи в период с 20 апреля по 8 мая 1956 г. Ему предшествовал визит советской парламентской делегации во главе с Н. М. Пеговым, имевший место с 14 ноября по 2 декабря и ставший первым такого уровня в истории двух стран⁴⁰.

Новые явления во внешней политике СССР привели к заметным изменениям в отношениях двух стран и на менее высоких уровнях. В феврале 1956 г. советское правительство приняло постановление о новом порядке поддержания отношений с государственными учреждениями и их руководителями в странах так называемой народной демократии, что привело к существенному упрощению и облегчению подобных контактов. Венгерское правительство воспользовалось предоставленной советскими властями возможностью и особым постановлением определило круг государственных организаций и их руководителей, которые отныне получали право непосредственного взаимодействия с министерствами, ведомствами и другими головными организациями и их высшим руководством в СССР и странах народной демократии⁴¹.

Еще более широкого круга лиц касалось постановление советского правительства, вводившее облегченный порядок выезда граждан СССР в Венгрию по приглашению родственников. В ответ венгерское правительство постановило, что в случае посещения родственников, а также в исключительных случаях (например лечение) венгерские граждане могут выезжать в СССР на период до трех месяцев по внутренним паспортам⁴².

Вместе с тем на высшем уровне после XX съезда вплоть до визита в Будапешт М. А. Суслова в июне 1956 г. консультации не проводились. Контакты осуществлялись, как и прежде, через советское посольство и путем официальной переписки между руководством ВПТ и КПСС.

XX съезд КПСС и в особенности прозвучавший в последний день его работы «секретный доклад», развенчавший культ личности Сталина, активизировали венгерских реформаторов и породили в венгерском обществе большие надежды. Между тем публикация отчета о пленуме ЦР ВПТ от 12 марта 1956 г. и принятых на нем резолюциях немало разочаровали партийную общественность. В отчете об откликах на пленум, составленном «по горячим следам» 17 марта, отмечалось: «Отчет и резолюции, опубликованные в газете “Сабад неп”, не смогли в полной мере удовлетворить те великие ожидания, которые возникли после XX съезда КПСС и накануне пленума ЦР. Ждали большего, в первую очередь рассмотрения поднятых на XX съезде КПСС проблем применительно к Венгрии, будь то экономика, партийная политика или вопросы теории»⁴³.

Поведение Андропова тоже как нельзя лучше иллюстрирует разницу между надеждами, зародившимися в венгерском обществе, и подлинными намерениями Москвы. Российский историк А. С. Стыкалин на основании документов, хранящихся в Архиве внешней политики РФ, убедительно показал, какую роль с весны до осени 1956 г. играло посольство СССР в Будапеште в борьбе за власть внутри руководства ВПТ и в событиях в Венгрии, в каком виде реальные события представляли в донесениях посла, какие советы и рекомендации по разрешению конфликта предлагал он советскому руководству⁴⁴.

Вести о политической нестабильности и недовольстве М. Ракоши внутрипартийным положением не ускользали от внимания руководства КПСС, о чем его подробно информировал в своих записках и телеграммах посол в Будапеште. Весной 1956 г. Андропов искусственно подогрел в советском государственном и партийном руководстве озабоченность в связи с планами кооптировать в ЦР ВПТ Яноша Кадара и Йожефа Ревая, которых без всяких на то оснований считал враждебно настроенными к СССР. Посол Андропов в телеграмме 29 апреля 1956 г. предлагал: «Несмотря на то, что друзья не просят нашего совета по этому вопросу, было бы целесообразным переговорить с ними об этом, откровенно высказав им наши опасения в связи с решением о вводе Ревая и особенно Кадара в состав Политбюро»⁴⁵. По получении телеграммы МИД СССР переправил ее в ЦК КПСС. Советское партийное руководство 3 мая 1956 г. обменялось мнениями по данному вопросу и поручило Суслову переговорить с Андроповым⁴⁶. К сожалению, у нас нет информации ни о дискуссии, развернувшейся в ЦК КПСС, ни об инструкциях, данных советскому послу в Будапеште.

Не меньшее беспокойство вызывали донесения, в которых говорилось о работе комиссии по расследованию дела бывшего министра внутренних дел Михая Фаркаша и о рассмотрении данного вопроса на заседаниях партийного руководства. Из записок и телеграмм Андропова становится ясно, что по мере продвижения расследования даже прежние сторонники Ракоши (в первую очередь Э. Герё и И. Ковач) старались отмежеваться от первого секретаря и через советскую дипломатию тактично пытались убедить Москву в необходимости отстранения Ракоши⁴⁷.

Герё вновь удалось достичь своих целей. В то время, когда он беседовал с Андроповым, советское руководство под впечатлением тревожных вестей из Будапешта уже приняло решение о командировании к месту действия секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. Он прибыл в Будапешт 7 июня и на следующий день имел беседу с членами Политбюро. Совет-

ский эмиссар, направленный в Венгрию для нормализации критической ситуации, прекрасно понял, что недовольные политической линией партии (например И. Ковач и Я. Кадар) хотят использовать дело Фаркаша для атаки на Ракоши. Однако советское руководство все еще поддерживало первого секретаря ВПТ, и Суслов со всей твердостью заявил: «Смена политического руководства или раскол в Центральном Руководстве станет таким подарком врагу, которого он от нас не ждет»⁴⁸. Зато мнение советского эмиссара о тяжелом положении в венгерской экономике несколько расходилось с оценками советского посла. Суслов не разделял озабоченности Андропова ни в связи с кооптацией Кадара и Ревая в ЦР, ни в связи с размахом «правооппортунистической» угрозы⁴⁹.

С весны 1956 г. из советского посольства в Будапеште в МИД СССР поступало все больше донесений, в которых указывалось на признаки появления напряженности в советско-венгерских отношениях. Тем временем начиная с июня 1956 г. в центре внимания советского руководства находился внутриполитический кризис в Польше. После визита Суслова в Будапешт положение Ракоши на посту первого секретаря ВПТ только укрепилось, и он с еще большей уверенностью вновь отправился в Москву⁵⁰, куда руководство СССР на 22 июня пригласило руководителей всех стран социалистического лагеря. В повестке дня этого закрытого совещания на высшем уровне стояло три вопроса. Во-первых, согласование резолюций VII сессии Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), проходившей 18—25 мая 1956 г. в Берлине, с планами отдельных стран. Во-вторых, план оборонной промышленности и взаимных специальных поставок стран-членов СЭВ. В-третьих, обмен мнениями о формах сотрудничества коммунистических и рабочих партий. Однако на совещании речь шла и о внутриполитическом положении в восточноевропейских странах. Согласно отчету, составленному венгерской делегацией, советское руководство, напуганное размахом критических выступлений, последовавших за XX съездом КПСС, обязало страны социалистического лагеря более решительно противодействовать выступлениям оппозиции. Советское партийное руководство перед лицом признаков кризиса в Восточной Европе сформулировало тезис о допустимости применения административных методов, которые на XX съезде были осуждены как практика сталинизма. Если верить венгерскому отчету о совещании, Хрущев, в частности, сказал: «Властью нельзя злоупотреблять, как это делал Сталин, но ее нужно употреблять. Против враждебной деятельности нужно использовать государственную безопасность, суд, карательные органы»⁵¹.

Накануне вылета в Будапешт Ракоши встретился с К. Е. Ворошиловым. В разговоре первый человек в венгерской компартии назвал положение внутри ВПТ «исключительно сложным» и высказал серьезную озабоченность и тревогу в связи с предстоящим обсуждением дела Фаркаша на пленуме ЦР ВПТ. Ракоши пространно рассказывал Ворошилову о своем собственном положении. По его словам, «среди отсталой части членов партии», а также «в кругах интеллигенции идут разговоры, что Ракоши не способен претворить в жизнь решения ХХ съезда, что для этого нужны руководители, не связанные с прошлым... После смерти Димитрова, Готвальда и Берута Ракоши “последний из могикан” сталинской школы и поэтому как руководитель он не отвечает духу времени»⁵².

На следующий день после возвращения венгерской делегации премьер-министр Андраш Хегедюш встретился с советским послом Андроповым и в разговоре назвал совет Хрущева «о необходимости проведения твердых мер в отношении лиц, ведущих явно враждебную работу против народно-демократического строя, совершенно правильным и своевременным». Этот совет тем более актуален, подчеркнул Хегедюш, что «в Венгрии за последние 5—7 дней нажим со стороны враждебных сил заметно усилился»⁵³.

Из записок и телеграмм Андропова ясно видно, что в конце июня — начале июля между советским партийным и внешнеполитическим руководством наблюдалось известное несовпадение в представлениях о путях разрешения кризиса. В то время как многие в ЦК КПСС после событий в Познани были готовы «сдать» Ракоши, аппарат МИД, в полной мере разделяя тревогу Андропова по поводу деятельности «враждебных и оппозиционно настроенных элементов» и углублявшегося экономического кризиса, настаивал на более жестких мерах. К. Д. Левычkin, руководитель V Европейского отдела МИД, 3 июля 1956 г. предложил, ни больше ни меньше, как опубликовать в советской прессе резолюции венгерского партийного руководства, осуждающие деятельность враждебных элементов, и разместить их на правой полосе⁵⁴. 12 июля, в тот самый день, когда советское партийное руководство приняло решение о поездке А. И. Микояна в Венгрию, Левычkin рекомендовал министру иностранных дел Д. Т. Шепилову старый, проверенный рецепт. Ссылаясь на информацию, что на пленуме ЦР ВПТ (назначенном на 17 июля) враждебные элементы планируют смещение Ракоши, днем ранее вызвать в Москву в полном составе Политбюро и секретариат ЦР ВПТ, чтобы «обсудить вместе с ними положение в руководстве партии и в стране, и порекомендовать провести

болес решительныс меры по ликвидации создавшегося положения, вплоть до принятия репрессивных мер против реакционных сил»⁵⁵.

В эти дни Андропов не давал никаких советов и не поддержал идею спасения Ракоши, тем более что был связан данными Сусловым рекомендациями. Однако в ходе подготовки к пленуму ЦР ВПТ произошли события, которые сделали осуществление изначального плана Суслова невозможным. Руководитель Управления государственной безопасности — находившийся с 1953 г. в тюрьме Габор Петер — взялся за перо и в открытом письме «Что есть истина?»⁵⁶, датированном 10 июля 1956 г., однозначно обвинил Ракоши в смерти Л. Райка и казни многих невиновных⁵⁷.

После этого даже советскому руководству стало ясно, что необходимо новое вмешательство. Тем временем главный советник МВД СССР Г. А. Ищенко привез письмо Петера в Москву, и по ознакомлении с его текстом Президиум ЦК КПСС принял решение о поездке А. И. Микояна в Венгрию. В протокольной записи заседания Президиума говорилось: «по делу Райка — облегчить положение Ракоши», а также «переговорить с Ковачем и твердо поговорить». Из этого можно сделать вывод: советское руководство или большинство его членов даже 12 июля — вопрос очевидному — заняло сторону Ракоши⁵⁸.

Микоян, получивший широкий круг полномочий для урегулирования ситуации в Венгрии, прибыл в Будапешт утром 13 июля. Его роль на июльском пленуме ЦР и в смещении Ракоши широко освещена в исторической литературе. Из отчетов Микояна с места событий в Москве сделали вывод, что целью снятия со всех постов Ракоши и избрания первым секретарем Герё в Венгрии удалось устранить личные противоречия, стоявшие на пути разрешения внутриполитического кризиса.

Летом 1956 г. новый первый секретарь не только унаследовал от Ракоши старые кадровые проблемы (судьба Ракоши и Фаркаша, а также, не в последнюю очередь, вопрос о Наде), но и экономические вопросы, в которых Герё рассчитывал на помощь СССР. Через два дня после пленума ЦР, 23 июля, он вместе с премьер-министром А. Хегедюшем в письме, адресованном в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, писал: в последние месяцы в Венгерской Народной Республике наблюдались серьезные трудности с горючим и топливом, что грозит бесперебойной работе основных отраслей промышленности. Признавая это, Хегедюш и Герё просили у советского руководства срочной экономической помощи, и ответ на эту просьбу пришел только в начале октября, после того как в сентябре в адрес советского руководства было отправлено еще одно отчаянное письмо⁵⁹.

Первые — после окончания работы пленума ЦР — телеграммы Андропова (впрочем, очень непродолжительное время) содержали положительные оценки личных перестановок в руководстве. Но начиная с августа 1956 г. в записках советского посла неоднократно высказывается мысль, что венгерское партийное руководство не в состоянии проявить должную твердость в борьбе с «враждебными элементами», поэтому для удержания власти советская помощь неизбежна. Посол полагал, что непременным условием укрепления власти является повышение авторитета партии, и предлагал целый ряд направлений, по которым советское руководство могло оказать содействие. Первым называлось такое старое, проверенное средство, как «миссия дружбы», или присезд венгерской правительственный делегации в Москву, потому что широкое освещение пребывания этой делегации несомненно способствовало бы повышению авторитета венгерских руководителей в партии и стране. Тем же целям служила бы публикация в советской печати статей по вопросам социалистического строительства⁶⁰.

27 сентября 1956 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел телеграмму и записку Андропова от 30 августа, а также аналитическую записку МИД СССР о содержании записок и телеграмм посла в Будапеште. В связи с более ранней просьбой Герё о проведении встречи на высшем уровне было постановлено поручить М. А. Суслову побеседовать по данному вопросу с Герё во время его проезда через Москву⁶¹.

Возвращавшийся домой после отдыха в Крыму Э. Герё и схавший с VIII съезда Китайской коммунистической партии Я. Кадар 6 октября встретились в Москве с А. И. Микояном и М. А. Сусловым. Хрущев не принимал участия в беседе. Двумя днями ранее, 4 октября, в советской столице было подписано соглашение об оказании экономической помощи Венгерской Народной Республике. В документе говорилось, что правительство СССР удовлетворяет просьбу венгерского правительства и в 1957 г. предоставит заем в размере 100 млн. рублей, из них 60 млн. — товарными поставками в рамках советско-венгерского торгового соглашения, и 40 млн. рублей — в валюте.

Слишком поздно подписанное и вступившее в силу только со следующего года соглашение о займе не стало в руках политического руководства во главе с Герё и Хегедюшем желанным оружием. Венгерское правительство не смогло быстро облегчить экономическое положение и принять неотложные меры для повышения уровня жизни. Подписанное в Москве соглашение о займе по целому ряду причин не смогло поправить

испортившиеся осенью 1956 г. советско-венгерские отношения и помешать дальнейшему углублению внутриполитического кризиса. Э. Герё в беседе с Андроповым 12 октября 1956 г. сказал, что «охлаждение отношения к СССР в Венгрии приняло весьма серьезный характер». По мнению первого секретаря, вопросы, вокруг которых всплескалась антисоветская пропаганда в Венгрии, можно было свести к следующему: выступления против пребывания советских войск в Венгрии; возражения против венгерских платежей СССР за проданное немецкое имущество; возражения против того, что Венгрия якобы продаёт СССР уран по дешевой цене; заявления о том, что Венгрия ведёт с СССР невыгодную для себя внешнюю торговлю⁶².

Ни Герё, ни посол в ряду причин антисоветских настроений не назвали введение обязательного изучения русского языка на разных образовательных ступенях, что, несомненно, принадлежало к числу национальных обид. В октябрьских требованиях отделений Союза трудящейся молодежи в Будапештском, Сегедском, Дебреценском университетах фигурировало введение факультативного изучения русского языка. Протесты были столь горячими, что министр образования Альберт Коия 19 октября поручил проверить вопрос об обязательном изучении русского языка в университетах.

Ссылаясь на главного советника МВД СССР Ищенко, советский посол передавал в Москву, что «нездоровые настроения» стали распространяться среди части работников венгерской госбезопасности и поступает немало сигналов о высказываниях ряда руководящих армейских работников против руководства партии. Шифрованная телеграмма советского дипломата от 12 октября завершалась пророческими словами: «Если наши друзья будут и дальше вести такую же непротивленческую политику, появление Имре Надя как руководителя партии и страны представляется нам делом вполне возможным». На следующий день Надя восстановили в партии.

В начале октября на совещании в Москве Герё договорился с советским руководством по ряду актуальных политических вопросов (в том числе о продлении срока пребывания Ракоши в СССР), но запланированные меры в предельно обострившейся обстановке уже не были достаточными. В середине октября советское руководство уделяло преимущественное внимание не Венгрии, а Польше. Но то, чего удалось избежать в Польше, случилось в Венгрии: венгерскую революцию подавили силой советского оружия.

Перевела с венгерского О. В. Хаванова.

Примечания

¹ Например, М. Ракоши в мемуарах рассказывает о совещании в Москве 8 июля 1953 г., на котором руководство КПСС проинформировало руководство коммунистических партий об аресте Л. П. Берии. См.: *Rákosi M. Visszaemlékezések 1940–1956 / Szerk. Fcifl I., Gellériné Lázár M., Sípos L.* Bp., 1997. 2. k. 936–937. old. В переводе на русский язык главы из мемуаров М. Ракоши опубликованы в: «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши / Публ. В. Т. Середы, А. С. Стыкалина и др. // Исторический архив. 1998. № 3, 5–6; 1999. № 1. Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов 17 марта 1956 г. впервые пригласил представителей дипломатических миссий стран “народной демократии” и сообщил, что в будущем они станут встречаться чаще и более регулярно. На этих встречах дипломаты будут получать достоверную информацию о внешнеполитических шагах советского правительства, смогут обсудить актуальные проблемы и задать волнующие их вопросы. Сначала заместитель министра В. В. Кузнецов проинформировал об азиатском турне А. И. Микояна, затем другой заместитель министра, В. С. Семенов, рассказал дипломатам из социалистических стран о деталях переговоров между премьер-министром Дании и советским министром иностранных дел. На следующей встрече, проходившей 26 марта, Н. С. Хрущев рассказал о работе комитета по разоружению, В. С. Семенов — о проблемах, возникших на Далнем Востоке. См.: *Magyar Országos Levéltár* (далее — MOL). XIX-J-1-j. SzU Tuk. 9. d. IV-138/1-1956.

² Отдел международных связей ЦР ВПТ отвечал за три сферы контактов. Во-первых, развитие межпартийных связей и контроль за международными связями массовых организаций. Во-вторых, информационная работа: с одной стороны, информирование ЦР о наиболее важных событиях в жизни братских партий, их участии в международных акциях и пр., с другой — информирование братских партий о наиболее важных решениях ВПТ, отчетах и статьях партийного руководства. В-третьих, проблемы проживавших в Венгрии греческих, испанских и югославских политэмигрантов. См.: MOL M-KS. 276. f. 65/55. ö. c.

³ Rainer M. J. Nagy Imre. Politikai életrajz. 1. k. 1896—1953. Bp., 1996. 502. old.

⁴ Vásárhelyi M. Az első meghiúsított reformkísérlet // Vásárhelyi M. Ellenzékben / Szerk. Tóbiás Á. Bp., 1989. 244. old. Такого рода вмешательство имело место не только в Венгрии, но и в других странах Восточного блока. Первыми в этом ряду оказались руководители ГДР, по паряду с венграми в Москву съездили польские и румынские лидеры.

⁵ Vásárhelyi M. Az első meghiúsított reformkísérlet... 261. old.

⁶ Rákosi M. Visszaemlékezések. 909—910. old.; в переводе на русский язык см.: «Людям свойственно ошибаться»... // Исторический архив. 1998. № 3. С. 6—22.

⁷ Протоколы совещания в Москве 13—16 июня 1953 г. см.: T. Varga Gy. Jegyzökönyv a szovjet és a magyar párt- és állami vezetők tárgyalásairól (1953. június 13—16.) // Múltunk. 1992. 2—3. sz.

⁸ Rainer M. J., Urbán K. “Konzultációk”. Dokumentumok a magyar és szovjet pártvezetők két moszkvai találkozójáról 1954—1955-ben // Múltunk. 1992. 4. sz. О совещании

в Москве в декабре 1953 г. см.: *Baráth M., Feitl I.* Szovjet—magyar csúcsalkozó 1953. december 3—4-én // *Levélzári Közlemények*. 2005. 2. sz. 253—268. old. Вне всяких сомнений, советская сторона также вела записи переговоров, но обнаружить их пока не удалось.

⁹ Это в полной мере относится к выработке венгерской позиции на предстоявших переговорах об экономическом сотрудничестве с Югославией, к определению круга вопросов для обсуждения на майском совещании в 1954 г. в Москве, к отчету о плане мероприятий, принятом на пленуме ЦР в апреле 1955 г., и запросе в связи с этим мнения советской стороны. См.: Архив Внешней Политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 33. П. 61. Д. 9.; Оп. 34. П. 175. Д. 9.; Оп. 36. П. 181. Д. 5.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 33. П. 161. Д. 9. Отчет Е. Д. Киселева о беседе с И. Надем, 25.VII.1953 г.

¹¹ Там же. П. 163. Д. 20.

¹² Там же. К записке была приложена инструкция Ю. В. Андропову. В настоящее время этот документ засекречен, поэтому исследователи не имеют возможности ознакомиться с его содержанием.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. П. 161. Д. 9. Записка Е. Д. Киселева о беседе с И. Надем, 7.VIII.1953 г.

¹⁵ Там же. Записка Ю. В. Андропова о беседе с М. Фаркашем, 29.IX.1953 г.

¹⁶ См.: *Nagy I.* «A magyar nép védelmében». *Vitairatok és beszédek* 1955—1956. A Magyar Füzetek kiadása. Párizs, 1984. 168. old.; *Rákosi M.* Visszaemlékezések... 948—950. old.

¹⁷ АВП РФ. Ф.077. Оп.33. П. 163. Д. 20.

¹⁸ О сходстве и различии двух правительственныех программ подробнее см.: *Urbán K.* Nagy Imre és G. M. Malenkov. Két miniszterelnök Sztálin után // *Múltunk*. 1996. 1. sz.

¹⁹ *Muszatov I.* Szovjet—magyar kapcsolatok, 1953—1956 // 1956-os Intézet Évkönyve 1996/1997. Вр., 1997. 45. old.

²⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 34. П. 175. Д. 9. Запись беседы Е. Д. Киселева с М. Фаркашем, 3.III.1954 г.

²¹ Там же.

²² Там же. Оп. 33. П. 161. Д. 9.

²³ Там. же. Запись беседы Е. Д. Киселева с М. Ракоши, 13. II.1954 г.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Запись беседы Ю. В. Андропова с Э. Герё, 1.V.1954 г.

²⁶ Там же. Оп. 34. П. 180. Д. 51.

²⁷ В этой связи см.: *Leonhard W.* The Kremlin since Stalin. Westport (Conn.), 1975. P. 90—92, а также: *Löwenthal R.* Crisis in Moscow // *Problems of Communism*. 1955. 3. sz. P. 1—8.

²⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 33. П. 161. Д. 9. Запись беседы Ю. В. Андропова с М. Фаркашем, 26.VIII.1954 г.

²⁹ Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról / Szerk. Szereda V., Rainer M. J. Bp., 1996. 12. old.

³⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 33. П. 161. Д. 9. Запись беседы Ю. В. Андропова с И. Ковачем, 6. XI.1954 г.

³¹ Rákosi M. Visszaemlékezések. 970. old.; в русском переводе см.: «Людям свойственно ошибаться»... // Исторический архив. 1998. № 5—6. С. 175—176.

³² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 36. П. 181. Д 5.

³³ Таковым, например, можно считать обвинение, что И. Надь не говорил об успехах, имевших место до июня 1953 г., и считал все, что делалось в тот период, ошибочным. Э. Герё 18 февраля 1954 г. сформулировал это так: если верить Надю, то «створение мира случилось 4 июля 1953 года или по крайней мере с момента июньского пленума ЦК ВПТ и что все, что ни делалось до этого, было плохо или неправильно». АВП РФ. Ф. 077. Оп. 34. П. 175. Д. 9. Запись беседы Е. Д. Киселева с Э. Герё.

³⁴ Запись беседы Ю. В. Андропова с Я. Кадаром 3 сентября 1956 г. опубликована: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин и др. М., 1998. С. 257—261. о.

³⁵ Запись беседы опубликована: Hiányzó lapok 1956. történetéből. Dokumentumok a volt SZKP KB Icvéltárából / Szerk. Szereda V., Sztikalin A. Bp., 1993. 92—96. old.

³⁶ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 36. П. 181. Д. 5. Запись беседы Ю. В. Андропова с М. Ракоши, 9. IV.1955 г.

³⁷ Если бы в Москве знали о планах Ракоши, то в 1956 г. А. И. Микоян не писал бы венгерскому руководству, что никто не посоветовался с советским руководством по вопросу об исключении Надя из партии.

³⁸ 30 марта 1956 г. в здании МИД ВНР был принят первый секретарь посольства СССР в Будапеште Тимофеев, который обратился к венгерской стороне с просьбой «в интересах повышения координации и с целью обмена опытом» предоставить информацию об отношениях или намерениях установить таковые со странами Ближнего и Среднего Востока и Африки. См.: MOL XIX-J-1-j. SzU Tük 9. d. IV-138/2. Maráz László 58/1956.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Magyar-szovjet kapcsolatok. 1948—1970. Dokumentumok. Kossuth Könyvkiadó, 1973. 76. old.

⁴¹ MOL. XIX-A-83-a. 144. d. Постановление Совета Министров ВНР № 2049/1956 (24.III).

⁴² Ibid. Постановление Совета Министров ВНР № 3240/1956 (31.III).

⁴³ Ibid. M-KS 276. f. 61/703. ö. e.

⁴⁴ См.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

⁴⁵ Советский Союз и венгерский кризис... С. 65; в венг. переводе см.: A «Jelcindösszie». Szovjet dokumentumok 1956-ról // Szerk. Gál É., Hegedűs B. A., Litván Gy., Rainer M. J. Bp., 1993. 23. old.

⁴⁶ Советский Союз и венгерский кризис... С. 66; в венг. переводе см.: А «Jelcindosszíe»... 21. old.

⁴⁷ Советский Союз и венгерский кризис... С. 83—85.

⁴⁸ MOL M-KS. 276. f. 53/310. б. с.

⁴⁹ Телефонограмма М. А. Суслова из Будапешта в ЦК КПСС от 13.VII.1956 г. опубликована в: Советский Союз и венгерский кризис... С. 85—87; в венг. переводе см.: Hiányzó lapok 1956 történetéből... 21—23. old.

⁵⁰ Hegedűs A. Történelem és a hatalom igézetében. Életrajzi címzések. Вр., 1988. 261. old.

⁵¹ Urbán K., Vida I. Az 1956. júniusi kommunista csúcstalálkozó és Magyarország. Az MDP Politikai Bizottsága 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve // Társadalmi Szemle. 1993. 2. sz.

⁵² Записку К. Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 97—99; в венг. переводе см.: А «Jelcindosszíe»... 24—26. old.

⁵³ Запись беседы Ю. В. Андропова с А. Хегедюшем опубликована: Советский Союз и венгерский кризис... С. 118; венг. перевод см.: Hiányzó lapok 1956 történetéből... 33. old.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 190. Д. 35.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Документ впервые опубликован в книге: El nem égetett dokumentumok / Szerk. Koltay G., Bródy P. Вр., 1990. 13—29. old.

⁵⁷ В связи с открытым письмом Г. Петера без ответа остается целый ряд вопросов. Находящийся в нашем распоряжении документ датирован 10 июля, однако о существовании письма (и его содержании) Андропов узнал от Г. А. Ищенко еще 6 июля, и в телеграмме советскому руководству высказался в том духе, что на очередном пленуме ЦР «положение тов. Ракоши окажется весьма затруднительным». См.: Союз и венгерский кризис... С. 137—142.

⁵⁸ Протокольную запись заседания Президиума ЦК КПСС, датированную 9.VII.1956 г., см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 149; венг. перевод см.: Döntés a Kremlben... 19. old.

⁵⁹ MOL MK-S 276. f. 65/213. б. с.

⁶⁰ Записку Ю. В. Андропова в Президиум ЦК КПСС, датированную 29.VIII.1956 г., см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 248; венг. перевод см.: А «Jelcindosszíe»... 31—41. old.

⁶¹ Постановление Президиума ЦК КПСС от 27.IX.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 278.

⁶² Телеграмму Ю. В. Андропова в МИД СССР от 12.IX.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 300—305 (здесь — 302); в венгерском переводе см.: Hiányzó lapok 1956 történetéből... 86. old.

А. Б. Едемский

У истоков пост тоталитарной транзитологии: события весны 1953 года как начало переходного периода в странах «реального социализма»

В первые несколько месяцев после смерти И. В. Сталина советские лидеры, среди которых почти не осталось тех, кто в начале XX в. поставил задачу «перевернуть» Россию в расчете на мировую революцию, получили шанс отказаться от коммунистического проекта, реформировать созданную систему, вернуть страну на путь эволюционного развития. Именно тогда, оценив усилия более чем трех десятков лет, затраченных на достижение провозглашенных в 1917—1918 гг. целей, они могли по-новому поставить задачи перед страной, которая досталась им в наследство.

«Новый взгляд» на первую весну без Сталина

Многие десятилетия противостояния в советском обществе сторонников Н. С. Хрущева и Сталина оказались на трактовке событий второй половины XX столетия и интерпретации позиций и действий политических деятелей (Г. М. Маленкова, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, В. М. Молотова и др.). Наиболее характерным в этом отношении является образ Л. П. Берии. Устойчивое представление о нем (навязанное прежде всего самим Н. С. Хрущевым с июля 1953 г. и поддержанное затем его политическими последователями) как «палача», «насильника», «абсолютном злодее»¹ и, соответственно, Хрущеве как «реформаторе», «освободителе» и «романтике» доминировало несколько десятилетий и продолжает доминировать в наши дни. Данная дилемма стереотипов исключительно устойчива в общественном сознании², ее проявления особенно заметны в кинематографе, литературе, публицистике и СМИ, а также в обыденном сознании.

Отечественная историография не являлась исключением. К тому же период с марта по июль 1953 г. (впрочем, как и весь период до февраля 1956 г.) выпадал из работ профессиональных историков. Отсчет событий велся со времени XX съезда КПСС как начала «десталинизации» советского общества³. Лишь последние пятиадцать-двадцать лет внесли в историографию (сначала в мировую, а затем и в отечественную) новые

ниюансы, а затем и свежие суждения, сделанные на основе знакомства с источниками.

Прежде всего стало очевидным, что негативный взгляд на Берию не был общепринятым для его современников. В подтверждение этого можно привести, к примеру, его оценку работниками югославского посольства в Москве (дипломатами и представителями спецслужб), данную ими летом 1953 г. Они считали, что Берия «в последний период своей деятельности представлял собой удивительный парадокс полулиберального шефа полиции в тоталитарном государстве»⁴. Также неоднозначным подходом к развитию событий в СССР с марта до июля отличалось и экспертизное сообщество Великобритании, представители которого весьма пристально следили за изменениями в Советском Союзе, происходившими после 5 марта 1953 г. В британском архиве *NA/Public Records Office* отложился значительный массив документов, фиксирующих и интерпретирующих все повороты и изгибы политического процесса в Москве. Столь пристальный интерес британских экспертов объясняется не только их высоким профессионализмом, но и настойчивыми усилиями премьер-министра Великобритании У. Черчилля как можно скорее возобновить диалог на самом высоком уровне между СССР и Западом после 5 марта 1953 г.⁵ В кругах антисоветской эмиграции задолго до версии А. Авторханова, получившей распространение лишь в середине 1970-х годов⁶, были известны предположения Б. И. Николаевского о насилиственном устранении советского вождя⁷.

Тем не менее в дальнейшем эти оценки не получили развития в исторических исследованиях как по политическим мотивам, так и по трагическому стечению обстоятельств ни в Югославии, ни в Великобритании. К примеру, в июле 1954 г. югославское руководство избрало курс на последовательную поддержку реформаторских тенденций в Советском Союзе, ассоциировавшихся сначала с Г. М. Маленковым, а затем с Хрущевым. В результате оно с легкостью отметало все, что не укладывалось в рамки этого курса⁸. В Великобритании же продолжительная болезнь британского премьера, завершившаяся его отставкой, привела к тому, что его оценки не были развиты ни советологами, ни историками. В США несмотря на критику советского руководства со стороны последовательно антикоммунистических кругов, политическая целесообразность начавшегося переговорного процесса с Кремлем пробудили и в Вашингтоне, и в университетских кругах интерес к Хрущеву как к реформатору, а прежний интерес к реформатору Маленкову так и не получил должного развития после его смешения в январе 1955 г.

В последние 12–15 лет заданный в 1953–1956 гг. (прежде всего с июля по декабрь 1953 г.) односторонний черно-белый подход к главным актам того периода постепенно меняется. В историографии (и российской, и зарубежной) произошли серьезные сдвиги в сторону взвешенных оценок событий тех лет, в основе которых лежат не политические установки и эмоции, а факты и документы.

Среди политических фигур советского властного Олимпа первых постсталинских месяцев Л. П. Берия являлся наиболее знаковой для этого короткого периода реформаторских инициатив. Сама история аккумуляции в минувшие десятилетия материалов о его действиях в марте – июне 1953 г., может стать отдельной темой для изучения. Начало первого этапа ознаменовала публикация в 1991 г. стенограммы июльского (1953 г.) плenума ЦК КПСС⁹, в которой Берия предстал как реформатор с весьма далеко идущими планами, о наличии которых красочно и в деталях говорили участники пленума. «Победители Берии», сами того не подозревая, выстроили вполне внятную линию его возможных действий. Объективно это подтверждало, что в сознании советского общества подобная платформа в той или иной форме действительно существовала.

Появление этого документа было событием в исторической науке, вполне сопоставимым с состоявшейся несколько раньше публикацией «закрытого» доклада Хрущева XX съезду КПСС, однако в потоке бурных событий 1990–1991 гг. его обнародование было воспринято более как некий политический маневр¹⁰, а не знаменательная веха в исторической науке. Тем не менее данный документ оказал влияние на работы исследователей вне пределов России. В монографической работе о Берии американского эксперта Э. Найт (1993) внимание было обращено на «два аспекта программы Берия», имевшие «особенно далеко идущие последствия для советской системы»: первый — «сокращение власти партийного аппарата, освобождение правительства от вмешательства партии в управление и принятие решений», второй — «предоставление нерусским меньшинствам большей роли в принятии решений и признание, в ограниченной форме, их национальной и культурной идентичности»¹¹. Вслед за этим в изданной в США совместной книге К. Плещакова и В. Зубока (1996) отмечалось, что «инициативы Берии в международных делах сочтались даже с более далеко идущими предложениями изменений внутри страны»¹². Обсуждение различных граней этой темы ведущими мировыми историками (В. Мастны, Я. Фойтчик и др.) продолжается¹³.

Возросшее к середине 1990-х годов внимание к этим проблемам в российской историографии (Б. Старков, О. Хлевнюк, В. Наумов и др.¹⁴) позво-

ляло не только восстанавливать неизвестные факты, давая их трактовку, но и продолжить выдвижение гипотез. Переизданные в 1999 г. материалы июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС¹⁵ и опубликованные вместе с ними другие документы (помимо стенограммы и стенографического отчета в сборнике были помещены материалы, имеющие отношение к Берии, за период с марта по декабрь 1953 г.), попав на академически разработанную почву, оказались востребованы. Профессиональные комментарии составителей сборника, подробный справочный аппарат и авторитетный редакционный совет Международного фонда «Демократия» не позволили связать его выпуск с политически заданным стремлением реабилитации Берии.

Последующая оценка действий Берии выкристаллизовалась более отчетливо. В изданной Р. Пихоя (1998) синтетической истории СССР, подготовленной на основе рассекреченных к этому времени архивных документов, автор писал уже о «реформах Берии»¹⁶. В подробном исследовании периода 1953—1964 гг. Ю. Аксютин (2004) в главе «130 дней Берии» назвал соответствующий раздел «Реформаторские инициативы министра-силовика и настороженный консерватизм аппарата»¹⁷.

Ведущая сила хрупкого триумвиата

По всей вероятности, по большинству действий (как внутри страны, так и за рубежом), у трех ведущих советских руководителей (Маленкова, Берии и Хрущева) сложилось определенное взаимопонимание еще в последние годы правления Сталина, когда все трое были заинтересованы в политическом выживании в тревожный период сталинского единовластия. В этом вынужденном консенсусе, возможно, и лежит разгадка того, почему реформистские импульсы, заданные советской системе весной 1953 г., не угасли и в последующие годы, хотя и были деформированы Хрущевым и спасенным им мощным партийным аппаратом.

Можно высказать ряд предположений в отношении причин ведущей роли Берии в марте — июне 1953 г. Обычно среди основных отличительных черт, помогавших ему в борьбе за власть, принято называть жестокость и накопленный компромат на всех советских лидеров, систематически собирающийся им с первых дней руководства карательными органами. Скорее всего и эти «козырные карты» были в арсенале Берии, тем не менее, не следует упускать из виду, что основой его могущества, позволившего ему быть на голову выше других членов «коллективного руководства» после марта 1953 г., были прежде всего многолетний опыт и значительный объем специальной информации, которой он располагал

во время руководства спецслужбами с 1938 г. и кураторства над ними в ранге члена Политбюро с 1946 г. К примеру, его знание союзников по антигитлеровской коалиции времен Второй мировой войны стало бесценным после возвращения к власти в Великобритании У. Черчилля и избрания президентом США генерала Д. Эйзенхауэра.

Сохраняя верность исторической справедливости, следует помнить, что к моменту кончины Сталина авторитет Берии был непререкаем, а достижения оценивались высоко. Статьи с его биографией были удалены из энциклопедий лишь в начале июля 1953 г. До этого было известно, что помимо руководства карательными органами Берия в 1941—1953 гг. являлся заместителем, первым заместителем председателя СНК (Совмина), в 1941—1945 — заместителем председателя Государственного комитета обороны (ГКО) и председателя Оперативного бюро ГКО, в 1945 г. — председателем Специального комитета при ГКО СНК СССР¹⁸. В 1946 г. он стал полноправным членом Политбюро. Наконец, с 1945 по март 1953 г., за исключением кратких временных периодов (что большей частью было связано с наиболее сложными моментами в создании атомного оружия), являлся влиятельным игроком в окружении Сталина. В годы Великой отечественной войны пост руководителя Оперативного бюро ГКО предполагал не только тяжелейший груз ежедневной ответственности за обеспечение бесперебойной работы советской экономики и военной машины, но и знакомство с мельчайшими деталями всего аппарата управления страной. Предоставленные Берии в послевоенный период полномочия для решения задачи по созданию ядерного оружия и достижению военного паритета с США при сохранении за ним общего кураторства над разведывательным сообществом придавали его образу ореол таинственности и всесильности.

Перефразируя тезис о том, что «ядерное оружие изменило мир», который после Хиросимы стал другим, можно допустить, что ядерное оружие изменило и одного из его создателей, который в ходе работ по «Атомному проекту» должен был многое переоценить. Сложность и ответственность стоящих задач вывели его на совершенно иной, по сравнению с другими советскими партийными и государственными деятелями, уровень понимания проблем современного мира. К тому же сам характер работы над столь опасным оружием требовал особой ответственности, собранности, переоценки многих незыблемых до того постулатов, постоянного контакта с ведущими учеными в самых передовых отраслях отечественной науки, а также знакомства с текущими и перспективными наработками научной мысли Запада.

В сравнении с другими в марте 1953 г. Берия был более динамичным и подготовленным (ибо круг задач, входивших в его компетенцию с конца 1930-х годов, предполагал и более высокий уровень информированности) к государственному управлению на уровне современных мировых критерий. Поэтому можно допустить, что он не только обладал более широким взглядом на мировые процессы, чем его коллеги по руководству КПСС и СССР, но и полагал, что ему по плечу решение соответствующих задач в стране. Успешная деятельность в проектах ВПК и сама их динамика (продолжение работ над водородным зарядом и др.) оставались для него серьезным импульсом к активной деятельности и после 5 марта 1953 г.

Переход к комплексным исследованиям событий 1953—1956 годов после краха «реального социализма»

К системному изучению взаимосвязи внутриполитических и внешнеполитических проблем первых месяцев после смерти Сталина историки приступили в конце 1990-х годов. В определенной степени пионерским стал подход М. Крамера, рассматривавшего события с позиций борьбы за власть наследников Сталина, увязывая внутриполитические и внешнеполитические аспекты¹⁹. Американский историк собрал и ввел в научный оборот множество деталей и событий тех месяцев. Среди многочисленных кадровых перестановок в центральном аппарате МИД СССР²⁰ он обратил внимание на переход с должности главы Международного отдела ЦК КПСС в МИД СССР В. Г. Григоряна²¹. Учитывая близость последнего к Берии²² инновационные действия советской дипломатии до июля 1953 г. были тесно увязаны с реформаторскими веяниями внутри страны.

Из внешнеполитических сюжетов этого периода к настоящему времени наиболее полно обработаны события, связанные с июньским кризисом 1953 г. в бывшей Германской Демократической Республике (ГДР)²³. В регионе Центральной и Восточной Европы — перекрестии внутриполитических и внешнеполитических проблем Кремля — советское руководство также вышливало определенные планы. Введенные в оборот документы подтверждают, что некоторое общее видение положения в регионе сложилось у Берии в конце мая под влиянием антиправительственных выступлений в Чехословакии. Он предлагал (в записке Маленкову от 1 июня 1953 г.) воспринимать их «как сигнал, свидетельствующий о том, что мы не имеем полного представления о действительном состоянии внутриполитического и экономического положения в Чехословацкой Республике». В связи с этим он писал, что «и по другим странам народ-

ной демократии мы недостаточно информированы о действительном политическом и экономическом положении. Советы, даваемые нашим друзьям, являются эпизодическими, бессистемными, в ряде случаев не увязанными с хозяйственно-политическими задачами стран народной демократии и Советского Союза. Более того, надо прямо сказать, что наши советы не всегда были удачными». Автор документа не исключал дальнейшего негативного хода событий: «То, что произошло в Чехословакии, может повториться и в других странах и привести к более крупным нежелательным последствиям (курсив мой. — А. Е.). Во избежание этого с нашей стороны нужна более активная и квалифицированная помощь странам народной демократии в правильной организации руководства государственным строительством и народным хозяйством. Развитие экономики этих стран должно быть более тесно увязано с экономикой Советского Союза, с тем, чтобы ресурсы каждой республики использовались более рационально и эффективно». Предлагалось «иметь [...] единый орган, состоящий из ответственных представителей руководства стран народной демократии и Советского Союза (по три человека от каждой страны)», который «должен собираться не реже раза в два месяца для рассмотрения вопросов, связанных с развитием народного хозяйства и обороной стран народной демократии»²⁴. Кроме исключительно делового тона записки, обращает на себя внимание то, что ее автор не отделял себя ни по степени информированности, ни по ответственности от остальных советских руководителей, оставаясь одним из них. Помимо вышезложенного, данный текст свидетельствует еще и о том, что к началу июня какой-либо концептуальный документ о советских действиях в регионе отсутствовал, хотя и имелось понимание «хозяйственно-политических задач стран народной демократии и Советского Союза».

Последовательное рассмотрение советской реакции на развитие ситуации в отдельных странах в это время позволяет полагать, что руководство СССР постепенно подходило к выводу о неотвратимости масштабных перемен. Серьезные основания это предполагать дает отношение Берии к развитию событий в Венгрии, которая и после его ареста осталась первым полигоном трансформации системы, сложившейся к марта 1953 г.²⁵ На примере Венгрии следует попытаться реконструировать возможные тенденции развития в других странах, включая и Советский Союз. Ход событий 1953 г. в Венгрии весьма подробно рассмотрен в работе Я. Райнера «Новый курс в Венгрии в 1953 г.»²⁶, которая могла бы явиться образцом для страноведческих исследований в других государствах региона. В ней автор подробно цитирует запись встречи в Москве 13

и 16 июня, приводит и свидетельство Имре Надя в сентябре 1956 г. о радикальных планах Берии летом 1953 г.²⁷

К настоящему времени единственным достоверным источником, раскрывающим подход Берии к Венгрии, является запись одного из венгерских участников переговоров в Москве между венгерской и советской делегациями 13 и 16 июня 1953 г., согласно которой Берия несколько раз осуждал Сталина, критиковал Ракоши, призывал пересмотреть политику в отношении кулачества²⁸. Другим доступным к изучению документом является запись встречи советского и венгерского руководств 8 января 1955 г.²⁹

Известно, что содержащийся под арестом Берия в письме бывшим коллегам, а теперь его тюремщикам от 1 июля частично дезавуировал свою позицию по Венгрии, отметив, что «наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность», в частности, признал, что «идиотски выскочил» с предложением кандидатуры Имре Надя. Берия писал, что только после ареста он якобы осознал, что сделать это должен был Маленков³⁰. Но и это свидетельствует о том, что именно Берия был инициатором персональных перестановок, разделения властей и проведения реформ в Венгрии. Правда, его инициатива была скорее всего согласована, по крайней мере, с частью советских руководителей. Довольно длительное сохранение (до весны 1955 г.) у власти в Венгрии И. Надя подтверждает, что данный политический курс был согласован с Маленковым. Если судить по двум сообщениям советского посольства из Будапешта о встречах с И. Надеем (16 июля³¹ и 25 июля³²), Ракоши полагал, что после снятия Берии все, о чем шла речь в Москве, можно не выполнять³³. Но лидер венгерских коммунистов не нашел полной поддержки в советском руководстве и после устранения Берии.

Сопоставление действий на «венгерском направлении» политики Москвы с ее первыми шагами в урегулировании отношений с Югославией также дает любопытные результаты. Документы свидетельствуют об активном обсуждении ситуации «на югославском направлении» и серьезной эволюции советской позиции с апреля по июнь 1953 г. От констатации неудачи расчетов на раскол в югославском руководстве³⁴ и первых попыток нормализации первоочередных вопросов (рабочий план для нового временного поверенного в делах СССР в ФНРЮ Кирсанова от 9 мая³⁵ и назначение в Белград советником от МВД СССР Федосеева³⁶) до договоренности о возвращении отношений на уровень послов и подготовленного Берией 25 июня (так и не отправленного) проекта сообщения

Ранковичу и Тито о готовности Маленкова и Берии к личной встрече с югославским лидером³⁷.

О вероятности тесной связи обоих (и венгерского, и югославского) направлений в планах Берии свидетельствует упоминание им во время переговоров с венгерским руководством в Москве 13 июня фигуры генерала Белкина. Принимая во внимание, что тот был в деталях знаком с ходом подготовки процесса против Л. Райка в 1949 г.³⁸ (после которого отношения между Белградом и советским блоком необратимо ухудшились в результате репрессий против руководства посольства ФНРЮ в СССР³⁹ и принятия 19 ноября 1949 г. совещанием Информбюро резолюции «Югославия в руках убийц и шпионов»⁴⁰), это не было случайным. Жесткая критика Ракоши в Москве в июне 1953 г. со временем (а если бы Берия не был устранен, то весьма быстро) вела и к пересмотру «дела Ласло Райка», за которым был логичен и «новый взгляд» на данную резолюцию Коминформа.

Состояние исследований событий первых месяцев после смерти Сталина свидетельствует о необходимости их продолжения, не ограничиваясь рубежом ареста и расстрела Берии, но поднимая верхнюю временную планку, по крайней мере, до вытеснения с лидирующих позиций Маленкова и И. Надя в начале 1955 г.⁴¹ или даже до начала 1956 г. Представляется необходимым перейти от точечного освещения этого периода к его систематическому изучению, утомительному и не столь эффектному, но последовательному (день за днем) восстановлению фактической истории и описанию того, что происходило в советском лагере между марта 1953 и январем 1956 г. Такое изучение, естественно, должно сопровождаться выявлением всего доступного массива документов и публикацией наиболее интересных из них. В России, на настоящем этапе, потенциал раскрытия архивных источников похоже исчерпан⁴². Избежать застоя в изучении этого периода может помочь работа с партийными, дипломатическими (весьма перспективно изучение телеграмм посольств бывших соцстран) и иными архивами в Варшаве, Праге, Будапеште, Софии, Берлине и Белграде. Таким образом, после создания соответствующего «задела» для последующего расширения источников базы станет возможным решить задачу сохранения (и подготовки) исследовательских кадров, которые смогут в последующем профессионально освоить тот массив документов из российских архивов, который в настоящий момент недоступен для историков.

Но отказываясь от изучения поведения элит и роли народных масс в истории, не следует забывать и о плодотворности исследования данного периода через историю отдельных личностей, не ограничиваясь узким временным отрезком, а захватывая пласти проплого, вскрывая исторические корни и тенденции последующего развития, а также изучая взаимодействие политиков Центральной и Восточной Европы с советскими руководителями. Необходимость этого наиболее ярко подтверждается в Венгрии на примере И. Надя, судьба которого была предрешена после того, как весной 1953 г. он вернулся к руководству страной при участии Маленкова и Берии. После расправы над обоими (Берий в декабре 1953 г. и оттеснения Маленкова в начале 1955 г.) И. Надь был «запограммирован» на устранение из политической жизни либо по «варианту Берии», либо по «варианту Маленкова».

При изучении событий 1950-х годов необходимо также и соблюдение принципа историзма, сохраняя в подходе к их рассмотрению ретроспективную связь с событиями 1930-х. Вряд ли оправданно смотреть на югославских лидеров 1950-х годов глазами Хрущева, «забывшего» (или действительно не знавшего?), что большинство из его югославских партисанов по нормализации советско-югославских контактов в 1955—1956 гг. было тесно связано с Москвой, часто бывало или даже работало в СССР еще в 1930-е годы, и было награждено советскими орденами в 1940-е.

Представляется также необходимым изменить и методологический подход к изучению данного периода. К теориям, рассматривающим события 1953—1956 гг. как «ревизионизм», «правые отклонения», «кризис социализма», «зарождение очагов тревоги», «оттепель» или начало процесса «десталинизации»⁴³ или «сопротивления тоталитаризму» следовало бы добавить и необходимость рассмотрения этих событий как начального этапа того «переходного периода», « зрелые» стадии которого пришли в регионе на вторую половину 1980-х годов и 1990-е годы. Чем ярче было начало «переходного периода» в странах региона после марта 1953 г., тем обдуманнее и безболезненнее совершались трансформации от левототалитарного общества к современному состоянию в последующем.

Примечания

¹ См., к примеру, заголовки разделов и статей в изданном в 1991 г. сборнике, составленном и отредактированном В. Ф. Некрасовым: «Карьера палача», «Сталинский монстр», «Режиссер катынской трагедии», «Наш Гиммлер». (Берия: конец карьеры. М.: Политиздат, 1991).

² Один из ярких примеров последних лет — высказывание (в то время) Президента России В. В. Путина осенью 2006 г. (1 октября 2006 года, Ново-Огарево Заявление на совещании с постоянными членами Совета Безопасности. См.: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/111833.shtml>).

³ Взгляды Хрущева на термины «десталинизация» и «демократизация» были раскрыты им в беседе с югославскими лидерами 26 сентября 1956 г. в Белграде. Согласно югославской версии беседы, инициированной им политику он называл «процессом исправления ошибок Сталина». (Arhiv Jugoslavije (Beograd) J. IX-119/I-73. S. 2. Zabeleška o razgovorima na večeri kod druga Tita i čast Hruščova [26.IX.1956]. Согласно собственному отчету Хрущева в Президиум ЦК КПСС об этой беседе, он считал, что «ходовой» в югославской печати термин «десталинизация», был «подхвачен реакционерами не только на Западе, но и реакционерами в странах народной демократии» (Источник. 2003. № 6. С. 43—53).

⁴ Период с марта до конца июня 1953 г. был назван той фазой в политической эволюции СССР после Сталина, когда «сторонники реформы внутри страны и примирительного отношения к границе были сильнее», а «закоренелые сторонники сталинизма и противники ослабления международной напряженности вынуждено оставляли одну позицию за другой». В документе выражалось сомнение в представлении советским руководством трактовке его устранения, ибо «обвинения... были полны абсурдных и демонических преувеличений, с целью убедить, что человек, которому была доверена внутренняя безопасность России во Второй мировой войне — агент иностранного империализма». Его же устранение было проведено по схеме «классического водоворота» сталинских чисток 1930-х годов. (Državni Arhiv SIP (Beograd) PA. 1953. Fas. 84. D7/418221). Несколько подробнее см.: Едемский А. Б. Эволюция антисоветских оценок руководства Югославии: от критики «сталинской бюрократической деспотии» к «секретному докладу» Н. Хрущева (1950—1956 гг.) // Славяноведение. 2000. № 3. С. 92—93.

⁵ Larres K. Churchill's Cold War. The Politics of Personal Diplomacy. New Haven—London, 2002. P. 194—198; 213—231.

⁶ Автарханов А. Загадка смерти Сталина: Заговор Берии. Франкфурт-на-Майне, 1976.

⁷ Николаевский Б. И. Тайные страницы истории / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1995. С. 7—8.

⁸ Делалось это в том числе и в благодарность за то, что советский лидер в своем выступлении 25 февраля 1956 г., в последний день работы XX съезда КПСС, осудил действия И. Сталина в советско-югославском конфликте 1948—1949 гг., высоко оценив сопротивление Тито (См.: О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС то. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1959. № 3. С. 154).

⁹ Дело Берия. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, 2.

¹⁰ Даже наиболее мыслящая часть руководящей верхушки КПСС того времени восприняла эту публикацию, прежде всего, как критический отклик на Архыз-

ские договоренности между Г. Колем и М. Горбачевым. «Не все у нас представляют себе тревожения, возбужденные публикацией в "Известиях ЦК КПСС", — вспоминал через несколько лет В. Фалин. Мы с В. А. Ивашко тщательно проверяли, как появилась публикация, и не раньше, не позже, именно в тот момент». (См.: *Фалин В. М.* Без скидки на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999. С. 452).

¹¹ *Knight A.* Beria: Stalin's first lieutenant. Princeton, 1993. P. 227.

¹² *Zubok V., Pleashakov C.* Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge—London, 1996. P. 156.

¹³ *Masntry V.* Promarněné priležitosti po Stalinove smrti? // Soudobé dejiny. 1997. № 1. S. 64—74; *Foitzik J.*, *Berijas Tod*. Von der Illusion des Wandels zum Wandel der Illusion // Das Jahr 1953. Ereignisse und Auswirkungen. Berlin, 2004. SS. 113—127.

¹⁴ *Старков Б. А.* Сто дней «лубянского маршала» // Источник, 1993. № 4. С. 82—90; *Хлевнюк О. В.* Берия: Пределы исторической «реабилитации» // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 103—111; *Зубкова Е. Ю.* Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история № 4. 1995. С. 103—115; *Зезина М. Р.* Шоковая терапия: от 1953-го к 1956-му году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 121—135; *Жуков Ю. Н.* Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года // Вопросы истории. 1996. № 5—6. С. 39—57; «Новый курс» Л. П. Берии 1953 г. / Публ. подг. А. И. Кокурин, А. И. Пожаров // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132—164; *Наумов В. П.* Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 17—39.

¹⁵ *Лаврентий Берия.* 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковleva; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999.

¹⁶ *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти. 1945—1991 гг. М., 1998. С. 102—124.

¹⁷ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения 1953—1964 гг. М., 2004. С. 33—40.

¹⁸ *Лаврентий Берия.* 1953... С. 430.

¹⁹ *Kramer M.* The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy making // Journal of Cold War Studies. 1999 (Winter). Vol. 1 № 1. P. 3—55; 1999 (Spring). № 2. P. 4—38; 1999 (Fall). № 3. P. 3—66.

²⁰ Подробнее о перестановках в МИД и работе советской дипломатической службы см. *Rey M.-P.* Diplomatie et diplomates soviétiques à l'heure du dégel, 1953—1964 // Cahiers du monde russe. 2003 (avril-septembre). 44/2-3. P. 309—322.

²¹ С 16 апреля 1953 г этим отделом стал руководить М. Суслов. (См.: *Жуков Ю. Борьба за власть...* С. 55.)

²² *Гибианский Л. Я.* Вызов в Москву // Политические исследования. 1991. № 1. С. 204.

²³ Подробный обзор событий и литературы (в том числе немецкоязычной) см.: *Хавкин Б. Л.* Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 159—174. См. также: Uprising in East Germany 1953. The Cold War,

the German Question, and the First Major Upheaval Behind the Iron Curtain / Ed. by Ch. F. Ostermann. Вр., 2001. Помимо большого количества документов из разных стран, открытых исследователями в рамках проекта по изучению холодной войны, составитель этого сборника К. Остерман написал и вводные статьи ко всем трем его частям.

²⁴ Там же, С. 919. Можно сопоставить эти предложения с выступлением Д. Шепилова на заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября 1956 г.: «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со [странами] и [ародной] д[емократии]. Антисоветские настроения широки. Глубинные причины вскрыть. Основы остаются незыблыми. УстраниТЬ элементы комайдования, не дать сыграть на д[анной] ситуации, ряд мер продумать в наших отношениях. Декларация — первый шаг... мы стоим на принципах невмешательства. С согласия правительства Венгрии мы готовы вывести [войска]. Придется долго вести борьбу с национал-коммунизмом». (Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2004. С. 189).

²⁵ 13 июня 1953 г. на советско-венгерских переговорах в Москве политика Ракоши и венгерского руководства была подвергнута резкой критике. Наиболее остро выступал Берия. Венгерская сторона согласилась с «рекомендациями» Москвы о снижении заданий по текущему пятилетнему плану, пересмотр структуры капиталовложений в пользу группы «Б», уточнения в связи с эти планов на 1953 и 1954 гг. Соответствующие документы венгерская сторона обязалась представить в Президиум ЦК КПСС к 15 июля 1953 г. (См: Советский фактор в Восточной Европе 1944—1953 гг. Т. 2. 1949—1953. Документы. М., 2002. С. 792).

²⁶ Rainer J. The New Course in Hungary in 1953 // Cold War International History Project. Working Paper. 2002. P. 38.

²⁷ Ibid. P. 9.

²⁸ Transcript of the Conversation Between the Soviet Leadership and a Hungarian United Worker's Party Delegation in Moscow on 13 June 1953 // Cold War International History Project. Bulletin. 1998. Issue 10. P. 81—86. Более полный вариант документа был опубликован в книге: The 1956 Hungarian Revolution: a History in Documents / Ed. by Békés Cs., M. Byrne, Rainer M. J. Вр., 2002. P. 14—23: Doc. No. 1 Notes of a Meeting between the CPSU CC Presidium and a HWP Political Committee Delegation in Moscow, June 13 and 16, 1953.

²⁹ Ibid. P. 60—65. Doc. No.5 Notes on Discussion between the CPSU CC Presidium and HWP Leadership Delegation in Moscow on January 8, 1955. В частности, Молотов, обвинил И. Надя в том, что он с энтузиазмом принял выполнить слова Берии о необходимости распустить сельхозкооперативы в Венгрии (Там же, С. 61).

³⁰ Лаврецкий Берия. 1953... С. 73. Док. 6. Письмо Л. П. Берии в ЦК КПСС. 1 июля 1953 г.

³¹ Советский фактор... Т. 2. 1949—1953. Документы. М., 2002. С. 786—792. Док. 301. 16 июля 1953 г. в беседе с советским дипломатом Е. Киселевым И. Надя заявил, что «не может отделаться от ощущения, что после ареста Берия Ракоши его, Надя, попытку отстаивать необходимость выполнения программы рассматривает чуть ли не как попытку реставрации капитализма» (Советский фактор... Т. 2. С. 788—789).

³² 25 июля Надь вновь сообщил Киселеву, что Ракоши связывал реформы в стране с Берия, «и что будь Берия разоблачен раньше, в Венгрии было бы все в порядке» (Восточная Европа... Т. II. С. 937).

³³ Факт поездки Маленкова для участия в тайных переговорах Хрущева с югославским руководством на острове Бриони в начале ноября 1956 г. свидетельствовал о том, что в кризисные моменты и Хрущев признавал необходимость участия Маленкова в обсуждении вопросов, связанных с И. Надем и И. Броз Тито.

³⁴ Волков В. К. Советский Союз и страны «социалистического лагеря»: десталинизация «международных отношений нового типа» (1955—1957 гг.) // Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 154.

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 617. Л. 1—4. «О некоторых мероприятиях в отношении Югославии».

³⁶ АВП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 903. Л. 119. Распоряжением Совета Министров СССР за подписью Председателя Совета Министров от 6.VI.1953 № 7721-рс было принято «Предложение МВД СССР (Берия) о назначении т. Федосеева С. М. советником Посольства СССР в Югославии».

³⁷ Лавреントий Берия. 1953. Стенограмма... С. 222—223.

³⁸ О ходе подготовки процесса см.: Желицки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 166—186.

³⁹ АВП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 19. Записка Громыко А. А. 16 октября 1949 г.; Там же. Л. 24—25. Громыко А. — товарищу Сталину И. В. 22 октября 1949 г.

⁴⁰ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 701—704.

⁴¹ Ю. В. Аксютин, автор одной из наиболее полных работы об эпохе Хрущева, поделивший ее на три цикла, считает первый из них «самым насыщенным событиями» (Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель»... С. 6).

⁴² В 1992 г. исследователи (в основном зарубежные) на короткое время (в рамках подготовки к международной конференции по истории холодной войны, проведенной в Москве в январе 1993 г.) получили ограниченный доступ к материалам Отдела ЦК по связям с иностранными компартиями. Вторым апогеем «открытости» стало появление в 1999 г. в серии «Справочники РГАНИ» аннотированного справочника «Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. 1953—1957». После издания сборника документов «Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы» (М., 1991), в котором были обильно использованы документы этого фонда, исследователи вновь получили возможность работать с этими материалами в конце 2006 г.

⁴³ Богданова Р. Балгарският вариант на десталинизиране (1953—1956) // Исторически преглед. 1997. № 4. С. 21—57. В 1991 г. Г. А. Арбатов опубликовал книгу «Затянувшееся выздоровление 1953—1985. Свидетельство современника» (М., Межд. отношения, 1991).

А. С. Стыкалин

Советско-венгерские отношения 1954—1964 годов в записях заседаний Президиума ЦК КПСС*

Опубликованный в 2003 г. том, включивший в себя материалы заседаний Президиума ЦК КПСС за 1954—1964 гг., открыл запланированную трехтомную публикацию документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), отражающих ход повседневной работы высшего органа партийно-государственной власти СССР в первое десятилетие после смерти Сталина¹. Заметно расширив источниковую базу исследований отечественной истории 1950—1960-х годов, он стал, по мнению рецензентов, событием в историографии советского периода². Основу книги составили краткие, иногда совсем обрывочные, рабочие записи заседаний Президиума ЦК, по сути дела выжимки из содержания происходивших обсуждений. Их выполнял регулярно присутствовавший на этих заседаниях функционер, особо приближенный к первому секретарю ЦК КПСС — заведующий Общим отделом ЦК В. Н. Малин, который, насколько можно предполагать при отсутствии документальных подтверждений, был уполномочен вести такие записи партийным руководством, а скорее всего лично Н. С. Хрущевым (с согласия других членов Президиума ЦК). В ряде случаев записи вместо Малина вели сотрудники его отдела В. Н. Чернуха или А. К. Серов³. Двадцать процентов корпуса внушительного по объему тома приходится на полные стенограммы тех заседаний Президиума, на которых вызывались стенографистки.

Подобная процедура — ведение записей, а тем более полное стенографирование заседаний партийного руководства — означала кардинальное расхождение с традицией, сложившейся при Сталине, когда люди, стоявшие во главе СССР, а в первую очередь сам «отец народов» были слишком озабочены соображениями секретности многих принимаемых решений⁴. После смерти Сталина обозначились некоторые перемены в работе

* Статья подготовлена в рамках проекта «Программа фундаментальных исследований Президиума РАН»: 4.7. «Этнические общности и мигранты. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Президиума, Секретариата и аппарата ЦК, происходившис под знаком утверждения так называемого «коллективного руководства». Для того, чтобы стареющим соратникам Сталина было легче ориентироваться в огромной массе подлежащих разрешению вопросов и возвращаться к повторному рассмотрению не решенных окончательно проблем, видимо, и возникла идея коротко фиксировать на бумаге основное содержание наиболее важных дискуссий, происходивших на Президиуме ЦК, и прежде всего суть конкретных предложений: не будучи запечатленными в протоколы, они теряли свой вес⁵. Однако полные стенограммы выступлений в эти годы не велись. В 1953—1957 гг. на заседаниях «коллективного руководства» не прекращалась подчас довольно острая борьба за лидерство. Очевидно, что члены Президиума ЦК, опасавшиеся, что отдельные их высказывания могут быть со временем использованы против них, не были заинтересованы в ведении полных стенограмм, а иногда, в моменты обострения борьбы, даже и более коротких записей, подобных тем, что делал Малин. Показательно, в частности, отсутствие записей за 18—21 июня 1957 г., дни, когда оппоненты дали бой Хрущеву, — обо всем происходившем в то время на заседаниях Президиума можно судить прежде всего по выступлениям на июньском пленуме. Незафиксированность дискуссии сыграла, впрочем, благоприятную роль для Хрущева, дав ему основания говорить на пленуме о нелегитимности тех заседаний. С другой стороны, Малин чрезвычайно подробно записал ход заседания 13 октября 1964 г., где был решен вопрос об отставке Хрущева. Чью волю он тогда выполнял, зная, по всей вероятности, о безнадежном положении своего патрона? Вопрос этот остается открытым.

Практика вызова стенографистки на отдельные заседания Президиума ЦК стала складываться только в середине 1958 г., по инициативе Н. С. Хрущева, в условиях, когда тот овладел всей полнотой власти в стране, не только разгромив так называемую «антипартийную группу» Маленкова—Кагановича—Молотова, но удалив в октябре 1957 г. из Президиума ЦК маршала Г. К. Жукова и совместив в конце марта 1958 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР. Стенографировались, в первую очередь, те заседания, где Хрущев выступал с заявлениями программного характера (со временем, по мере роста его реформаторских амбиций, таких становилось все больше), и в некоторых случаях те, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы, требовавшие своего безотлагательного решения (например, связанные с ближневосточным кризисом 1958 г.) — здесь, впрочем, так и не сложилось какое-то правило.

Большая источниковая ценность опубликованных материалов Президиума ЦК КПСС едва ли может быть подвергнута сомнению. В первую очередь, в силу весьма высокой достоверности рассматриваемого источника при всей обрывочности малинских записок. Эти записи не предназначались для печати, а потому, как представляется, должны быть свободны от нарочитых искажений, неизбежных при подгонке тех или иных текстов под существующий пропагандистский ранжир. Записи Малина воспроизводят конкретные обстоятельства и раскрывают механизм принятия на высоком уровне решений — не только ключевых, но и далеко не самых существенных (бюрократическая централизация, начавшая складываться еще на заре советской власти и достигшая своего апогея при Сталине, заставляла выносить на самый верх даже весьма второстепенные вопросы). В них зафиксирован, хотя и с разной степенью подробности, ход обсуждения самого широкого круга вопросов, привлекавших внимание партийно-государственного руководства — экономических, внутриполитических и внешнеполитических, от реформ системы управления экономикой и экспериментов с сельским хозяйством до отношений с Китаем и положения на Ближнем Востоке.

Можно составить представление о позициях отдельных членов Президиума и их проявлении в ходе дискуссий. Имели ли вообще место реальные дискуссии или же решения принимались по большей части автоматически, в порядке одобрения точки зрения первого секретаря ЦК? Превратился ли Президиум ЦК из совещательного органа при Сталине в полновластную структуру? Как изменялся характер обсуждения по мере укрепления положения Хрущева? В какой мере можно говорить о противоборстве либеральной и консервативной тенденций в руководстве? Как существовали в сознании советских лидеров и проявлялись при выработке решений идеологические стереотипы, идущие от коминтерновской, большевистской традиции, и сугубо державный подход? Можно ли говорить о том, что наряду с интересами борьбы за власть для кого-то в партийном руководстве не утратила своего значения и забота о благополучии народа?

Попытки ответить на все эти вопросы предпринимались и ранее, но главным образом на основе мемуаров и немногочисленных выборочных документальных публикаций из бывших партийных архивов — сюда относятся и записи заседаний Президиума ЦК за короткие отрезки времени (октябрь—ноябрь 1956 г., когда обсуждалось положение в Польше, Венгрии и вокруг Суэцкого канала; октябрь 1964 г., когда решался вопрос о снятии Хрущева). Ознакомление с рабочими записями заседаний Пре-

зициума ЦК КПСС за 10-летний период позволяет гораздо больше узнать о характере и стиле работы высшего органа партии, опираясь на более объективный, чем мемуары, источник. Источник тем более существенный, что вопросы действовавшему законодательству Политбюро (Президиуму) ЦК правящей партии на протяжении всего советского периода было реальным органом власти в стране. Этот орган предстает в записях Малина уже не как некая обезличенная инстанция, принимавшая ответственные решения от имени партии — в документах находят отражение разноголосицы мнений⁶, борьба за доминирование и изменение сопутствующие ей интриги, прослеживаются возникновение временных тактических союзов, складывавшихся с целью закрепления властных позиций.

Победителем в послегодской борьбе за лидерство вышел Хрущев, и с середины 1957 г. на принятии решений уже не сказывалось, как прежде, существование открытой оппозиции первому секретарю. Постсталинское «коллективное руководство», в начале 1955 г. вменившее в вину премьеру Г. М. Маленкову именно нарушение коллегиальности, сменилось режимом единоличия. Ожесточенные споры, в частности, между Н. С. Хрущевым и В. М. Молотовым, уходят в прошлое. Не встречая теперь, как правило, отпора, Хрущев после устранения сдерживавшей его оппозиции вследствие все самоуверенее, все более навязывая соратникам свою волю, а сами заседания высшего органа партии, как особенно хорошо видно из стенограмм, приобретают зачастую характер монологов, только изредка нарушающиеся одобрительными возгласами других членов Президиума. И не меняли в общем сути дела ни осторожные попытки А. И. Микояна скорректировать крайности в суждениях и предложениях Хрущева (например, о способах разрешения Берлинского кризиса), ни редкие срывы некоторых других членов Президиума (в частности Д. С. Полянского), реагировавших на грубые выпады Хрущева и возражавших в тех случаях, когда налицо была воинствующая некомпетентность в вопросах экономики.

Все всякого сомнения Н. С. Хрущев — главный герой этой книги. Записи заседаний Президиума дают представление о стиле его работы как партийного руководителя, а его многословные выступления на этих заседаниях хорошо раскрывают его менталитет, систему аргументации, зависимость от идеологических стереотипов. Из материалов обсуждений отчетливо видно, как по мере столкновения со всеми новыми острыми экономическими, внутриполитическими и внешнеполитическими проблемами Хрущев, мало считаясь с мнением других, ударялся в крайности при попытках их разрешения. Иногда это приводило к опасным авантю-

рам во внешней политике — достаточно напомнить о Карибском кризисе 1962 г. С другой стороны, Хрущева трудно обвинить в отсутствии субъективного стремления сделать что-то хорошее для страны и ее народа (его эмоциональные монологи на Президиуме только подтверждают это). В отличие от Берии, да и многих других высокопоставленных партийцев, он искренне верил в возможность построения коммунизма и сохранял на склоне лет приверженность юношеским революционно-романтическим идеалам 1920-х годов, что делает, кстати, более понятным его увлечение идеей солидарности с Кубой, активную поддержку антиколониальных движений народов Азии и Африки. (Это не всегда находило понимание коллег и особенно раздражало Молотова, в июне 1957 г. при попытке смещения Хрущева заговорившего о «троцкистских» замашках своего оппонента — речь шла об увлечении идеей мировой революции). Важно, однако, отметить: при всей склонности Хрущева к утопическим проектам, за ними не всегда терялась способность к здравому смыслу и достаточно редкая для коммунистического функционера, даже самого высокопоставленного, откровенность в признании пороков существующей системы («я был рабочим, социализма не было, а картошка была. Сейчас социализм построили, а картошки нет»).

Записи Малина оказываются исзаменимым источником при реконструкции конкретных обстоятельств подготовки знаменитого секретного доклада Хрущева, прозвучавшего на закрытом заседании в последний день работы XX съезда КПСС, 25 февраля 1956 г. Вопреки версии, изложенной в мемуарах Хрущева, записи позволяют сделать вывод об отсутствии какой-либо серьезной оппозиции в вопросе о критике на съезде «культы личности» Сталина. Некоторые разногласия, не столь уж существенные, как это потом пытались представить задним числом начиная с июньского пленума ЦК 1957 г., касались главным образом формы обнародования подготовленного материала.

Записи заседаний дают определенное представление о существовавших приоритетах в рассмотрении вопросов, стоявших на повестке дня. Если говорить о международном аспекте деятельности Президиума, то решающее значение отводилось, что вполне естественно, отношениям с США (особый интерес вызывают в связи с этим записи обсуждений, проходивших в дни Карибского кризиса, частично использованные в книге А. А. Фурсенко и Т. Нафтали⁷). Преобладали по частоте рассмотрения проблемы разоружения, германский вопрос, ситуация на Ближнем Востоке (особенно в период Сuezского кризиса 1956 г., а также и июльского кризиса 1958 г., связанного с оккупацией войсками США и Великобрита-

нии Ливана и Иордании). В 1955 г. ввиду наметившейся поездки Хрущева в Белград для примирения с Тито на первый план выходит проблема улучшения отношений с Югославией, сопряженная с задачей восстановления единства в социалистическом лагере. Сложные зигзаги советско-югославских отношений в последующие годы продолжали находить отражение в записях заседаний Президиума ЦК. С конца 1950-х годов, когда руководство КНР попыталось бросить вызов советской гегемонии в мировом коммунистическом движении, все более приоритетное значение приобретает «китайский вопрос».

Проблемам отношений с восточноевропейскими союзниками уделялось неослабное внимание, но особую остроту они приобрели осенью 1956 г., в период польского и венгерского кризисов. Записи заседаний, происходивших в это время, были впервые опубликованы еще в 1996—1998 гг. как в России, так и в Венгрии⁸, именно с их расшифровки, собственно говоря, и началась работа по подготовке публикации всего корпуса документов, отражающих работу Президиума ЦК в хрущевский период. На основе записей Малина в ряде работ был изучен вопрос о принятии советским руководством в октябре—ноябре 1956 г. ключевых решений по венгерскому вопросу⁹. Вместе с тем с выходом первого тома капитальной публикации «Президиум ЦК КПСС. 1954—1964» удалось ввести в научный оборот ряд новых материалов, дополняющих немаловажными деталями наше знание о советско-венгерских отношениях, в частности, в 1957—1958 гг., на первых этапах консолидации кадаровского режима.

В феврале—марте 1957 г., в канун приезда в СССР партийно-правительственной делегации ВНР во главе с Я. Кадаром, на нескольких заседаниях Президиума обсуждались вопросы экономической помощи Венгрии. При этом были высказаны сомнения относительно удовлетворения в полном объеме просьбы венгров о поставке угля, а также о списании задолженности. Такая позиция мотивировалась как неудовлетворенностью положением дел в венгерской экономике («какое состояние экономики в Венгрии, куда пойдут наши деньги?» — поставил вопрос Л. М. Каганович 28 февраля), равно как и нежеланием брать на себя ответственность за события октября 1956 г. («делаем как-то, будто мы виноваты. Политически не увязываем», — говорил В. М. Молотов). Г. К. Жуков относительно всяких списаний Венгрии также предложил «не брать все на себя», и это мнение получило поддержку других членов Президиума. Вместе с тем члены советского партийного руководства поняли, что в сложившихся условиях стоит, по крайней мере, на ближайшие годы воздержаться от

новых капиталовложений в венгерскую тяжелую промышленность («стоит ли ориентировать на новое строительство?» — задавался вопросом Жуков). Исследователям известно, что по итогам мартовских переговоров в обмен на готовность Кадара согласиться на беспрецедентное присутствие советских войск были достигнуты благоприятные условия предоставления Венгрии экономической помощи, что стало фактором, способствовавшим консолидации кадаровского режима.

Дело Имре Надя обсуждалось на Президиуме ЦК КПСС несколько раз. Запись от 4 марта 1957 г. свидетельствует о советской тактике внесения раскола в группу сторонников свергнутого премьер-министра¹⁰. Как отмечалось в записи Малина, предложено было «подсказать мысль т. Кадару относительно Копачи и Малестера: использовать их как изобличителей. Пока не торопиться с судом над Копачи и Малестером». В феврале 1958 г. было признано целесообразным порекомендовать Кадару отложить проведение суда над И. Надем, чтобы не испортить тем самым впечатление на Западе от выдвинутых в это время советских мирных инициатив. Сделанная 5 февраля краткая запись «проявить твердость и великолепие» свидетельствует о том, что в Москве тогда считали возможным пойти также по пути смягчения приговоров, однако, это не устраивало Кадара — для него проблема И. Надя была неразрывно связана с задачей легитимации собственного режима. Он предпочел перенести процесс, но не переписывать уже разработанный сценарий, в соответствии с которым И. Надя предполагалось казнить, что и было сделано в июне 1958 г.

В документах находит отражение также обсуждение на заседаниях Президиума ЦК 27 марта и 4 апреля 1957 г. проблемы М. Ракоши — бывшего венгерского партийного лидера, ушедший в отставку еще в июле 1956 г. и выехавший в СССР, надеялся вернуться к власти при поддержке Москвы, опираясь на своих не столь уж малочисленных сторонников в партаппарате. В центре внимания обсуждений были письма Ракоши в ЦК КПСС, а также поступившая в Президиум ЦК КПСС от Кадара просьба о политической изоляции бывшего генерального секретаря, пытавшегося, находясь в Москве, сколотить антикадаровскую оппозицию. Записи заседаний отражают эволюцию в отношении к Ракоши, которая с ноября 1956 по март 1957 г. произошла в сознании даже таких постоянных покровителей прежнего венгерского лидера, как В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов. Молотов, хотя и не согласился с тем, что Ракоши — «политический труп», вместе с тем счел, как и другие, нецелесообразным егоозвращение в Венгрию.

Л. М. Каганович дал объяснение мотивов невмешательства в дела Венгрии, т. с. согласия с тем, что Ракоши не должен возвратиться в Венгрию: «не вмешиваться, а то ухудшим отношение, они будут ориентироваться тогда на Югославию». Решение о политической изоляции Ракоши и его высылке из Москвы в Краснодар было принято в окончательной редакции 18 апреля. В постановлении говорилось, что Ракоши не осознал существа своих «ошибок» и огромного вреда, причиненного ими делу строительства социализма в Венгрии, встал в оппозицию к новым руководителям венгерской партии и государства, продолжая все еще претендовать на роль руководителя, которую он безвозвратно утратил. В следующий раз вопрос о Ракоши обсуждался на Президиуме ЦК 20 августа 1962 г., когда в ответ на просьбу венгерской стороны было принято решение о его высылке в Среднюю Азию.

5 сентября 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждался проект директив для советской делегации, отбывавшей в Нью-Йорк на открывавшуюся XII сессию Генассамблеи ООН. Как следует из предельно краткой записи, была избрана наступательная тактика ("по венгерскому вопросу — не оборона"). За месяц до этого, 3 августа, Президиумом ЦК было принято решение распространить среди делегаций в ООН отчет шотландских горняков, посетивших Венгрию в конце апреля — начале мая 1957 г. В этом документе события осени 1956 г. однозначно квалифицировались как контрреволюция, поддержанная западными странами.

После 1958 г. внутриполитическая обстановка в Венгрии не вызывала больших беспокойств и вопросы отношений с этой страной обсуждались не часто, причем речь шла главным образом об экономических отношениях. Так, в записях за 1960 г. зафиксирован лишь один вопрос — о предоставлении Венгрии льготного кредита в 100 млн. рублей с рассрочкой погашения (запись от 30 декабря). Краткая фиксация вопроса, обсуждавшегося 21 октября 1963 г. («о закупке пшеницы для венгров»), нуждается в дальнейшем изучении. 1963 год был очень неурожайным на значительной части Европейской территории СССР и для того, чтобы уберечь население от голода, впервые за всю историю России власти были вынуждены закупать зерно за границей (в последующие годы закупки продолжились и приняли систематический характер). 10 сентября на заседании Президиума ЦК было утверждено письмо Г. Георгиу-Дежу с выражением благодарности Румынии за предоставление Советскому Союзу 400 тыс. тонн пшеницы с последующей выплатой займа. Отношения с Румынией перед этим осложнились из-за нежелания румын принять продиктованные Москвой планы далеко идущей экономической интеграции стран—

членов СЭВ, в мае на сессии Совета в Варшаве произошел открытый конфликт двух сторон. Готовность Румынии предоставить хлеб СССР явила в этих условиях жестом, направленным на нормализацию отношений двух стран. Не ясно, однако, что стояло за записью о закупке пшеницы для Венгрии, не испытывавшей в 1963 г. таких же продовольственных проблем, как СССР.

10 ноября 1963 г. на заседании Президиума ЦК обсуждались вопросы, связанные с пребыванием советской армии в восточноевропейских странах. Хрущев, не приводя, впрочем, конкретных цифр, выражал удовлетворение тем, что в Венгрии пребывание советских войск обходится дешевле, чем в Польше и особенно в ГДР, «где за все мы платим, а это страшно дорого». Венгрии, очевидно, на основе достигнутого в 1957 г. соглашения удалось навязать более щадящие для СССР, чем в других странах, условия пребывания советских войск.

«Очень болезненный» для Венгрии и Румынии (по признанию самого Хрущева) трансильванский вопрос затрагивался 19 августа 1964 г., незадолго до отставки Хрущева. Столкнувшись с территориальными претензиями Китая к СССР, выраженными в беседе Мао с японскими социалистами, Президиум ЦК КПСС вышел на обсуждение более общей проблемы — о спорных территориальных вопросах, осложняющих отношения в социалистическом лагере. Для того, чтобы продемонстрировать Китаю и другим готовность СССР учесть демократическое волеизъявление народов при решении территориальных споров, Хрущев предложил провести референдум среди закарпатских венгров: «Давайте скажем: (у нас) есть 120 тысяч венгров, согласны путем опроса решить этот вопрос, как они хотят. Надо посмотреть. Нам было бы очень хорошо их отдать. Никакой проблемы, а политический выигрыш колossalный». Как узнаем из дальнейших слов Хрущева (с. 851), вопрос этот уже поднимался в ходе его бесед с Кадаром в неформальной обстановке. При этом советский лидер излагал свою «версию» ранней венгерской истории, вероятно, почерпнутую им из бесед с интеллигенцией в годы работы на Украине. Венгры, говорил он, «вторглись в пределы украинских земель и отеснили украинцев, заселили лучшие земли, а украинцев переселили в горы. Я Кадару говорил: «вы отбили у предков землю». В качестве подтверждения своей правоты Хрущев ссылался на гобелен, который видел в здании венгерского парламента: князь Арпад (Хрущев не помнил точно его имени, сказал «Арбат», будто в честь Арпада была названа одна из главных московских улиц) пришел со своим войском и просит у славян воды, земли и травы.

В отличие от Хрущева, все более утрачивавшего почву под ногами, реалистически мыслящий Кадар (отношения которого с Хрущевым были, впрочем, менее формальными, чем это принято в кругу партийных лидеров) не склонен был всерьез воспринимать фантастические проекты своего московского покровителя и предпочел все обратить в шутку: «мы пришли из-за Урала, дайте нам место за Уралом».

Историкам хорошо известно о настороженной реакции Кадара на неожиданную отставку Хрущева. После того как венгерский лидер, приехав из Варшавы 19 октября, публично выразил прямо на вокзале свое недоумение по поводу вести, пришедшей из Москвы, Президиум ЦК КПСС командировал в Будапешт опытнейшего М. А. Суслова. 22 октября, на следующем заседании Президиума, Малин кратко зафиксировал сообщение советского эмиссара: «Сурово [критиковали Хрущева], не сказали о заслугах. Неожиданно. [Спросили] не вносим ли мы изменения в политику и в вопросе о культе личности [Сталина]. Просили: начнется проработка Хрущева, не проводить ее, не говорить в печати — вот был культ Сталина, вот культ Хрущева».

Как это особенно четко видно на примере записи от 5 февраля 1958 г. о проявлении «твёрдости и великодушия», Малин настолько коротко фиксировал ход обсуждения (пропуская целые выступления и даже отдельные повороты дискуссий), что исследователям подчас приходится теряться в догадках и строить гипотезы. По справедливому замечанию одного из рецензентов, «выборочность записей Малина была скорее правилом, чем исключением»¹¹. Вопрос о том, в какой мере это диктовалось установками, заданными первым секретарем ЦК КПСС заведующему Обшим отделом, нуждается в дальнейшем исследовании. При всей неполноте отражения происходившего в ходе обсуждений, опубликованные рабочие записи заседаний Президиума ЦК займут важное место среди источников для изучения советской истории новейшего времени.

Примечания

¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Под ред. А. А. Фурсенко. М., 2003 (2-е изд., испр. и доп. — М., 2004). 1344 с. Второй (вышедший из печати в 2006 г.) и третий (вышедший в 2008 г.) тома включают в себя постановления Президиума ЦК, прилагаемые к ним тексты утверждавшихся документов (в том числе писем, адресованных лидерам иностранных государств), а также материалы, готовившиеся для членов Президиума ЦК и фигурировавшие в процессе обсуждения тех или иных вопросов, ложившиеся на стол членов Президиума — справки, записки и т. д.

² См.: Таубман У. Об издании протокольных записей заседаний Президиума ЦК КПСС 1954—1964 годов // Новая и новейшая история. 2004. № 6. См. также рецензии А. А. Данилова и А. В. Пыжикова (Вопросы истории. 2004. № 4), О. В. Хлевнюка (Отечественная история. 2004. № 6), А. М. Филитова (Вестник РАН. 2004. № 7).

³ В. Н. Малин (1906—1982) был одним из многочисленных выдвиженцев эпохи «большого террора» конца 1930-х годов. В 1939—1947 гг. он работал одним из секретарей ЦК КП Белоруссии, позже, вследствие так называемого «ленинградского дела», завершившегося уничтожением руководства парторганизации города и области, Малин был в 1949 г. переведен в Ленинград, где до 1952 г. был секретарем горкома ВКП(б). Хрущев, очевидно, хорошо знал Малина со времен войны по совместной работе в Центральном штабе партизанского движения и относил его к числу людей своей команды, добившись в 1954 г. его назначения на пост заведующего Общим отделом, который тот занимал в течение 10 лет. После отставки Хрущева Малин стал в 1965 г. ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС.

⁴ Как обращал внимание О. В. Хлевнюк, формально, в соответствии с регламентом работы Политбюро, утвержденным в июне 1923 г., должны были стенографироваться основные доклады по вопросам, рассматриваемым ПБ, содоклады комиссий и заключительные слова докладчиков. Прения могли стенографировать по решению Политбюро. На практике этот порядок уже в середине 1920-х годов не всегда соблюдался. В мае 1927 г., в условиях обострения внутрипартийной борьбы в руководстве ВКП(б), было принято постановление Политбюро ЦК «О пользовании секретными материалами», согласно которому наиболее секретные вопросы должны были обсуждаться на закрытых заседаниях с ведением протокола самим председательствующим. Количество стенограмм заседаний Политбюро за 1920—1930-е годы крайне невелико, а за 1940-е — начало 1950-х годов они вообще отсутствуют (См. рецензию О. В. Хлевнюка: Отечественная история. 2004. № 6. С. 179—181). В последние годы были опубликованы повестки дня Политбюро ЦК за 1919—1952 гг., однако из них нельзя составить представление о характере обсуждения рассматривавшихся вопросов, позиции отдельных членов партийного руководства. Важным шагом на пути к формированию объективной источниковой базы для изучения послесталинского периода стало введение в научный оборот материалов ряда пленумов ЦК и в том числе июньского пленума 1957 г., на котором была предпринята попытка смешения Хрущева.

⁵ Первая рабочая запись относится к 8 февраля 1954 г.

⁶ На высокую степень инакомыслия в руководстве СССР обращает внимание, основываясь на малинских записях, А. М. Филитов (см.: Вестник РАН. 2004. № 7. С. 650—653). Оно было в определенных пределах допустимо и после разгрома так называемой «антипартийной группы». Правда, замечает рецензент, никто не должен был упорствовать в своих взглядах, каждому следовало вовремя присоединиться к мнению большинства, а главное, первого лица в партии. Так поступал обычно А. И. Микоян, передко в мягкой форме споривший с Хрущевым. Так поступил в 1961 г. и генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, поначалу не со-

глашавшийся с экстравагантным хрущевским предложением о введении смертной казни за экономические преступления.

⁷Фурсенко А. А., Нафтали Т. Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962. М., 2006.

⁸См.: Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль–ноябрь 1956 г. / Публ. В. Т. Середы при участии С. А. Мельчина и Е. Д. Ореховой // Исторический архив. 1996. № 2–3; Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitai Magyarországról / Szerk. Szereda V., Rainer M. J. Br., 1996; СССР и Польша. Октябрь 1956-го. Постановления и рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС / Публ. Е. Д. Ореховой и В. Т. Середы. Предисл. А.М. Орехова // Исторический архив. 1996. № 5–6; Советский Союз и венгерский кризис 1956 года / Ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998.

⁹На русском языке см.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М., 2003.

¹⁰Часть соратников И. Надя 4 ноября, в момент решающего советского военного вторжения укрывшаяся вместе с ним в югославском посольстве, позже была выведена оттуда обманным путем и депортирована в Румынию, где находилась до апреля 1957 г. Некоторые деятели из окружения И. Надя, в том числе министр обороны П. Малстер и начальник будапештской полиции Ш. Копачи, были арестованы в начале ноября. См.: Стыкалин А. С. Указ. соч.

¹¹ Отечественная история. 2004. № 6. С. 181.

Тамаш Краус

Рабочие советы в Венгрии в 1956 году

Предпосылки¹

Исследуя проблему рабочих советов 1956 г., необходимо обратиться к истории рабочего класса в Венгрии. Духовно-политический и социокультурный облик венгерского рабочего класса в период между двумя мировыми войнами складывался под воздействием многообразных и сложных исторических процессов. Контрреволюционный режим Миклоша Хорти разрушил и криминализировал сложившиеся в 1918—1919 гг. революционные, связанные с Созвездиями традиции венгерских рабочих, поставил вне закона коммунистическую партию и, ссылаясь на святость частной собственности, считал «греховной» собственность общественную, которую многие, от К. Маркса и В.И. Ленина до Жигмонда Кунфи, Пала Юстуса и Дьердя Лукача, определяли как сущность социализма. В качестве основной проблемы венгерского народа официальная христианско-националистическая идеология поставила в центр национальной политики и национальной памяти стремление к ревизии «трианонских территориальных потерь» (т. е. пересмотра мирного соглашения 1920 г.) — такой была политика господствующих классов. Позже, во время Второй мировой войны, это стало фундаментом союза с нацистской Германией. Многонациональный по своему происхождению контингент квалифицированных рабочих венгерской промышленности, составлявший костяк примерно стотысячной массы организованных рабочих, несмотря на осуществлявшееся националистами многолетнее промывание мозгов, даже в самые тяжелые времена сохранял верность социал-демократии. Однако в конце 30-х годов XX в., главным образом в окраинных районах Будапешта, на периферии слоя работников малкой промышленности и в среде безработных, не в последнюю очередь под влиянием укреплявшего свои позиции нацизма, пустили корни и крайние правые нацистские группировки (от названия партии «Кресты наилы» или «Скрепленные стрелы»), расистско-антисемитские идеологические организации.

В конце войны антивосипная деятельность социал-демократической и коммунистической партий пользовалась симпатией широких слоев рабочего класса. И хотя в Венгрии не вспыхнуло народное восстание против нацистов и их прислужников, к 1945 г. идеи марксизма и социализма утвердились в сознании интересовавшихся политикой, правда, относительно узких слоев населения. Наилучшим доказательством существования в глубинах общества сил обновления служило спонтанное возникновение национальных комитетов и других органов народного самоуправления. Освободившие Венгрию советские войска разрушили военную машину нацистов и изгнали нацистские и иные крайние правые силы, которые участвовали в осуществлении холокоста. Вследствие этого венгерские левые и немногочисленные буржуазные антифашистские силы получили возможность проведения дефашизации страны. Однако в процессе «дефашизации» выяснилось, что коммунистическая партия, пользовавшаяся поддержкой СССР, и сама играла на струнах национализма, а с другой стороны, обращалась к авторитарным методам. При этом в своей повседневной политике венгерские коммунисты все в большей степени механически копировали советскую модель развития и зачастую пренебрегали национальной спецификой и прежними традициями венгерского рабочего класса. Поворот в мире в сторону холодной войны, произшедший летом 1947 г., окончательно толкнул руководство Венгерской коммунистической партии, а позже Венгерской партии трудящихся на эту вынужденную траекторию. Форсированная индустриализация по существу привела к формированию нового крупнопромышленного пролетариата, который, согласно идеологии нового режима, должен был сыграть роль «ведущего класса социализма», «нового господствующего класса». Одновременно именно этот «господствующий класс» должен был оплатить всю стоимость форсированного развития в «государстве рабочих» со всеми вытекающими из этого последствиями. Половинчатая «десталинизация», начавшаяся с 1953 г., высвободила стихию гнева и возмущения против личной диктатуры в 1956 г.

Социальная природа рабочих советов

Возникновение рабочих советов в России в 1905 и 1917 гг. и в Венгрии в 1918—1919 гг. было обусловлено двумя взаимосвязанными обстоятельствами: всеобщим политическим кризисом и поиском путей выхода из него. Главным в действиях советов было разрушение старой политической системы путем организации всеобщей забастовки и возобновления производства на новых основах. Деятельность рабочих советов в Венгрии

1956 г. также главным образом была направлена на реорганизацию процесса производства и установление рабочего контроля над промышленными предприятиями, что сопровождалось проявлением традиционного духа рабочего колLECTИВИзма и определенных черт революционного анархизма. Однако если рабочие советы в России и в Венгерской Советской Республике восстали против старого капиталистического режима, венгерские рабочие советы 1956 г. исходили, с одной стороны, из стремления к *обществлению* государственного социализма, а с другой — из желания предотвратить реставрацию капитализма. Возникновение в тот год рабочих советов в Венгрии объяснялось не только тяжелыми экономическими проблемами и резким падением уровня жизни, вызванными политической тиранией, не только последствиями политического гнista, но и тем, что боровшиеся друг с другом группировки политической элиты не смогли справиться с кризисом даже по мирному «польскому образцу», поскольку руководство коммунистической партии распалось на враждующие фракции.

В Венгрии 1956 г. рабочие советы, как и в России 1905, 1917, Венгрии 1918—1919 гг., тоже возникли стихийно. Известно, что на них непосредственно всего повлияло развитие югославских рабочих советов, на чьи опыт можно было ссылаться, тем более, что другого живого опыта тогда не существовало. В глазах «коммунистов-реформаторов», размышлявших о «гуманном» социализме, эти рабочие советы были лучами надежды, которые свидетельствовали о стремлении к рабочему самоуправлению, сохранявшемся даже в рамках бюрократической системы государственного социализма. Короткая история рабочих советов (октябрь 1956 — январь 1957 г.) доказывает, что в сознании определенной части рабочих укоренилось представление о социализме в его самоуправительной форме². Однако развитию советов в Югославии способствовало то, что эта страна при освобождении от гитлеровской оккупации не в такой большой степени, как Венгрия, зависела от советской военной помощи. Кроме того, югославские советы во многом явились плодом той ситуации, которая сложилась вследствие конфликта 1948 г. В свою очередь венгры получили возможность социалистического развития, так сказать, в готовом виде и «наследовали» его «сталинистскую», государственную-социалистическую форму. Несмотря на это, заинтересованные в реставрации частной собственности и прежнего режима хортистские силы, сгруппировавшиеся в ходе восстания 1956 г. под знаменем кардинала Й. Миндсенти, не осмелились открыто и ясно сформулировать свои антисоциалистические

тические цели и выступали с туманным обещанием создания смешанной экономики.

О деятельности венгерских рабочих советов 1956 г. сохранилось немало документов³, свидетельствующих прежде всего о стремлении возникших организаций установить непосредственный рабочий контроль над производственной и государственной бюрократией. Иначе говоря, советы выдвинули на повестку дня обобществление государственного социализма. Парламент рабочих советов, собравшийся 31 октября для решения стихийно возникших вопросов и включавший в себя 24 крупнопромышленных и пять областных крестьянских союзов, а также несколько советов, созданных интеллигенцией, принял Устав — классический и характерный в своем роде документ о правах и принципах функционирования рабочих советов. В нем было записано следующее:

«Во-первых, заводы принадлежат рабочим. На основании выпущенной заводом продукции рабочие платят государству налог, а также определенную долю полученной заводом прибыли. Во-вторых, высшим органом управления заводом является рабочий совет, демократически выбранный трудящимися. В-третьих, рабочий совет выбирает из своего состава директорский комитет из 3—8 членов, являющийся постоянным органом рабочего совета и выполняющий функции, которые будут подробно определены позже. В-четвертых, директор является служащим завода. Директор и другие служащие, занимающие важные должности, выбираются рабочим советом. Выборам предшествует конкурс, публично объявленный директорским комитетом. В-пятых, директор занимается делами предприятия и ответственен перед рабочим советом. В-шестых, рабочий совет сохраняет за собой следующие права: утверждать все планы предприятия; выносить решения об определении и использовании фонда заработной платы, о заключении всех международных договоров о поставках, о проведении всех кредитных операций. В-седьмых, в спорных случаях рабочий совет выносит решения относительно принятия на работу и увольнения трудящихся. В-восьмых, он утверждает финансовые балансы и выносит решения об использовании остающейся в распоряжении предприятия прибыли. В-девятых, он берет в свои руки решение социальных вопросов на предприятии»⁴.

Помимо выдвижения общих политических требований (вывод советских войск, национальная независимость, демократические парламентские выборы), политическая деятельность рабочих советов имела в основном местный характер и расширилась лишь после того, как 4 ноября началось вторжение советских войск, и снова наметились контуры кри-

зисной ситуации. В этой деятельности усилилось направление, представители которого видели перспективу развития страны в соединении рабочего самоуправления с системой многопартийной демократии, в которой основы социализма должны были быть защищены от угрозы капиталистической реставрации конституционными гарантиями. 6 ноября государственный министр правительства И. Надя, известный венгерский юрист и политический мыслитель Иштван Бибо сформулировал эти идеи в проекте документа, который был принят возникшим 14 ноября Рабочим советом Большого Будапешта. Согласно этому проекту, после вывода советских войск «общественной формой Венгрии станет социальная система, основанная на запрещении эксплуатации (социализм), что конкретно означает ... сохранение земельной реформы 1945 г. с максимальным наделом в 20—40 холльдов [11,4—22,8 га. — Т. К.]... сохранение национализации шахт, банков и тяжелой промышленности, общественную собственность на заводы, основанную на рабочем самоуправлении и предоставлении рабочим акций предприятия или доли прибыли, полную свободу частного или кооперативного предпринимательства с гарантиями, обеспечиваемыми запрещением эксплуатации...». Всё перечисленное должно было получить одобрение учредительного собрания, определявшая роль в котором принадлежала бы рабочим советам⁵. Профсоюзы, поддерживавшие сформированное с непосредственной помощью Советского Союза правительство Я. Кадара, обратились к этому правительству с похожим предложением. В нем также предусматривалось создание двухпалатного парламента: «С этой целью предлагаем правительству рассмотреть вопрос о создании Совета Производителей. В качестве одной из палат парламента Совет Производителей мог бы стать новым органом государственной власти... Необходимо создать Палату Представителей, избранную тайным голосованием по территориальному принципу... и избранный также тайным голосованием Совет Производителей, состоящий из делегатов различных производственных коллективов». Главной задачей последнего в документе было названо „управление производством и распределением“. Далее: «Таким образом, непосредственные участники производства должны определять, как, каким образом и на что расходует государство свои финансовые средства и ценности... В политических вопросах Совету необходимо обеспечить широкие права по внесению предложений... в Палату Представителей»⁶.

Не случайно, что Я. Кадар еще в течение нескольких недель после 4 ноябрявел переговоры (и возможно не только по тактическим соображениям)⁷ с представителями рабочих советов, получив для этого полно-

мочия из Москвы⁸. Приведем в качестве иллюстрации ход переговоров между рабочим советом крупнейшего завода страны (в октябре 1956 г. в 18 цехах Чепельского металлургического комбината работало 30 500 человек) и правительством Кадара. Хотя сначала рабочие советы комбината (они представляли собой целую сеть местных заводских советов, имея в своем составе приблизительно 700 членов, работавших на общественных началах) и заявили, что не признают правительства Кадара и ждут возвращения И. Надя на пост премьер-министра, потом они все-таки согласились на переговоры. Основное их требование сводилось к тому, чтобы правительство в газетах и по радио объявило о намерении опираться в своей работе на рабочие советы, а кроме этого предоставило им права по управлению предприятиями. «На бумаге это было реализовано в указе, напечатанном в газете “Непсабадшаг” от 14 ноября 1956 г., согласно которому рабочим советам обеспечивались следующие полномочия: распространение рабочего самоуправления на все сферы заводской жизни, право принятия постановлений, разработка системы заработной платы на заводах, право на распределение части чистой прибыли предприятия среди трудящихся. В течение трех недель при участии всех трудящихся завода должны были быть проведены выборы окончательного состава рабочих советов, окончательные и детальные инструкции относительно выборов и функционирования рабочих советов должны были быть разработаны профсоюзами»⁹.

Падение

В следующем месяце участь рабочих советов была решена. Как выразился один из представителей чепельцев, советы функционировали в условиях «двоевластия», однако такое положение не могло быть продолжительным. Указ Президиума ВНР от 22 ноября обеспечивал рабочим советам относительно широкие права в области государственного планирования, согласования планов, в управлении производством и экономическими процессами на местах, начиная с определения эффективности и распределения прибыли вплоть до выплаты заработной платы, определения организационной структуры предприятий и, по существу, права вето при назначении директоров. Возник вопрос: каким образом можно приспособить систему государственного управления промышленностью к системе самоуправления предприятий? Сами министерские аппараты, находившиеся в состоянии брожения, однозначно склонялись к тому, чтобы сделать эту проблему архимедовой точкой опоры при осуществлении всей реформы. Таким образом, диалог с собственными аппаратами

также побуждал правительство серьезно отнестись к рабочим советам и заключить с ними соглашенис¹⁰. Вышеприведенные документы позволяют говорить о выработке концепции, в которой предусматривалась возможность своего рода смешанной экономики, сосуществования различных хозяйственных секторов — государственного, самоуправлснгского и ограниченного частного.

Однако основные практические вопросы были решены в плоскости политической борьбы. Ни Центральный рабочий совет Большого Будапешта, ни рабочие советы вообще не пошли навстречу, не приняли компромисс, предлагаемый представителями власти — считать органы рабочего самоуправления чисто производственными организациями. Я. Кадар говорил, что рабочие советы должны руководить заводами, но им не следует заниматься политикой, поскольку это не их дело¹¹. Осуществляемая Кадаром концентрация власти все в большей степени сделала несущими рабочие советы, находившиеся между министерством и отчасти представлявшей его же, Кадара, интсрессы дирекций.

Центральный рабочий совет Большого Будапешта подкрепил свои политические требования забастовками, однако эти требования уже оказались неприследимыми для правительства (и, конечно, для стоявшего за ним советского руководства). На предприятиях все более явной властной альтернативой местным рабочим советам становилась реорганизованная партия, ВСРП¹². 9 декабря правительство поставило территориальные рабочие советы вне закона, после чего начались аресты руководителей рабочих советов. 11 декабря был арестован Шандор Рац, глава Центрального рабочего совета, на забастовки и демонстрации правительство ответило расширенным применением средств террора¹³. В ходе острой политической и вооруженной борьбы вопрос о новой системе власти и о «многопартийной» форме социализма в конце концов был снят с повестки дня, даже несмотря на то, что рабочие советы до последнего дня своего существования подчеркивали, обращаясь не только к правительству, но и к силам капиталистической реставрации: « завод и земля принадлежат народу, мы никому не вернем их ». Реставрация государственного социализма и предотвращение Советским Союзом появления «второй Югославии» оказались важнее стихийного стремления опробовать новые формы социализма. Логика политической борьбы привела к реставрации однопартийной системы, в рамках которой венгерским рабочим советам не досталось даже той ограниченной роли, которую играли аналогичные (и гораздо более бюрократизированные и формализованные) организации в югославской системе, где они еще долгие годы продолжали свое су-

ществование в тисках бюрократии и капитала. В 1990 г. рабочие советы постигла такая же судьба и в условиях буржуазного парламентаризма, многопартийной системы¹⁴.

Таким образом, венгерский опыт доказал, что рабочие советы были способны управлять производством, приступить к осмыслению и введению социалистической коллективной системы самоуправления, однако эта локальная попытка в конкретных политических условиях того времени оказалась недолговременной. Повторим, что ни однопартийная в 1956 г., ни восстановленная 30 лет спустя многопартийная система не проявили терпимости к противовесу, созданному общественной властью. Думается, что как по экономическим, так и по политическим причинам успешное введение самоуправления как альтернативной общественной системы возможно лишь в результате международного сотрудничества.

Властные группировки, отпраздновавшие осенью 2006 г. 50-летнюю годовщину событий 1956 г., не были заинтересованы в переосмыслинии этой традиции, как и в реализации экономических и теоретических возможностей самоуправления, фальсифицируя тем самым по-настоящему социалистические аспекты в истории восстания 1956 г.

Перевел с венгерского С. Филиппов.

Примечания

¹ По данной проблематике см. следующие работы: Hajdu T. Közép-Európa forradalma 1917—1921. Bp., 1989; Sipos P. Legális és illegális munkásmozgalom (1919—1944). Bp., 1988; *Idem*. A munkásarispártok sanyargatása // História. 2006. 4. sz. 20—22.old.; Kende J. Forradalomról forradalomra. Az 1918—1919-es forradalmak Magyarországon. Bp. 1979; Mark Pittaway M. A «munkásállam» (рукопись). Стыкалин А. С. Прерванные революции. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М., 2003.

² По существу это признал и Янош Кадар, который на заседании Президиума КПСС 2 ноября 1956 г., именно учитывая поддержку восстания значительными массами рабочих, несколько раз назвал его «национально-демократической революцией», одновременно указав на опасность контрреволюции как со стороны клики Ракоши—Герё, так и со стороны стремящихся к реставрации хортистских сил. Ср.: Президиум ЦК КПСС 1954—1964. Т. 1. Черновые записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 196.

³ См.: Magyar munkástanácsok 1956-ban. Dokumentumok (далее — Magyar munkástanácsok 1956-ban) / Sajtó alá rendezte Kemény I., B. Lomax. Paris, 1986; Lomax B. Magyarország 1956. Bp., 1989; Tóth E. Zs. A Csepel Vas- és Fémművek munkástanácsainak története és a munkástanacs emlékezete (рукопись); Feitl I. Parlamentarizmus és önigazgatás az 1956-os forradalomban // Múltunk. 2005. 2. sz. 231—243. old.; *Idem*. A magyar munkástanácsok és az önigazgatás 1956-ban // Eszmélet. 1989.

² sz. 42—52. old.; Molnár J. A Nagybudapesti Központi Munkástanács. Bp., 1969; A forradalom előzményei, alakulása és utóélete. Tanulmányok és kronológia (далее — A forradalom előzményei). Paris; New Jersey, 1987; Ripp Z. 1956. Forradalom és szabadságharc Magyarországon. Bp., 2002.

⁴ Magyar munkástanácsok 1956-ban. 42—43. old.

⁵ Ibid. P. 132.

⁶ См.: Feitl I. A magyar munkástanácsok és az önjigazgatás... 48—49. old.

⁷ Осталось множество документов о декабре 1956 г., свидетельствующих о стремлении государственной власти включить в реформированную систему управления рабочие советы, наделив их достаточно широкими функциями в области производства, что привело бы к смещению развития в направлении своего рода корпоративизма. Ср., например: A kohó- és gépipari miniszterium tervezete. 13. ÖP. 1956 // Magyar munkástanácsok 1956-ban. 139—150. old.; A vegyipari miniszterium tervezete. 21. XI. 1956 // Ibid. 150—157. old.

⁸ Сп.: Feitl I. Parlamentarizmus és önjigazgatás... 241. old. Еще 30 ноября на заседании чепельского рабочего совета присутствовал советский офицер, против чего, конечно, немедленно запротестовал участвовавший в заседании представитель Рабочего совета велосипедного завода. Сам этот факт все же свидетельствовал о том, что даже и тогда еще не было принято окончательного решения о рабочих советах. Конечно, выступление ничего не изменило, и офицер остался как “интересующийся практическим осуществлением модели рабочих советов”. Ср.: Tóth E. Zs. Op. cit.

⁹ Ibidem.

¹⁰ См.: Kis J. Az 1956—57-es restauráció — 30 év távlatából // A forradalom előzményei. 133. old.

¹¹ Ibidem. Эти слова были сказаны в ответ на вопрос представителей чепельского и других рабочих советов, которые 27 декабря 1956 г. в последний раз вели переговоры с руководителями ВСРП.

¹² Molnár J. Op. cit. 90—91. old.

¹³ Ibidem. См. также: Tóth E.Zs. Op. cit.; Ripp Z. Op. cit. 234.old.

¹⁴ Поправка к конституции, принятая в 1989 г., на короткое историческое мгновение дала место самоуправленческим экспериментам, однако в 1990 г. первый «демократический» парламент принял новую поправку к конституции, уничтожившую параграф 12/2, который фиксировал понятие коллективной собственности трудающих.

А. С. Стыкалин

К выходу на русском языке биографии Имре Надя*

С тех пор, как в начале 1990-х годов российские историки получили возможность более дифференцированного подхода к оценке венгерской «национальной трагедии» 1956 г., отказавшись от прежней упрощенческой схемы «контрреволюционного мятежа, поддержанного мировым империализмом», не утихают споры вокруг личности Имре Надя, центральной фигуры политической жизни Венгрии в те драматические дни. Более того, успел сложиться целый ряд стойких мифов, сквозь призму которых воспринимается российским историческим сознанием этот трагический персонаж венгерской истории новейшего времени. Согласно наиболее экстравагантному из этих мифов, Имре Надь, недавний австро-венгерский военноопленивший, примкнувший в период революции в России к большевикам и служивший в органах ЧК, был якобы непосредственно причастен к расстрелу царской семьи¹. Праведный гнев, овладевающий российскими патриотами при одном только упоминании о грубом вмешательстве иноземцев в драму русского народа, вполне закономерно проецируется и на сотрудника ЧК Имре Надя. Даже в том случае, когда приходится признать как данное простой исторический факт: Надь летом 1918 г. находился в Забайкалье, за тысячи верст от Екатеринбурга, и уже поэтому не мог иметь никакого отношения к той кровавой расправе².

Покрыта легендами и деятельность Имре Надя в период эмиграции, в Москве 1930-х годов. В 1989 г. по инициативе тогдашнего председателя КГБ В.А. Крючкова были извлечены из архивов документы о связях Надя с органами НКВД, а 27 февраля 1993 г. их впервые опубликовала, наделав немало шума, итальянская газета «La Stampa»³. При том, что Крючков

* Статья подготовлена в рамках проекта «Программа фундаментальных исследований Президиума РАН»: 4.7. «Этнические общности и мигранты. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». В сокращенном виде опубликовано: Стыкалин А. С. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. М., 2007. № 6. С. 223–238.

явно преследовал сиюминутные и не слишком чистые политические цели — компрометации реформаторского крыла кадаровской Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), склонного к реабилитации И. Надя⁴, документы отнюдь не являются подделкой и в общем не оставляют сомнений в причастности Надя к агентурной разработке некоторых из тех венгерских коммунистов-эмигрантов, которые стали в 1937—1938 гг. жертвами сталинских репрессий. Эта деликатная тема нашла отражение в литературе об И. Наде (в первую очередь в работах Яноша М. Райнера). Правда, читая труды Райнера (и некоторых других ведущих венгерских историков), трудно оторваться от впечатления о стремлении по возможности обойти здесь некоторые острые углы⁵. Иногда получается, что информация, поступавшая в органы от Имре Надя, была приобщена к следственным делам как бы вопреки его воле. Между тем, российский дипломат и исследователь В. Л. Мусатов, много лет посвятивший изучению Венгрии в новейшее время, приводит в качестве неоспоримого свидетельства собственноручно написанную 20 марта 1940 г. автобиографию И. Надя, где указывалось: «С НКВД я сотрудничал с 1930 г. По поручению я был связан и занимался многими врагами народа»⁶.

С другой стороны, встречающиеся иногда даже в серьезных научных публикациях утверждения о том, что 15 или более человек были расстреляны или погибли в лагерях именно по доносам И. Надя, кажутся слишком бесподобными⁷. «Писатель Антал Гидаш говорил, что он сел по навету Имре Надя. Всемирно известный философ Дьердь Лукач, экономист Евгений (Енс) Варга также оказались в “расстрельных списках” из-за Имре Надя», — читаем в статье квалифицированного журналиста страноведа, не одно десятилетие проработавшего в Венгрии корреспондентом «Правды»⁸. Если не ограничиваться слухами, распространявшимися в среде венгерской коммунистической эмиграции в СССР, а копнуть глубже, обратившись к архивным первоисточникам, возникают серьезные вопросы. В конце 1990-х годов автор этих строк вместе с известным переводчиком венгерской литературы Вячеславом Середой по просьбе наследников получили доступ к следственному делу Дьердя Лукача — одного из крупнейших философов-марксистов XX в., арестованного в июне 1941 г. и два месяца находившегося в застенках НКВД. В результате была опубликована книга⁹. Скажем сразу: во всем многостораничном следственном деле нет ни малейшего упоминания о доносах Имре Надя — факт, безусловно, говорящий сам за себя. И даже если удастся доказать прямую причастность И. Надя к уничтожению некоторых соратников по партии, следует признать: вышеизложенные документы, хотя и важны для составления полной картины об Имре Наде как личности, вместе с тем не дают

сами по себе каких-либо оснований для пересмотра, переоценки его роли в общественно-политической жизни Венгрии середины 1950-х годов и революции 1956 года¹⁰.

Еще одна раепространенная легенда: Имре Надь — человек Берии. Этой версии, похоже, придерживался и Янош Кадар. Неизвестно, правда, насколько искренне, но он говорил об этом М.С. Горбачеву в сентябре 1985 г.¹¹ Причем если для Кадара мнимая причастность Надя к команде Берии означала только компромат и ничего больше, в современной России названную версию можно связать с новомодной попыткой некоторых историков и особенно публицистов увидеть в деятельности Берии весной-летом 1953 г. планы далеко идущих системных реформ, представить его в качестве несостоявшегося реформатора¹². Причастностью к команде Берии иногда объясняют и провозглашенный правительством Надя в Венгрии с лета 1953 г. «новый курс» — отказ от форсированной индустриализации, смягчение методов коллективизации, перенесение центра тяжести на производство предметов потребления. Между тем, достаточно изучить запись встречи советских и венгерских лидеров в июне 1953 г., чтобы увидеть: фигура И. Надя на пост премьер-министра отнюдь не была навязана Бериией вопреки воле других, она не вызывала возражений кого-либо из членов советского руководства¹³.

Наконец, в отечественной литературе последнего десятилетия (чаще всего в литературе строго определенной идеально-политической ориентации) получила хождение еще одна спорная версия: возвращение на венгерский политический олимп в октябре 1956 г. Имре Надя, за которым к этому времени прочно закрепилась репутация «правоуклониста», связывают с уступчивостью А. И. Микояна, не разглядевшего в Наде скрытого «врага» и убедившего коллег по Президиуму ЦК КПСС сделать ставку на него¹⁴. Роль Микояна иногда преувеличивается (пусть исходя из совсем другой оптики) и в западной литературе — не только в силу привычного для ряда политологических школ стремления выявить в политической элите какой бы то ни было страны своих «ястребов» и «голубей», но и потому, что на отношение к И. Надю механически проецируется особая позиция А. И. Микояна в венгерском вопросе: он был единственным членом Президиума ЦК КПСС, последовательно выступавшим против советского военного вмешательства. Кстати, и венгерский биограф Имре Надя Я. Райнер несколько упрощает, как нам кажется, реальную картину, когда пишет о том, что Микоян предлагал восстановить в партии И. Надя, исключенного из нее в конце 1955 г. по обвинению во фракционной деятельности.

Между тем, какова бы ни была субъективная позиция самого Микояна, на встрече с лидерами Венгерской партии трудящихся (ВПТ) 13 июля 1956 г. он, выступая от имени всего кремлевского руководства, выразил мнение, сдва ли дающее простор столь однозначному толкованию: мы «считали и считаем ошибкой исключение из партии Надя Имре, хотя он своим поведением этого заслужил». Если бы Надя остался в рядах партии, он был бы обязан подчиняться партийной дисциплине и выполнять волю партии. Исключив его из ВПТ, товарищи сами себе затруднили борьбу с ним. Следовало бы откровенно заявить Надю, что, борясь с партией, он закрывает себе возможность вернуться в ее ряды. Путь борьбы с партией — это путь, который неизбежно ведет его в тюрьму. Наоборот, если он изменит свое поведение, то он может рассчитывать на восстановление его в рядах партии»¹⁵.

Учитывая обилие мифов и спорных версий, следует признать: перевод на русский язык книги известного венгерского историка Я. Райнера и ее издание к 50-летию венгерских событий 1956 г. и 110-летию со дня рождения И. Надя вполне своеобразны¹⁶. Эта книга позволит отбросить явные мифы, пересмотреть в некоторых случаях недостаточно аргументированные версии, создать в сознании российской читающей публики реальный, полнокровный образ венгерского политика, представить реальную роль И. Надя в событиях 50-летней давности. Выход в 1990-е годы двухтомной биографии Имре Надя стал событием в венгерской исторической науке — тем более значительным, что на родине личность этого политика (что вполне естественно) куда в большей степени, чем в России, становилась предметом домыслов и политических спекуляций. В своих работах, основанных на огромном фактическом материале, Я. Райнера пришлось опровергать устоявшиеся стереотипы, полемизировать с некоторыми спорными точками зрения, бытующими в венгерской и западной историографии, где никогда не было единства мнений об И. Наде, существовал широкий диапазон оценок. Впрочем, полная демифологизация той или иной исторической личности — задача непосильная для историка, тем более, когда речь идет о государственном деятеле, концентрирующим в себе существенные политические тенденции новейшего времени, о человеке, чье наследие продолжает оставаться востребованным и сегодняшним политическим сознанием.

Споры об Имре Наде периодически оживают в Венгрии, особенно в дни очередных годовщин событий 1956 г. и оценки здесь высказываются подчас диаметрально противоположные. Здесь можно выделить две важные тенденции. С одной стороны, трагизм судьбы венгерского премь-

ера, казненного в июне 1958 г., бросает отсвет на все его действия и поступки, правые и неправые; мученическая смерть располагает историков, а тем более публицистов и широкое общественное мнение к апологетике, дает простор для идеализации личности Надя, к явным ошибкам и просчетам подходят мнение критически. Это характерно, кстати, и для большой части западной историографии, стремящейся признанием заслуг Надя *post mortem* как бы компенсировать ту поразительную близорукость в оценке его политического лица, которую западное общественное мнение демонстрировало на протяжении всей венгерской революции. Приветствовав приход к власти Гомулки в Польше, оно вместе с тем упорно продолжало видеть в Наде заурядного сталиниста даже тогда, когда для этого было все меньше оснований¹⁷.

В последние годы, однако, не реже наблюдается и другое. Участники споров часто и не задаются целью докопаться до исторической истины, преследуя сиюминутные политические цели. Спекуляция на памяти о драматических событиях «будапештской осени» в целях сведения счетов между партиями-конкурентами давно стала реальностью политической жизни современной Венгрии. Иногда просто удивительно видеть, как политики, родившиеся уже после 1956 г., анектируют к истории национальной революции главным образом для того, чтобы скомпрометировать своих же сверстников в глазах избирателей. В развернувшейся борьбе за «наследие 1956 года» (а Имре Надь здесь остается центральной фигурой) участвуют все: от воинствующих националистов до умеренных социалистов. Особенно заметным явлением в последнее время становится публицистика и мемуаристика консервативно-националистической ориентации. Она уменьшает, а то и полностью дискредитирует роль Имре Надя и его окружения — всех, кто не отделял национальных интересов от идеалов общества социальной справедливости.

Ветеран партии, прошедший коминтерновскую выучку и долгие годы работавший в СССР, И. Надь не был в то же время фигурой вполне типичной в коммунистической среде. «Осколок, отколовшийся от нашего московского гранита», — сказал о нем как-то его непримиримый оппонент М. Ракоши. Особость И. Надя бросалась в глаза и людям, далеским от компартии — об этом вспоминает, например, автор предисловия к английскому изданию биографии, известный американский историк венгерского происхождения Иштван Деак. Показательен и отзыв крупного политолога И. Бибо: И. Надь выделялся в когорте окружавших его коммунистов по крайней мере внешним отсутствием мессианской экзальтированности и той идущей от фанатизма, пугающей бесчеловечности, на

которую всегда обращали внимание со стороны. Экономист-аграрник по своему призванию, охотно занимавшийся научными штудиями и с удовольствием читавший лекции студентам, Надь был создан скорее для скромной академической карьеры, чем для профессиональной политической (тем более подпольной революционной) деятельности и в иных условиях мог бы заключить свои дни уважаемым университетским профессором.

Как эксперт по политике в отношении крестьянства, в 1930-е годы работавший в коминтерновском Международном аграрном институте, он оказался наиболее подходящей фигурой для того, чтобы занять одно из вакантных, предназначавших для компартии мест в первом послевоенном коалиционном правительстве, и стал министром земледелия. Это позволило ему «попасть в обойму», оказаться включенным на 10 следующих лет в новую (левую, а затем исключительно коммунистическую) политическую элиту Венгрии¹⁸. В отличие от подавляющего большинства коммунистических политиков своей генерации И. Надь (человек из совсем небогатой мелкобуржуазной семьи, так и не сумевший из-за начавшейся первой мировой войны получить законченное образование и всю жизнь всерьез занимавшийся самообразованием) всегда тянулся к интеллигенции. Попав в опалу в 1955 г., он сделал шаг навстречу поддержавшим его писателям и журналистам, в чем Я. Райнер справедливо видит поступок, свойственный скорее интеллигенту, чем партийному функционеру. Впрочем, преувеличивать «особость» И. Надя также было бы несправильным — он не только всю свою сознательную жизнь идентифицировал себя (и без оговорок!) с коммунистическим движением и марксистско-ленинской идеологией, но воспринимался в других лагерях как инородное тело — даже попутчиками коммунистов из левых крестьянских партий. Один из них, писатель и деятель национальной крестьянской партии Й. Дарваш, осенью 1947 г. во время поездки в СССР в составе делегации венгерско-советского общества культурных связей говорил советскому собеседнику: И. Надь (в 1945 г. министр земледелия, а позже человек, отвечавший за аграрную политику в руководстве компартии) не оправдал надежд, его теоретические знания не связаны с практикой, венгерского крестьянства он, по мнению Дарваша, не знает¹⁹.

Человек, пришедший в коммунистическое движение в годы, когда на повестку дня выдвигались лозунги мировой революции, Надь был верен сделанному выбору до конца своих дней. «Святая святых» большевистской этики, единство партии, никогда не было для него пустым звуком, меньше всего он хотел дать своим противникам повод для обвинений во

фракционности и подстрекательстве недовольной режимом молодежи против правящей партии. Известно, что во взрывоопасной обстановке середины октября 1956 г. Надь предпочел как бы внешне устраниться и возвратился к активной политической деятельности лишь под сильным давлением не только близких единомышленников, но всего партийного актива. Конечно, он опасался провокаций, которые помешали бы ему вернуться в правительство и заняться осуществлением назревших реформ. Но его позиция была довольно четкой, он последовательно придерживался той реформаторской программы, которую не успел реализовать в 1953—1955 гг., хотел сделать эффективнее коммунистический режим и совсем не собирался вводить многопартийность (даже в рамках левого крыла послевоенной антифашистской коалиции), содействовать формированию легальной оппозиции, пусть даже в форме фракции правящей ВПТ. Он не был склонен ни на минуту примкнуть к движению, которое ставило бы под сомнение политическую монополию компартии. Программа, с которой Надь выступил вечером 23 октября, была столь умеренной, что показалась миллионам венгров (и была на самом деле) неадекватной текущему моменту²⁰. Видимая нерешительность и растерянность И. Надя в первые дни революции (а размах выступлений действительно оказался для него неожиданным) осложнила его отношения с более радикальными реформаторами из числа коммунистов (в частности, М. Гимешем) и отрицательно сказывалась на его популярности, подрывала веру тех, кто прежде связывал с ним определенные надежды²¹.

С другой стороны, Имре Надь остроесс подавляющего большинства коммунистов столь высокого ранга осознавал противоречие между коммунистической доктриной (а тем более советской политикой), с одной стороны, и национальными приоритетами, а также реальными народными чаяниями, с другой. Он старался и в теории, и на практике способствовать их примирению. Неоднократно востребованный своей нацией на крутых поворотах истории, он не только всегда проявлял чуткость к национальным особенностям, но обладал глубоким чувством ответственности перед народом и стремился (при всех неизбежных компромиссах) поставить, насколько это было возможно, во главу угла интересы не узкой касты партийцев, а широких масс в своей стране. Весной 1945 г., будучи министром земледелия, Надь много сделал для проведения аграрной реформы, положившей конец остаткам феодального землевладения и удовлетворившей требования венгерского крестьянства. Через четыре года, в 1949 г., Надь выступил за более умеренные темпы и по возможностям свободные от насилия способы кооперирования крестьянства, что

стоило ему временного изгнания из Политбюро и стойкой репутации «правоуклониста» и «бухаринца» (эти ярлыки навешивали на него и в советских посольских дипломатиях)²². Тем не менее еще через четыре года, в 1953 г., катастрофическое положение в венгерском сельском хозяйстве вынудило Москву доверить имению закоренелому «бухаринцу» ключевой пост премьер-министра. Надю в известном смысле повезло: как справедливо замечает Я. Райнер, его сделали ответственным за проведение политической линии, которая в целом не противоречила его убеждениям. С другой стороны, не повезло: он унаследовал тяжелый груз остройших экономических и социальных проблем, вызванных губительным курсом на превращение Венгрии в страну тяжелой индустрии без учета объективных возможностей страны.

Если какое-то доверие к И. Надю в Москве было²³, он быстро его лишился, поскольку начатые им в Венгрии реформы (какими робкими сегодня они не казались бы) были восприняты в Кремле как слишком радикальные. Пробуксовывавшие реформы так и не смогли обеспечить Венгрии экономического подъема, но вместе с тем вступили в противоречие с новыми внешнеполитическими и внутриполитическими приоритетами Москвы. Ярлык правоуклониста еще плотнее прикрепляется к И. Надю. Тем не менее в трагические октябрьские дни 1956 г. в Кремле осознали (или, скорее, инстинктивно почувствовали): разочарование народа в действующей власти настолько велико, что из всей венгерской коммунистической элиты только Надь и его «правоуклонистское» окружение могут рассчитывать хоть на какую-то поддержку снизу. Надь снова возглавил правительство, чьему советские лидеры теперь уже не препятствовали. Между тем, логика его действий все сильнее расходилась с кремлевскими ожиданиями. Нежелание идти наперекор волн народа в его самых фундаментальных, основных требованиях и неспособность овладеть ситуацией собственными силами создали положение, нетерпимое для советского руководства. Опасаясь за утрату коммунистами власти в Венгрии, оно приняло 31 октября (надо сказать, после долгих колебаний²⁴) решение о приведении отбившегося от рук союзника к общему знаменателю силовым путем. В полной мере проявившаяся имению в последние полтора года жизни бескомпромиссность Имре Надя, его готовность до конца отстаивать свои принципы привели его в конце концов на скамью подсудимых, а затем и на эшафот.

Если в первые послевоенные годы в Имре Надя сосуществовали и драматически противоборствовали коммунист-интернационалист и защит-

ник интересов венгерского крестьянства, то в октябрь 1956 г. он предстает сще в одной ипостаси — как венгерский патриот. Впрочем, этот поворот был вполне подготовлен всей его предшествующей духовной эволюцией. В 1955 г. в своих записках, адресованных партийному руководству и ставших достоянием публики позже, он радикально пересмотрел некоторые сталинские доктрины — особенно там, где дело касалось характера отношений между социалистическими странами: неизменная чувствительность Надя к национальной специфике логически приводила его к требованиям большего равноправия в советско-венгерских отношениях. В дни октября 1956 г. он шел дальше. Если незадолго до начала решающих событий в беседах с единомышленниками он принципиально отвергал много-партийную систему с позиций традиционной коммунистической ортодоксии, то позже, приняв во внимание голос народа, пришел к признанию политического плюрализма, как и требования о выводе советских войск из Венгрии.

Все прежние попытки примирить большевистско-ленинскую концепцию социализма с национальными интересами, создать социализм, отвечающий не только этим доктрам, но и конкретным венгерским условиям, оказались в октябрьские дни утопическими и были, если не отброшены, то на время оставлены. В ситуации, когда надо было делать решительный выбор, венгерский патриотизм перевесил глубокие коммунистические убеждения И. Надя, верный «московит» коминтерновской выучки превращался в венгерского национального революционера, последователя традиций 1848 г. Более того, не перестав быть в душе коммунистом, ищущим пути примирения близкой ему идеи с национальными ценностями²⁵, Надя стал для многих на несколько последующих десятилетий (здесь, вероятно, можно сказать: против своей воли) символом антикоммунистического сопротивления в Венгрии, а в конце 1980-х годов антикоммунистических по своему основному содержанию реформ, направленных на смену системы. Существенно, однако, другое. 28 октября, сделав решительный шаг к сближению с массовым народным движением, И. Надя переступил грань, отделяющую функционера-партийца, исходящего прежде всего из интересов своего движения, от политика общегосударственного, общенационального масштаба.

Стремительная эволюция политического лица И. Надя всего за несколько октябрьских дней 1956 г. иногда вызывала обвинения в непоследовательности даже со стороны некоторых его доброжелателей («вчера говорил одно, сегодня другое»²⁶). Конечно, можно по-разному оценивать провозглашение выхода Венгрии из Организации Варшавского договора

с точки зрения соответствия принципам реальной политики²⁷. Вместе с тем истоки непоследовательности в заявлениях и действиях Имре Надя с 24 октября по 3 ноября 1956 г. коренелись не в «оппортунизме» его природы, как считали в Москве, а в стремлении, оказавшись на грани событий, овладеть быстро меняющейся реальностью, пытаясь обнаружить общую платформу для разнородных политических сил, проявивших себя в дни революции, и в то же время сохранить социалистическое содержание правительственной программы. Попытки оказывались тщетными, овладеть ситуацией никак не удавалось²⁸, поиски дальнейших путей выхода из кризиса были пресечены советским воспринимаемым вмешательством.

Я. Райнер анализирует причины неудач, раскрывает ошибки и пропуски, не идеализируя своего героя, проявлявшего очевидную слабость в практической политике. Вместе с тем действия Надя в период революции оцениваются не только в политических, но и в моральных категориях. По мнению исследователя, утром 4 ноября, в момент решающей советской воспринятой акции, Надя оказался не на высоте положения и стоявших перед ним задач, его поведение оправдывало собой шаг назад от выполнения общенациональной миссии к узкопартийной политике. Известное заявление по радио с обращением к пароду только дезориентировало многие тысячи венгров, а бегство в югославское посольство не только нанесло удар по легитимности правительства, но было само по себе проявлением человеческой слабости.

Совсем по-другому вел себя в той же ситуации один из министров в правительстве И. Надя, Иштван Бибо, человек, в меньшей мере обладавший политическими амбициями, однако мыслитель совсем иного, чем Надя, международного масштаба, один из крупнейших венгерских интеллектуалов XX века. Когда около 8 часов утра советские солдаты вошли в историческое здание парламента на берегу Дуная, они застали там лишь одного министра действовавшего правительства — это был И. Бибо. Перед тем, как быть задержанным советскими спецслужбами, он попытался провести нечто вроде пресс-конференции, чтобы обратиться с новым заявлением к венгерскому народу от имени правительства — через считанные часы после того, как И. Надя в своемadioобращении заверил нацию, что правительство находится на своем посту, сам же после этого скрылся в югославском посольстве. Всё-таки Надя избежал морального падения, отказавшись признать новое правительство, навязанное извне. А позже, своим героическим сопротивлением попыткам заставить себя играть по чужому сценарию искупил (опять же в моральном плане) свои ошибки, допущенные в минуту слабости.

И. Надь был не просто типичным восточно-европейским национал-коммунистом середины XX в., продуктом кризиса советских амбиций на полный контроль над мировым коммунистическим движением (а этот кризис явно обнаружился уже в 1948 г., когда Тито отказался повиноваться Сталину). И не просто (если прибегнуть к другой оптике восприятия тех же вещей) человеком, чье активное участие в коммунистическом движении не убило в нем политика, преданного национальным ценностям. Образ действий И. Надя в условиях революции 1956 г. имел свои корни в венгерской исторической традиции. За 100 лет до этого, во время революции 1848 г., премьер-министр граф Лайош Баттяни (как и Надь, после поражения революции казненный) также стремился оставаться на почве существующей законности, сложившейся легитимности. Признавая правомерность требований восставших, он в то же время не выступал за немедленный слом старой системы, искал пути мирного разрешения конфликта.

Однако, как и в 1848 г., в 1956 г. неумолимая логика революционного действия, динамика событий вели дальше, и И. Надь, объявивший о выходе своей страны из Организации Варшавского договора, был востребован в роли не только Баттяни, но и Л. Кошути, пошедшего на решительный разрыв со своим «сузереном», австрийским императором. Трагедия Надя заключалась в том, что он оказался неготовым для исполнения этой роли — не только вследствие объективного стечения обстоятельств, но отчасти и в силу субъективных причин. В большей степени оказался, пожалуй, готов к выполнению схожей миссии польский коммунистический лидер В. Гомулка. Польское руководство сумело вовремя совершить решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов в диалоге с Москвой, чтонейтраллизовало наиболее радикалистские настроения в обществе, чрезвычайно чувствительном к неравноправию в польско-советских отношениях, предотвратило развитие событий по венгерскому варианту.

Впрочем, Гомулка тоже оказался позже не на высоте положения. Относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в Польше в октябре 1956 г. не был закреплен подлинным реформированием системы, что обусловило явное попытное движение, откат к хотя и не слишком тиранической, но все же весьма неэффективной административно-бюрократической модели социализма. И это, кстати сказать, несколько контрастировало с положением в Венгрии, где режим Кадара с начала 1960-х годов развивался по пути либерализации, а в 1968 г. присту-

пил к экономической реформе, хотя и не реализованной в полном объеме в силу внешних и внутренних факторов²⁹.

По мерс эволюции режима Кадара, формирования специфической венгерской модели социализма, при которой Венгрия за 10 лет из обузы для СССР превратилась в витрину «социалистического содружества», западным политологам приходилось сопоставлять потерянного тяжелос поражение идеалиста И. Надя с более успешным, хотя и циничным pragmatиком Я. Кадаром, попытавшимся в непростой обстановке, сложившейся после поражения венгерской революции, реализовать на практике с оглядкой на Москву хотя бы некоторые из реформаторских идей 1956 г. Иногда сравнение даже оказывалось в пользу Кадара, чьи эксперименты с реформированием «рекордного социализма» в начале 1970-х годов привлекли пристальное внимание на Западе и внушили кого-кому несправедливые иллюзии (разочарование пришло к концу 1970-х). Конечно, реформаторскому имиджу Кадара здорово вредила жестокая расправа над И. Надем и для того, чтобы образ венгерского лидера выглядел более неизвестным, приходилось многое, если не все, списывать на Москву³⁰.

Кстати, в решающей роли Москвы не сомневались, как правило, и западные левые. Мать известного русского писателя Виктора Ерофеева, Галина Ерофеева (в 1958 г. жена советского дипломата, работавшего в Париже), вспоминает в своих мемуарах, как крупнейший французский поэт-коммунист Луи Арагон, прочитав в «Юматите» сообщение о судебном приговоре, прибежал в советское посольство возмущенный до глубины души: «Неужели у вас не хватило бы чесноковой похлебки, чтобы прокормить Надя до конца его дней!», — гневно вопрошал он принявшего его атташе по культуре³¹. Инерция такого подхода живет по сей день — достаточно взять в руки нашумевшую биографию Хрущева, принадлежащую перу американского историка У. Таубмана и опубликованную в русском переводе в 2005 г.³² Между тем, эта версия никогда не находила подтверждения в источниках.

Сегодняшний уровень разработки проблемы (в первую очередь в работах Яноша Райнса и Золтана Риппа) дает основания утверждать: позиция Москвы в деле И. Надя не была столь однозначной, как это принято думать, мыняясь с течением времени и находясь к тому же в тесной зависимости от состояния советско-югославских отношений. В начале 1957 г. в Кремле демонстрировали довольно жесткий подход, призывая Кадара усилить вращение маеховика репрессий. Начало судебного расследования по делу Надя было одобрено советской стороной, каждый новый шаг в этом деле согласовывался между Москвой и Будапештом. Вместе с тем

после разгрома в июне 1957 г. внутрипартийной оппозиции Маленкова—Кагановича—Молотова Хрущев значительно укрепил свои позиции в руководстве КПСС, что избавляло его от прежней необходимости и дальше демонстрировать предельную жесткость в венгерском вопросе, дабы нейтрализовать возможные обвинения своих оппонентов в нерешительности и непоследовательности, ведущих к сдаче позиций СССР.

Гораздо более, чем мнение внутри собственной партии, его теперь заботил международный отклик на свои действия, и суд дважды откладывался по инициативе Москвы — именно по тем соображениям, что международная обстановка была не совсем благоприятной для его проведения. Для того, чтобы продемонстрировать всему миру мощь СССР, вполне хватало теперь спутника, запуск которого в начале октября стал главной мировой сенсацией 1957 г. Проведение на этом фоне суда над Имре Надем, напротив, могло несколько подпортить имидж «страны Советов» в глазах тех, кто восторгаясь техническими достижениями СССР, в той или иной мере был склонен распространить свои симпатии и на ее политическую, экономическую систему. Еще важнее, пожалуй, было то, что этот суд мог охладить решимость югославов к сближению с советским лагерем, причем в самый канун международного совещания компартий, намеченного на ноябрь 1957 г.³³

Впрочем, опасения отпугнуть югославов были напрасными, или точнее: перенос процесса не мог повлиять на позицию СКЮ. Ознакомившись с проектом Декларации международного совещания, югославские коммунисты его отвергли, увидев, что КПСС по-прежнему хочет диктовать зарубежным коммунистам свои правила игры. В отношениях двух компартий вновь настало охлаждение и проведение суда над Имре Надем могло теперь оказаться кстати — в случае, если бы в Кремле была избрана установка на дальнейшую эскалацию конфликта. В Москве в ноябре 1957 г. Кадар встретился с лидерами многих компартий и убедился, что идея суда над Надем находит их поддержку как действенная мера во устрашение «ревизионизма». Однако и позже суд переносился — в феврале 1958 г., и вновь по инициативе Москвы, опасавшейся, что процесс по делу Надя испортит впечатление от советской программы мер по разоружению, адресованной Западу.

Янош Райннер еще в работах 1990-х годов выдвинул следующую версию. По его мнению, Кадар в конце зимы 1958 г. оказался в ситуации выбора. Он мог отложить процесс по делу И. Надя «до лучших времен», но мог провести суд, как это было запланировано, в феврале, смягчив в то же время приговоры обвиняемым, прежде всего отказавшись от вынесе-

ния смертных приговоров. В 2003 г. была опубликована краткая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля, подтверждающая это предположение. Суть советской позиции резюмировали всего три слова, зафиксированных ведущим записи зав. общим отделом ЦК В. Малиным: «проявить твердость и великодушие». Как явствует из этих слов, в Москве считали целесообразным, доведя дело до суда, до осуждения венгерских «ревизионистов», все же пойти по пути смягчения приговоров. Венгерский лидер избрал другой путь, сознательно не воспользовавшись представившейся было возможностью компромиссного решения. Этот выбор был, в первую очередь, продиктован соотношением сил в руководстве его партии, и для того, чтобы понять мотивы Кадара, нужно лучше представлять себе этот расклад.

В первые месяцы существования правительства Кадара его положение было предельно шатким, режим опирался почти исключительно на советскую военную помощь. В условиях, когда подавляющее большинство населения выступало за вывод советских войск, восстановление правительства Имре Надя, проведение свободных выборов, сохранение всех основных завоеваний революции, Кадар, ставший орудием осуществления курса на ее подавление, мог найти себе внутреннюю опору прежде всего в рядах своих сталинистов, ностальгировавших по режиму Ракоши. По сути дела он выступал их заложником. Для того, чтобы расширить поле для политического маневра, он должен был не только завоевать более широкую поддержку в обществе, но и укрепить доверие к себе Москвы. Как следует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС от 4 и 6 ноября 1956 г., где Хрущев защищал главу нового венгерского правительства от нападок Молотова, отмежевавшись одновременно от Ракоши, ставка на Кадара была сделана серьезно. Вместе с тем последний не мог не понимать: если его политика не удовлетворит Москву, может реально встать вопрос о реставрации прежней власти. Ракоши, Герс и ряд других бывших лидеров в надежде на свое скорое возвращение в Венгрию и занятие ответственных должностей буквально бомбардировали ЦК КПСС письмами с резкой критикой «правых» ошибок Кадара. Вопрос об их возможном возвращении на партийно-государственный олимп оставался до известной степени открытым вплоть до апреля 1957 г., когда Президиум ЦК КПСС принял решение об ограничении контактов Ракоши с Венгрией, ссылаясь, что его деятельность препятствует укреплению кадаровского режима.

В Москве были в целом удовлетворены ходом венгерской нормализации и выбор в пользу Кадара был сделан в это время окончательно и бес-

поворотно, что явилось первым его серьезным тактическим успехом в отношениях с Кремлем. Но и после того, как Ракоши перешел в СССР по сути дела на положение политического ссыльного, его потенциальные сторонники в руководстве ВСРП продолжали составлять значительную силу. Лишь отчасти ослабил их позицииplenум ЦК КПСС 1957 г., нанесший удар по оппонентам Хрущева в Президиуме ЦК, которые (прежде всего Молотов и Ворошилов) выступали за более активное приобщение людей Ракоши к власти в Венгрии. Проявив предельную жесткость в деле Имре Надя, Кадар в 1958 г. окончательно выбил оружие у своих критиков слева, сторонников полной реставрации той системы, которая была решительно отвергнута венгерским народом в октябре 1956 г. Необходимо также помнить, что Имре Надя до конца своей жизни был бы не только центром притяжения для оппозиции, но и самим своим существованием напоминал бы о нелегитимности прихода Кадара к власти и был в силу этого крайне неудобен для последнего³⁴. Таким образом, советское предложение проявить великодушие не нашло поддержки венгерского лидера. Кадар предпочел перенести процесс, но не переписывать уже разработанный сценарий, по которому Имре Надя предполагалось казнить (К этому можно добавить, что после триумфального для Кадара визита Хрущева в Будапешт в апреле 1958 г. венгерский лидер мог позволить себе большие самостоятельности в принятии внутриполитических решений).

Момент для проведения процесса был выбран наиболее удобный с точки зрения интересов советских лидеров. Мирные инициативы, заставившие Кадара отложить судебный процесс, не нашли ожидавшейся поддержки на Западе, ни сам суд, ни приговор по делу Надя уже никак не могли повлиять на их судьбу. С другой стороны, состоявшиеся советско-югославских отношений к маю 1958 г. достигает низшей своей в послесталинский период отметки, что было связано с принятием в конце апреля на VII съезде Союза коммунистов Югославии новой программы партии, хотя и не ознаменовавшей собой поворота в политике СКЮ, но приведшей в систему многие положения югославской концепции самоуправления, неприемлемой для советских лидеров. К тому же новая программа СКЮ в целом ряде пунктов вступала в противоречие с Декларацией Совещания компартий в ноябре 1957 г. В результате Москвой была развязана довольно шумная пропагандистская кампания антиюгославской направленности, пошедшая на убыль лишь через год, в 1959 г. В отличие от 1948—1949 гг. в ходе новой кампании критика лидеров Югославии удержалась на уровне их обвинений в ревизионизме и национализме, не привела к разрыву дипломатических отношений, о «шпионах», «убийцах» и

«фашистах» во главе этой страны речь уже не заходила — жалая «прощать» «ревизиониста» Тито, в Кремле, однако, не отбросили долгосрочную задачу поддержания со стратегически важной Югославией нормальных партнерских отношений, что заставляло воздерживаться от переговоров в критике. Таков был внешний фон, на котором 15 июня 1958 г. в ходе закрытого суда был вынесен смертный приговор Имре Надю и его соратникам П. Малетеру и М. Гимешу, на следующий день приведенный в исполнение. Г. Лошонци скончался в тюрьме за полгода до суда. Й. Силади был казнен еще в апреле. Б. Кирай, находившийся в США, был приговорен к смертной казни заочно. Другие проходившие по делу Надя подсудимые получили различные сроки тюремного заключения (в начале 1960-х годов практически все они были амнистированы).

Расправа над Имре Надем и его соратниками, ставшая вершиной целой серии судебных процессов по делам участников революции 1956 г., вызвала широкий резонанс во всем мире. Для многих была очевидной несостоительность обвинений против бывшего венгерского премьера, главная «вина» которого заключалась в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, вступавшего в слишком резкое противоречие со сложившейся еще при Сталине и остававшейся в силе и после его смерти практикой отношений внутри советского лагеря.

Как бы там ни было, июнь 1958 г. в известном смысле поставил точку в истории венгерской революции и подвел черту под определенным периодом развития Венгрии в новейшее время; политическая обстановка в стране к этому времени стабилизировалась и для дальнейшей консолидации режима необходима была смена тактики — задачи запугивания беспокорных отходят на второй план, уступая место поискам путей наведения мостов к венгерской нации. Показательно, что казнь Имре Надя почти совпала по времени с публикацией первых документов, заложивших основы кадаровской либерально- pragmaticальной модели социализма, которая отличалась, пожалуй, наибольшей гибкостью в сравнении с другими его реально воплощенными моделями.

1957 и 1958 годы остались черный след в истории Венгрии. Казнь Имре Надя и ряда его соратников, аресты многих тысяч людей стали для кадаровского режима несмыываемым пятном позора. Но с начала 1960-х годов наметился поворот к более либеральной политике, многие находившиеся в заключении участники восстания были амнистированы — приступив к реформаторским экспериментам, кадаровская власть все сделала для того, чтобы вычеркнуть 1956 г. из исторической памяти нации. Но должны были пройти долгие годы, пока Яношу Кадару политикой ус-

тупок и компромиссов, непревзойденным мастером которых он со временем стал, удалось, дав венграм максимум свобод, возможных при однопартийной коммунистической диктатуре, завоевать относительную поддержку в обществе и заставить своих соотечественников признать существующий в стране режим как, возможно, наименьшее среди всех неминуемых зол на пути к построению «светлого будущего».

Став на некоторое время витриной «социалистического содружества», кадаровский режим, как и родственные ему политические режимы в странах Восточной Европы, показал в конечном итоге свою нежизнеспособность. Изменение расклада сил на международной арене, прекращение советского контроля над Восточной Европой способствовали быстрой его трансформации в иное качество. Кончина Кадара в июле 1989 г., символизировавшая завершение целой эпохи в истории Венгрии, почти совпала по времени с перезахоронением Имре Надя. Человек, управлявший Венгрией более 30 лет, еще при жизни мог увидеть сделанный своей нацией выбор в пользу чуждых ему западных моделей, основанных на политическом плюрализме. С 33-летней дистанции стал очевиден парадокс: не будучи в отличие от Кадара сильным практическим политиком и хуже представляя себе пределы возможного, И. Надь, ставший знаменем сил, выступавших в конце 1980-х годов за смену системы, заочно доказал перед Кадаром свою историческую правоту. Главный же вывод, к которому приходишь при прочтении книги Яноша Райнера, таков: политические ошибки И. Надя, его неспособность овладеть ситуацией в трагические дни октября 1956 г. не перечеркивают значения морального примера, который он дал в последние полтора года жизни последовательным отставанием убеждений, в своих основных, наиболее значительных моментах совпадавших с чаяниями венгерской нации.

П р и м е ч а н и я

¹ К созданию этой версии приложил руку небезызвестный автор исторических бестселлеров Э.С. Радзинский в своих жизнеописаниях Николая II, изданных также на Западе. См. также: Кузьмичев П. Если не закрывать глаза // Литературная Россия. 20.XII.1991. С. 22–23. Полемику с Радзинским известного американского историка венгерского происхождения Ч. Гати см.: Гати Ч. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 г. М., 2006. С. 45.

² Заметим, что главный биограф Имре Надя венгерский историк Янош М. Райнер в своих работах даже не удостаивает эту версию вниманием как совершенно несерьезную. Об этом также см.: Макаркин А. Расстреливал ли Имре Надь царскую семью? // Сегодня. 15.VI.1999.

³ См. комментарии в венгерской прессе: Népszabadság. 2.III.1993; 5.III.1993. На русском языке см. следующие публикации: Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. 1993. № 1. С. 71—73; Родина. 1993. № 2. С. 55—57; Имре Надь — провокатор? По архивным материалам КГБ // Стерх. 1992. № 2. С. 24—26; Мусатов В. Л. Кем был Имре Надь? // Обозреватель: проблемы, анализ, прогнозы. Дайджест. Специальный выпуск. М., 1993. С. 71—76; Он же. Кем был Имре Надь. Путь из сексотов в национальные герои // Новое время. 1993. № 19. С. 40—42; Надь был агентом НКВД // Родина. 1993. № 3. С. 65.

⁴ В 1989 г. руководство ВСРП решило не давать этим документам ходу. См.: Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 164—173. См. также интервью В. А. Крючкова газете «Непсабадшаг»: Népszabadság. 14.IV.1993.

⁵ Подобное стремление вполне понятно, учитывая давление вненаучных факторов, в частности большое внимание венгерского общественного мнения к личности Имре Надя, ставшего для многих фигурант знаковой, символом сопротивления сталинскому тоталитаризму и борьбы за национальные ценности. Сам факт обнародования в 1-м томе полной политической биографии Имре Надя документов о его деятельности в качестве агента НКВД (см.: (Rainer M. J. Nagy Imre. Politikai életrajz. Bp., 1996. I. köt. 1896—1953) стал предметом судебных тяжб между Институтом истории и документации революции 1956 года и родственниками И. Надя.

⁶ Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя... С. 167. Не в качестве оправдания И. Надя, но возникает, правда, естественный вопрос: что могло бы ожидать в конце 1930-х годов в случае отказа от сотрудничества с НКВД человека с довольно туманной биографией —долго работавшего за границей, исключавшегося из партии?

⁷ Там же.

⁸ Герасимов В. Венгерский октябрь. Что происходило в Будапеште 23 октября — 4 ноября 1956 г. // Независимая газета. 29.X.1998.

⁹ Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии / Редакторы-составители и авторы комментариев В. Т. Середа и А. С. Стыкалин (при участии Р. Мюллера, А. Дмитриева, Я. Рокитянского). 2-е, исправленное и дополненное издание. М., 2001.

¹⁰ Остается открытым также вопрос: почему документы 1930-х годов из архивов НКВД, компрометирующие Имре Надя, не были использованы против него в 1957—1958 гг. при подготовке судебного процесса.

¹¹ Мусатов В.Л. Трагедия Имре Надя. С. 165.

¹² Такая тенденция в трактовке деятельности Берии проявилась в ряде публикаций, вышедших в дни его 100-летнего юбилея. См., например: Безиргани Т. Лаврентий Берия: сто лет и сто дней // Независимая газета. 3.IV.1999.

¹³ См. запись встречи, выполненную венгерской стороной: T. Varga Gy. Jegyzőkönyv a szovjet és a magyar párt- és állami vezetők tárgyalásairól (1953. június 13—16.) / Múltunk. 1992. 2—3. sz. На русском языке подробно о содержании беседы см.: Мусатов В.Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе

(1956—1981). М., 1996. С. 18—21. См. также субъективное свидетельство тогдашнего лидера Венгерской партии трудящихся (ВПТ): «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3.

¹⁴ Версии о том, что Микоян «верил» Надю и связывал именно с ним надежды на политическую стабилизацию в Венгрии, придерживался, например, бывший председатель КГБ В.А. Крючков (в 1956 г. третий секретарь посольства СССР в Венгрии). См.: Крючков В. А. Личное дело. Часть первая. М., 1996. С. 55.

¹⁵ Дано в изложении посла Ю. В. Андропова, сделавшего запись выступления А. И. Микояна на заседании Политбюро Центрального Руководства ВПТ 13 июля. См.: Исторический архив. 1993. № 4. С. 117.

¹⁶ В основе русского издания (*Rainer M. J. Imre Nádor — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография*. М., 2006) лежит переработанная для издания на английском языке версия биографии И. Надя. Полную версию см.: *Rainer M. J. Nagy Imre. Politikai életrajz*. 1—2. köt. Br., 1996—1999. См. также сокращенную версию на венгерском языке: *Rainer M. J. Nagy Imre*. Br., 2002.

¹⁷ Отношение к Имре Надю находилось в явном противоречии с провозглашавшейся в Вашингтоне установкой делать ставку не на несуществующих (давно уже полностью вытесненных из политической жизни) либералов, а на нечто более реальное — «титоистов», сторонников национального коммунизма, способных дистанцироваться от советской политики.

¹⁸ Был ли Надь действительно властолюбив или оказывался каждый раз на венгерском политическом олимпе только вследствие особого стечения обстоятельств? Ставя этот вопрос, биограф уходит от однозначного ответа на него. По нашему мнению, политическую амбициозность И. Надя не надо приуменьшать. При внешней пассивности все его действия в условиях углубления внутриполитического кризиса летом—осенью 1956 г. свидетельствуют об упорном стремлении добиться возвращения на пост главы правительства с тем, чтобы наконец реализовать свою программу реформ, провозглашенную в 1953 г. Это бросалось в глаза и его политическим противникам, и единомышленникам. См. телеграммы Ю. Андропова от 12 и 14 октября по итогам бесед с Э. Герё и З. Вашем (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 300—304).

¹⁹ См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 077. Оп. 27. Пор. 43. П. 124. Л. 161. Отзыв Дарваша резко контрастировал с отзывом Ракоши, относившимся к 1945 г. «Тов. Надь хорошо развился, имеет большое влияние и очень хорошо понимает сельское хозяйство. Он по существу единственный специалист, который прекрасно понимает вопрос, и наши аграрии иногда с ужасом спрашивали, откуда у вас коммунист, который даже в лошадях понимает. Это для них совершенно непонятно». См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 750. Л. 211—212. Информация М. Ракоши о положении в Венгрии и деятельности компартии Венгрии. На отделе международной информации ЦК ВКП(б) 23 июня 1945 г.

²⁰ «Надь, как дисциплинированный партиец, заставил толпу ждать в течение двух часов, и этих двух часов, похоже, оказалось достаточно, чтобы контроль над событиями — на все время или по крайней мере на несколько дней — выскользнул из его рук», — так впоследствии комментировал события того дня их активный участник Арпад Гёнц, будущий президент посткоммунистической Венгерской Республики. См.: Генц А. Будапешт, 1956... // Новое время. М., 1991. № 35. С. 30.

²¹ Таких людей было немало. Деятель венгерского Союза писателей критик и литературовед И. Кирай говорил 12 июля советскому дипломату о том, что многие венгры считают именно И. Надя «подлинным выразителем чаяний народа». См.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 149.

²² Вскоре после этого, в 1951 г., Надь был вынужден пойти на один из наибольших в своей жизни компромиссов. Иезуитским решением М. Ракоши человека, последовательно выступавший за более щадящие темпы и условия кооперирации, был назначен «по воле партии» отвечать за изъятие продуктов у крестьян в масштабах всей страны.

²³ Применительно к июню 1953 г. вернее было бы говорить не о доверии, а скорее о том, что в Москве считали Надя предсказуемым, учитывая коминформовское прошлое, склонность к компромиссам (проявившуюся и после 1949 г.), и не в последнюю очередь тот факт, что Надь мог действовать только в окружении более надежных с точки зрения советского руководства коммунистов.

²⁴ Колебания нашли отражение в записях заседаний Президиума ЦК КПСС, выполненных зав. общим отделом ЦК КПСС В. Малиным. См.: Советский Союз и венгерский кризис... Раздел III.

²⁵ Позже, в румынской ссылке, Надь писал: «Страны и народы воспримут социализм только если он гарантирует независимость, суверенитет, равенство или если станет отправной точкой на пути к ним. Суть венгерской трагедии состоит в том, что идея социализма и идея национальной независимости вступили в противоречие. Основополагающее значение венгерского восстания заключается в попытке любыми путями устранил это противоречие и восстановить необходимую гармонию этих двух идей» (*Nagy I. Snagovi jegyzetek. Gondolatok, emlékezések 1956—1957 / Szerk. Vida I. Bp., 2006. 127. old.;* цит. по: Райнер М. Я. Имре Надь... С. 237). Оставаясь убежденным коммунистом, Надь называл возврат к многопартийной системе образца середины 1948 г. и альянс с некоммунистическими партиями не только необходимым и неизбежным компромиссом в целях восстановления доверия масс, но и определенным шагом назад.

²⁶ Примерно так расценил действия И. Надя министр культуры в его правительстве, крупнейший философ-марксист Д. Лукач. О позиции Лукача подробнее см.: Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. Гл. 7. Здесь следует заметить, что 31 октября в беседе с представителями Национального комитета Задунайского края Надь говорил о том, что независимости можно в принципе добиться и в рамках Организации Варшавского договора. Однако целый ряд факторов (опубликованная в «Правде» в тот же день Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими государствами, продол-

жавшийся вопреки официальным заявлениям ввод советских войск на венгерскую территорию и, наконец, непрекращавшееся давление повстанцев и более широкого общественного мнения) заставил уже на следующий день выступить с инициативой о разрыве Венгрии с Варшавским договором.

²⁷ Д. Лукач, например, небезосновательно видел в этом всплеск эмоций, не приличествующий серьезной политике.

²⁸ «При всем уважении к добродетели и патриотизму Имре Надя и его коллег, признавая, что первое значительное восстание против советского господства в Европе было тяжелейшим и, пожалуй, безнадежным предприятием, не следует закрывать глаза на неумелость и неуклюжесть венгерского революционного правительства», — отмечает в этой связи Ч. Гати (См.: Гати Ч. Обманутые ожидания. С. 11). «Бесстрашное, бескомпромиссное поведение Надя на судилище, приговорившем его к смерти в 1958 г., не должно затенять того, что, несмотря на благие намерения, он не обладал политическим мастерством, которое могло бы привести революцию к победе. В частности, ему не удалось провести страну между максималистскими ожиданиями борцов за свободу и довольно умеренными требованиями Москвы». (Там же. С. 12).

²⁹ Свидетель венгерской революции польский публицист и поэт В. Ворошильский в послесловии к своему знаменитому «Венгерскому дневнику», написанном 20 лет спустя, в середине 1970-х годов, имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре [1956 г. — А. С.] «вождь нации» Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи — ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией». Цит. по: Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 145—146. На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению И. Дойчера, клеймо *«Made in Stalinism»*, и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму, как он его понимал. Однако общая тенденция эволюции двух режимов была схвачена польским публицистом довольно верно. И вполне закономерен вопрос, которым задавался В. Ворошильский: может быть «именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?» (Там же).

³⁰ См. проявление этой тенденции в книге: Shawcross W. Crime and Compromise. János Kádár and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974.

³¹ См.: Ерофеева Г. Нескучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни. М., 1998.

³² Таубман У. Хрущев. М., 2005 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

³³ Необходимо, конечно, иметь в виду, что, находясь в серьезной внешнеполитической изоляции, режим Кадара, как и Москва, отнюдь не был заинтересован

в обострении отношений с югославами, тем более, что Тито и его команда своим сопротивлением сталинскому диктату в 1948—1953 гг. снискали немалое уважение на международной арене. А потому югославские связи группы Надя не хотели вытягивать в обвинительном заключении. Однако на случай, если вдруг югославские руководители выступят с протестом по поводу осуждения Имре Надя (вопреки договоренности не привлекать его к судебной ответственности), наготове был собранный против них компромат. Был подготовлен проект ноты в адрес правительства ФНРЮ, не только якобы незаконно предоставившего Надю и его группе убежище в своем будапештском посольстве (на самом деле брионские соглашения между Хрущевым и Тито, заключенные в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г., допускали такую возможность — правда, только в случае, если Надя добровольно уступит власть Кадару), но и давшего им возможность вести, находясь в посольстве, подрывную деятельность против правительства Кадара (что вообще было полным вымыслом).

³⁴ Отставке Имре Надя Кадар в первые месяцы консолидации придавал огромное значение, ведь от этого в значительной мере зависело международное признание его правительства (лидер венгерских социал-демократов Анна Кетли, выехавшая на Запад еще в начале ноября 1956 г., проявляла немалую политическую активность в качестве министра «законного» венгерского правительства). И через несколько десятилетий после событий 1956 г. Кадар неустанно возвращался к этой теме. Согласно некоторым свидетельствам, он говорил: «если бы Надь подал в отставку, он ходил бы среди нас». Об этом см., например: *Aczél Gy. Kőzélkép Kádártról // Rubicon*. Вр., 2000. № 6. 7—8.old. Можно вспомнить и о том, насколько болезненно Кадар отреагировал на публикацию в июне 1968 г. чехословацким литературным еженедельником статьи к 10-летию казни И. Надя, в которой последний был назван провозвестником демократического социализма. Эта публикация решающим образом повлияла на эволюцию отношения венгерского лидера к «Пражской весне». Можно вспомнить, однако, и другое. В своих выступлениях периода «Пражской весны», когда у многих напрашивались параллели с начальным этапом венгерских событий 12-летней давности, Кадар по сути дела признал, что Надь стал «контрреволюционером» (в его однозначной интерпретации) в силу обстоятельств. Так, в марте на дрезденской встрече лидеров социалистических стран он говорил о том, что логика развития событий может привести в стан «врагов» и тех, кто, как И. Надь, не был изначально «контрреволюционером». Подробнее о позиции Кадара см.: *Huszár T. 1968. Praga — Budapest — Moszkva. Kádár János és a csehszlovákiai intervenció*. Вр., 1998; Стыкалин А. С. «Пражская весна» 1968 года и позиция Венгрии // Славяноведение. 1998. № 5; *Он же. «Пражская весна» 1968 г. и позиция руководства Венгрии // Международные отношения: Исследовательские практики. Вып. 1. Москва—Ставрополь—Воронеж—Тамбов—Пятигорск. 2007. С. 227—255; Он же. Янош Кадар и «Пражская весна» // Российский Курьер Центральной Европы. Вена—Будапешт. № 11—12, август 2008 г. (www.kurier.hu).*

Б. Й. Желицки

Основные черты российско-венгерских отношений во второй половине XX столетия

Общеизвестно, что для объективного анализа прошлого историку нужны определенная временная дистанция и соответствующая документальная база. Тем не менее возникает потребность и в освещении актуальных, еще незавершенных процессов, которые вызывают живой интерес и требуют рассмотрения. Это касается и вопросов российско-венгерских отношений последних десятилетий, равно, как и их исторических предпосылок. В рамках настоящей статьи ряд аспектов этой большой проблемы можно затронуть лишь постановочно и в тезисной форме. Имеем в виду, прежде всего, социалистический этап межгосударственных отношений, который базировался, как известно, на принципах так называемого пролетарского интернационализма, под знаменем которого произошла неизбежная в тех условиях советизация послевоенной Венгрии, окончательное подчинение ее внешней политики интересам Советского Союза.

После восстановления в 1947 г. государственного суверенитета Венгрия формально вела собственную независимую внешнюю политику, на самом же деле она постепенно была подчинена советским интересам, оказавшись в русле внешнеполитического курса Кремля. Этот детерминант в принципе касался всего обширного региона стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а следовательно, и двусторонних отношений между СССР и Венгрией. К тому же установившийся режим во главе с М. Ракоши полностью скопировал советский образец общественно-политического устройства страны, диктовал соответствующую линию проведения венгеро-советских отношений.

В 1948 г. между СССР и ВНР был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, крепко «привязавший» страну к формирующемуся советскому блоку, нашедшему окончательное оформление с созданием Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ, 1949 г.) и Организации Варшавского Договора (ОВД, 1955 г.). На территории ВНР базировались советские войска, функционировали почти идентичные с советскими порядки. Возможности самостоятельных внешнеполитических действий Будапешта были резко ограничены, фактически сведены на нет.

Такая ситуация давала основание считать, что у Венгрии до осени 1956 г. вовсе не было собственной внешней политики. Советское военное вмешательство в венгерские события, направленное на спасение окончательно обанкротившегося к 1956 г. политического режима, недопущение какого-либо отхода от советского образца социалистического строительства ярко продемонстрировало сущность и принципиальный характер взаимоотношений между СССР и ВНР.

Вслед за подавлением советскими войсками революции 1956 г. в Венгрии между венгерским народом и новой властью, которую по личному выбору Н. С. Хрущева возглавил Янош Кадар, было достигнуто своеобразное молчаливое соглашение, фактически основанное на выполнении части социальных и политических требований, выдвинутых повстанцами в октябре 1956 г. Смена политической элиты ВНР сопровождалась некоторыми изменениями как в стилистике, так и в тональности ее взаимоотношений с советским руководством. Фундаментом, на котором налаживались советско-венгерские связи, точнее отношения верхов, на новом историческом этапе, во многом стали личные контакты и взаимное доверие между Я. Кадаром и Н. С. Хрущевым. Первому удалось добиться у советского руководителя обещания не допустить возвращения в ВНР иенавистного народу и обанкротившегося политика М. Ракоши. Основные параметры и характер официальных межгосударственных отношений, однако, в целом остались прежними. Они строились на принципах, автор которых определялся Кремлем. Он допускал некоторые уступки для кадаровского руководства в целях скорейшей стабилизации положения в стране после прерванной революции и учитывал положения, зафиксированные в двусторонних советско-венгерских и многосторонних договорах в рамках блока.

Первые официальные договоренности, достигнутые между представителями СССР и кадаровской властью Венгрии после подавления революции, нашли выражение в соглашении о реорганизации венгерской армии (воинские формирования которой осенью 1956 г. сначала не вмешивались в развитие революционных событий, а затем поддержали повстанцев и поэтому подлежали замене), а также об узаконении советского военного присутствия на территории ВНР, которые были подписаны весной 1957 г. Стороны считали важным моментом также урегулирование правового статуса «временно дислоцированных» на территории ВНР советских войск. Ведь советское военное присутствие в центре Европы было одинаково важно для Кремля и для правительства Кадара, которое на начальном этапе не могло обходиться без этой опоры. Советские ожида-

ния к новому венгерскому партнеру в лице Я. Кадара, как и межгосударственные и межпартийные отношения в целом, фактически оставались прежними. Они сохранили бытую систему подчиненности внешнеполитического курса Венгрии советским и блоковым интересам, оставляли в силе неписаный порядок предварительного согласования с Москвой всех действий новой венгерской власти во внутренней и внешней политике. И это, как правило, соблюдалось Будапештом, где по-прежнему не ставили под сомнение никакие советские приоритеты, включая определение общего курса внешней политики страны и блока в целом.

Основные принципы и приоритеты венгерской внешней политики довольно четко впервые были публично сформулированы Я. Кадаром в ноябре 1966 г. на 1Х съезде ВСРП. Среди них первое место занимала защита «суворенитета» страны перед лицом поползновений сил империализма, на втором — укрепление единства социалистических стран, и прежде всего отношения с СССР, на третьем — солидарность с международным рабочим движением. Среди этих направлений и приоритетов особый акцент всегда придавался верности Советскому Союзу и союзническим обязательствам. Кстати она нашла яркое выражение в известной крылатой фразе Кадара о том, что «антисоветского коммунизма не было, нет и никогда не будет»¹.

Двусторонние отношения между ВНР и СССР в «эпоху Кадара» долгие годы развивались на этой принципиальной основе. Благодаря окрепшему доверию советского руководства к Я. Кадару, венгры вскоре после революции получили возможность посещать западные страны, а в 1960-е годы первыми начали небезызвестный эксперимент по частичному реформированию социализма в ВНР («реформа экономического механизма» 1968 г.), по выдвижению двух, а затем и нескольких кандидатов в депутаты на одно место во время выборов в парламент и пр. Почти параллельно с этими экспериментами Будапешт завоевал себе право на самостоятельные внешнеполитические акции, правда, лишь в направлении стран «третьего мира». Подобные действия по развитию контактов с индустриально развитыми странами могли проводиться только с серединой 70-х годов прошлого века, когда после Хельсинки новым элементом международной политики стал принцип «мирного сосуществования» стран с различным общественно-политическим строем. Фактически лишь он позволил приступить, — естественно, по-прежнему после предварительного согласования с Москвой, — к постепенному расширению контактов в западном направлении, к восстановлению десятилетиями

прерванных связей. Несколько сложнее было налаживать отношения с Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком.

Достаточно отметить, что венгерские начинания такого рода встречали возражения или даже сопротивление со стороны брежневского руководства. Москва противилась тому, чтобы его партнеры по восточному блоку устанавливали и развивали самостоятельные контакты с Западом, она стремилась тормозить или даже пресечь в зародыше такие инициативы, особенно, если они были направлены на установление прочных связей с международными валютными организациями. И происходило это неизврая на то, что валютные средства были весьма необходимы для стабилизации венгерской экономики и упрочнения коммунистического режима, т. е. в конечном счете всей системы. В валютных вливаниях остро нуждались не только экономика ВНР, но и программы в рамках СЭВ. Во всяком случае советское руководство дважды, в 1967 г. и в марте 1979 г., отказалось Будапешту в попытках вступить в международные финансовые организации, опасаясь, что это может привести к уходу Венгрии из социалистического лагеря.

Между тем в развитии советско-венгерских отношений было и немало ярких страниц. В сентябре 1967 г. был продлен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ВНР на новый 20-летний срок, подписанный лидерами партий и правительства двух стран — Л. И. Брежневым и Я. Кадаром, а также А. Н. Косыгиным и Е. Фоком. Особым проявлением доверия Кремля к Кадару можно считать предоставленную для ВНР возможность начать с 1 января 1968 г. проведение из ряда вон выходящего экономического эксперимента — реформы экономического механизма, — с использованием элементов рынка и материальной заинтересованности для трудящихся. Реформа стала одной из замечательных страниц эпохи советско-венгерских отношений. И это, несомненно так, несмотря на те затруднения и проблемы, которые возникли на путях ее реализации. Ведь венгерская реформа получила «зеленый свет» вскоре после того, как были остановлены реформаторские начинания советского премьер-министра А. Н. Косыгина. К ним среди опасавшихся реформ партийных советских политиков особые возражения предъявлял побывавший на посту советского посла ВНР, а с 1967 г. занимавший должность руководителя КГБ СССР Ю. В. Андропов, который ссылаясь на опыт реформ Имре Надя в 1953—1955 гг., вместе с ретроградным окружением Брежнева заговорил об опасности «размытия нашего социально-политического строя»².

Венгерская реформа, инициаторы которой с 1966 г. испытали ее основные параметры в сфере сельского хозяйства были, однако, начата с 1 января 1968 г. во всей экономике ВНР. Преобразования ширились, пока чехословацкие экономисты и политики не взялись за комплексную реформу, вызвав тем самым новую волну опасений консервативных сил в КПСС и в некоторых других «братьских» партиях, вовсю отвергавших целесообразность реформы. Прага, в отличие от Будапешта, не имела печального опыта 1956 г., она не учла, что попытка самовольного видоизменения не только экономики, но и политической сферы, стремление к «социализму с человеческим лицом» может означать конец «пражской весны». А он наступил. Эксперимент был сорван вторжением в Чехословакию войск ОВД. Поражение Праги отразилось и на судьбе венгерской реформы, которая, на первый взгляд, хотя и не затрагивала область политики и оставалась в рамках экономики, по нарастающей ощущала на себе гнетущую атмосферу и оказалась не в состоянии противостоять напору антиреформаторских сил, потому была спущена на тормозах. И в этом, наряду с внешними факторами, «товарищеской критикой» со стороны советского руководства³ сыграли свою роль доморощенные партийные консерваторы.

Характерно, что в СССР подлинный интерес к использованию опыта венгерской реформы дал о себе знать лишь после того, как, невзирая на возможные возражения Кремля, руководство ВНР уже в осложненных кризисных условиях было вынуждено обратиться к ее реанимации. Тогда и сам Ю. В. Андропов уже в роли нового лидера КПСС, столкнувшись с застойными и кризисными явлениями в советской экономике, поменял свое отношение к реформам и назвал венгерский опыт «нашей коллективной ценностью», отметив, что в СССР также ведется активная работа в этом направлении⁴. Время, однако, уже было упущенное, наверстать которое лишь пытался, но не успел ни он сам, ни его преемник. Назревал и стремительно углублялся кризис, охвативший не только сферу экономики, но и всю социалистическую систему, отразившись также на взаимоотношениях между странами, на их сотрудничестве по линии СЭВ.

Коренной перелом в характере взаимоотношений между СССР и странами социализма произошел уже в условиях середины 80-х годов. Он был связан с наступившими изменениями в мировой политике и логически вытекал из нового политического курса М. С. Горбачева. Наряду с общей ориентацией мировой политики на разоружение, благодаря горбачевской перестройке, гласности, возросшей открытости и новому политическому мышлению, во взаимоотношениях СССР со странами «реального социа-

лизма» появились принципиально новые черты. Правда, произошло это уже в годы глубокого экономического и общесистемного кризиса социализма, когда сама ситуация заставляла совершать эти шаги. Горбачев и возглавляемое им обновленное советское руководство начали отказываться от прежней политической практики, от патернализма и «доктрины Брежнева» во взаимоотношениях со своими партнерами по блоку, решившихся предоставлять последним реальную свободу и самостоятельность во внутренней и внешней политике.

Хотя политические лидеры некоторых социалистических стран Европы и не сразу это и осознали, — сомневаясь в возможностях открытой политики Москвы и продолжая удовлетворяться ожиданием очередных директивных указаний от «старшего брата», а отдельные из них, будучи неспособными меняться, сами не желали перемен и отказывались от неожиданно предоставленной свободы возможности, — новая советская политика стала реальностью. Москва избрала курс невмешательства во внутренние дела своих союзников, нацеливала их на обновление и перемены, на суверенные действия во внешней политике. Вся дальнейшая политическая практика нового советского лидера и начавшиеся в «содружестве» изменения показали, что провозглашенные Горбачевым принципы и намерения вовсе не пустые слова, а сама действительность.

Выступая 23 апреля 1985 г. на пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев выказался за «всемерное совершенствование и обогащение сотрудничества и развитие всесторонних связей с братскими странами социализма⁵. В последствии он признавал, что «доктрина Брежнева» хотя никогда не выдвигалась официально, все же «определяла суть советской позиции»⁶. Новая внешнеполитическая доктрина советского лидера базировалась на «уважении прав каждого народа суверенно избрать пути и формы своего развития»⁷. Впрочем, тезис о праве выбора собственного пути развития был зафиксирован им еще летом 1986 г. в записке для политбюро ЦК КПСС «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества с социалистическими странами»⁸. Документ нацеливал на «подлинный перелом во всей системе сотрудничества с союзниками и со всеми государствами мирового социализма». Решаясь на эти новые для советской политической практики шаги в отношениях и отказываясь от прежней процедуры обязательных консультаций и согласований, Москва стремилась улучшить свои отношения с партнерами по «социалистическому содружеству». Возвращая им полноту самостоятельности и суверенитета, советский лидер, разумеется, рассчитывал на укрепление своего авторитета и позиций СССР в мире.

На этом фоне, в контексте новой горбачевской политики начался качественно новый этап и в советско-венгерских отношениях. О новациях советской внешней политики Будапешту сообщил и лично М. С. Горбачев, посетив Венгрию 10—11 июня 1986 г. Он призвал венгерское руководство к «коренной перестройке во всей системе межгосударственных отношений», т. е. сам нацелил венгров на свободный выбор собственного пути. Позже, встречаясь 25 марта 1987 г. с министрами иностранных дел стран — членов ОВД, он для всех повторно подчеркнул, что «Советский Союз не претендует на какую-либо монополию в отношениях, хотя понимает, какое место он занимает, как велика его ответственность и влияние». Собственно, эти слова, озвученные М. С. Горбачевым, как ранее, так и тогда, являлись отказом от монополии СССР на истину.

Кадаровское руководство Венгрии, отношения которого с СССР, как правило, всегда отличались уравновешенностью, восприняло горбачевские новации с удовлетворением и на начальном этапе даже с большими надеждами. Между Горбачевым и Кадаром, несмотря на возрастные различия, сложились уважительные отношения, хотя об особой привязанности друг к другу двух ведущих политиков вряд ли можно говорить. Видимо поэтому не вызвал осложнений или каких-либо возражений со стороны Москвы уход Кадара с поста руководителя партии весной 1988 г., равно как и одновременная замена значительной части венгерской партийной элиты, ведь процесс обновления и омоложения руководства также органически вписывался в концепцию молодого и динамичного советского руководителя. Межгосударственные и межпартийные контакты, как и прежде, оставались ровными и выдержаными, продолжали развиваться.

Поиски выхода из кризиса, растущая потребность в модернизации и коренных демократических переменах всей политической надстройки и в СССР, и в ВНР во второй половине 1980-х годов, стремительные и неудержимые сдвиги в этом направлении отразились на процессе корректировки как внутриполитического, так и внешнеполитического курса обоих государств, а в конечном счете и на российско-венгерских отношениях в целом. В Венгрии в 1988—1989 гг. опережающими советскую перестройку темпами развернулся процесс политической демократизации, произошло непредвиденное Москвой и неуправляемое «забегание вперед» в виде начавшегося соперничества ряда политических партий, открыто конкурировавших с ВСРП. Их появлению и активизации безусловно способствовала как международная обстановка, так и радикально менявшаяся общеполитическая атмосфера демократизации общественно-политической жизни в самой Венгрии. Последняя благоприятствовала рос-

ту демократических сил сначала в самой правящей партии, а затем и за ее пределами, в форме появления альтернативных, оппозиционных движений и партий. В самом начале 1989 г. демократические силы в ВСРП пошли на переоценку событий 1956 г., признав их народным восстанием⁹, что вызвало в высшем политическом руководстве Москвы тревогу и озабоченность, так как советское воинное вмешательство уже было исключено ибо теперь рассматривалось бы в совершенно ином ракурсе. Получив от ученых-историков ряда научно-исследовательских институтов Академии наук убедительные и обоснованные аргументы, ни Кремль, ни Старая площадь не решились опровергнуть выводы исторической комиссии ВСРП, но недовольство по этому поводу у них, безусловно, сохранилось. Уже не говоря о происшедшем вскоре очередном изменении статуса событий осени 1956 г., когда утвердились их официальное название как революции. Признание этого факта, конечно, представило в совершенно ином свете так называемую интернациональную братскую помощь, оказанную существовавшему режиму советскими войсками. К тому же правящая ВСРП, которая в новых исторических условиях стремительно теряла свое влияние в массах, оказалась вынужденной еще летом 1989 г. сесть за стол переговоров с представителями оппозиционных партий и движений и пойти с ними на договоренность об обеспечении мирных условий перехода к плюралистической демократии.

Сложившаяся ситуация, несмотря на предоставленную Москвой свободу действий во внутривенгерском обустройстве ВНР, все же не могла не вызвать особую озабоченность высшего советского руководства, которое пристально следило за дальнейшим развитием событий в стране, но придерживалось соблюдения обещанного невмешательства в развитие событий. Это не исключало, однако, того, чтобы глава МИД СССР Э. А. Шеварнадзе, находясь в Будапеште летом 1989 г., все же считал нужным предостеречь венгерское руководство, убеждая его в необходимости обеспечить даже при формировавшейся многопартийной системе ведущую роль в стране за ВСРП. Подобную озабоченность развитием ситуации выразил и сам М. С. Горбачев в адрес колективного руководства ВСРП во главе с Реже Нершем, отмстив, что проводимые реформы не должны означать сдачу компартии своих позиций и она должна остаться «одной из основополагающих сил» в обновленной политической структуре страны, а сближение с Западом не должно означать отказа от дружбы с СССР¹⁰. Советский руководитель (он очевидно, запомнил известное высказывание Кароля Гроса, который после ухода Кадара в 1988–1989 гг. осуществлял руководство ВСРП и на одном из партактивов сослался на

возможность наступления реакции, остерегая от угрозы анархии) предупредил его также о «недопустимости анархии». Тем не менее советская оценка развернувшихся демократических перемен Венгрии, судя по газете «Правда», была достаточно выдержанной и по тональности спокойной. Она отмечала, что венгерские процессы «базируются на принципах демократического социализма, многопартийной парламентской системы и рыночного хозяйства с определяющей ролью общественной собственности»¹¹. Советская пресса — газеты «Правда», «Известия», журнал «Коммунист» — все чаще освещали происходящие в Венгрии перемены, отмечая их развитие по собственной логике.

В условиях демократизации общественно-политической жизни, но еще до смены последнего коммунистического правительства, возглавляемого молодым премьер-министром Миклошем Неметом, т. е. до наступления кардинальных перемен в политическом обустройстве страны, в ее внешней политике, а равно и в венгеро-советских отношениях появились и некоторые новые элементы и принципы. Так, это переходное правительство, освободившись от прямой партийной зависимости, начало утверждать полноту государственного суверенитета, и первым делом поставило вопрос о выводе советских войск с территории Венгрии, а также стало активизировать контакты с западными государствами. И это закономерно, ведь фактор присутствия иностранных войск на территории страны в глазах венгров ущемлял ее суверенитет, а многолетняя оторванность, вынужденная изоляция от Западной Европы обусловила возрождение идеи «возвращения в Европу». Такой подход, разумеется, не предусматривал какого-либо разрыва связей между ВНР и СССР, а затем с будущей демократической Россией. Венгерская внешняя политика на том этапе придерживалась концепции, которая исходила из того, что ВНР может выполнять роль посредника, своеобразного «моста», связывающего Восток с Западом. Правда, как показала реальная политическая практика, СССР, а позже и суверенная Россия особо не нуждались в таком посреднике, предпочитая самостоятельные контакты с Европой и США.

Конкретными проявлениями венгерской политики по наведению «моста» между Востоком и Западом, равно как и демонстрацией ее внешнеполитической самостоятельности в духе горбачевского курса, можно считать демонтаж части пограничных заграждений между ВНР и Австрией и проведение на венгер-австрийской границе 19 августа 1989 г. Паневропейского пикника, во время которого сотни туристов из ГДР пересекли границу и сбежали в ФРГ. Напомним, что это было время, когда в странах Восточно-Центральной Европы отдыхали сотни тысяч восточ-

ных немцев, которые не пожелали возвращаться на родину. Венгрия таким образом оказалась одной из первых стран восточного блока, МИД которой столкнулся с непривычной для себя проблемой, которую необходимо было решать.

У посольства ФРГ в Будапеште вскоре скопилось более 65 тыс. туристов из ГДР, требовавших, чтобы их выпустили в ФРГ (впрочем, вскоре схожие акции состоялись также в Праге и Варшаве). Необычный случай массового скопления иностранных граждан, «штурмовавших» охраняемое представительство другого государства, требовал неординарного подхода, и правительство ВНР решилось на очередное самостоятельное действие. Вопреки обязательствам 1967 г. перед ГДР не выпускать ее граждан в третью страны, оно 25 августа, после консультаций с руководством ФРГ, оно решилось открыть 10—11 сентября свои границы для выезда восточных немцев через Австрию в Западную Германию. Характерно, что это было сделано несмотря на активный протест со стороны Берлина и Праги, которые особенно настаивали на том, чтобы Будапешт применил силу против туристов из ГДР. Венгерский МИД накануне принятия решения все-таки счел своим долгом предупредить и Москву о возможном развитии событий. Э. А. Шеварнадзе, фактически вновь подтвердив горбачевский курс невмешательства, и в данном случае дал такой ответ: «Это дело касается только Венгрии, ГДР и ФРГ»¹².

На завершающем этапе коммунистической эры ни политические, ни внешнеторговые отношения между СССР и ВНР не претерпели каких-либо кардинальных изменений, они продолжали развиваться. Объем торгового оборота между странами в 1980-е годы стабильно составлял 8—10 млрд. переводных рублей, достигая своего максимума к концу периода¹³. В 1989 г. Шеварнадзе предпринял попытку добиться от руководства ВСРП нового, повторного подтверждения «союзнических обязательств» ВНР на будущее, стремясь получить гарантии, что не только компартия, но и оппозиция будут готовы признать принадлежность Венгрии к ОВД и СЭВ¹⁴. Такое обещание было ему дано Р. Нершем условно, ибо положение самой ВСРП становилось нестабильным. Венгрия, как до этого, так и далее стремилась к реформированию СЭВ, но хотя ее инициатива получила поддержку Москвы, предложение в целом встретило ярое сопротивление со стороны отдельных, отвергавших реформу, стран-членов этой организации.

Предполагались переговоры и по линии ОВД (во всяком случае об этом свидетельствует записка советника Горбачева, Г. Х. Шахназарова, от 14 октября 1989 г.), Москва склонялась к выводу советских войск из со-

циалистических стран к 50-летию окончания Второй мировой войны. Но по данному вопросу венгерская дипломатия уже вела двусторонние закрытые переговоры, а в конце октября 1989 г. на совещании министров иностранных дел стран-членов ОВД обнародовала этот факт. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. и начавшийся процесс объединения Германии лишь ускорили развитие событий и фактически сделали пребывание советских войск на территории страны «анахроничным». На очередной встрече глав правительств стран «соцсодружества» премьер-министры двух стран Н. И. Рыжков и М. Немет публично и вместе признали дальнейшее пребывание советских войск за рубежом не оправданным ни с политической, ни с военной точки зрения¹⁵. Сама ситуация требовала конкретных действий. В декабре 1989 г. министр обороны маршал Советского Союза Д. Т. Язов объявил об «одностороннем» выводе с территории Венгрии 6 тыс. советских военнослужащих из находившегося там контингента в 60 тыс. человек. Переговоры сторон, однако, по настоянию венгерской стороны в январе 1990 г. были продолжены. В марте они завершились подписанием советско-венгерского соглашения о полном выводе всех советских воинских формирований с территории ВНР до 30 июня 1991 г.

К окончанию вывода советских войск из Венгрии в стране сменилось правительство. Весной 1990 г. прошли первые демократические выборы в парламент на многопартийной основе, было сформировано новое коалиционное правительство, которое внесло свои корректировки во внешнеполитический курс государства. В нем были обозначены собственные внешнеполитические приоритеты, которые обнародовал глава первого независимого демократического правительства страны Йожеф Анталл. Новая внешнеполитическая доктрина была направлена на сбалансированное развитие отношений ВНР со странами и Востока, и Запада. Ее суть и новизна нашли выражение в таких новых приоритетах, как: 1) стремление к сближению со странами Запада и восстановление с ними полноценных отношений (они на протяжении 40 лет практически отсутствовали, предполагалось их сбалансированное выравнивание вместо прежнего определяющего влияния СССР); 2) участие в работе западных экономических и политических организаций; активизация центральноевропейского регионального сотрудничества; 3) поддержка венгерского национального меньшинства в сопредельных странах и эффективная защита его интересов (заявление Й. Анталла по ТВ: «Я в душе чувствую себя премьер-министром 15 млн. венгров», тогда тут же было ложно истолковано в некоторых сопредельных странах).

Новые внешнеполитические приоритеты Венгерской Республики не означали отказа ее дипломатии от развития сотрудничества в восточном направлении. Наоборот, новая Венгрия стала тем государством, которое еще в бытность СССР, но уже при проявившихся симптомах начавшегося распада и национального возрождения России, сделало решительный шаг на путях установления официальных связей с Российской Федерацией, она первой из зарубежных стран подписала с ней межгосударственный договор. 6 декабря 1991 г. находившийся в Москве премьер-министр Й. Анталл провел отдельные переговоры с Президентом России Б. Н. Ельциным. Стороны уже тогда договорились об установлении новых демократических норм российско-венгерского сотрудничества. Достигнутая договоренность означала отказ от прежней системы взаимоотношений, от принципов пролетарского интернационализма. Стороны решили наладить новые равноправные отношения между Россией и Венгрией. Переговоры завершились подписанием протокола об установлении дипломатических отношений, был заключен рамочный (базовый) договор о сотрудничестве и равноправных отношениях.

Венгрия, таким образом, стала первой страной, которая установила с Россией межгосударственные отношения нового типа. Недаром первый Президент РФ Б. Н. Ельцин, посетив в ноябре 1992 г. Венгрию с ответным официальным визитом, отмечал: «Первый договор свободная, самостоятельная Россия подписала, когда сцена был Советский Союз, именно с Венгрией. И это запомнит история». Выступая в венгерском парламенте 11 ноября, он извинился за вторжение советских войск в Венгрию в 1956 г. и призвал «наполнить новые времена новым содержанием», а сотрудничеству «придать качественно новый динамизм»¹⁶.

Однако хорошие намерения, многообещающее начало двусторонних российско-венгерских отношений, основы которых были заложены этим межгосударственным договором, по ряду причин не получили ожидаемого продолжения и соответствующего наполнения конкретным содержанием. Как Венгрия, так и Россия поторопились обратить свои взоры прежде всего на Запад и, отдавая приоритет связям на этом направлении, фактически забыли друг о друге. На передний план у каждой из них выдвинулись свои внешнеполитические приоритеты и интересы. Если Венгрия, как и другие страны Восточно-Центральной Европы, в пылу постреволюционной эйфории и начавшихся перемен увлеклась идеей «возвращения в Европу», вхождением в «Общеевропейский дом», то Россия, ее внешняя политика была нацелена на прямые контакты с великими державами Западной Европы и США.

Российская дипломатия на некоторое время напрочь забыла о постсоциалистическом пространстве Европы, по не менее пассивно если себя и страны этого региона, предпочитая дистанцироваться от России и строить свои отношения в основном с Западом. Не стала объектом внимания молодой российской дипломатии и Венгрия, подписавшая с Россией первый межгосударственный договор с намерениями активизации сотрудничества. Ситуация привела к стагнации и их взаимоотношений, которые по инерции еще продолжали развиваться, но фактически также перешли в режим сокращения в сфере экономических связей.

Произошло это в довольно непростые, как для России, так и для российско-венгерских отношений времена. Положение осложнялось тем, что Верховный Совет СССР, а затем и Госдума РФ фактически из-за простого упоминания в пресамбуле российско-венгерского договора о венгерской революции 1956 г. отказывались на протяжении пяти лет ратифицировать первый равноправный межгосударственный договор России, что явно свидетельствовало о консервативности высшего законодательного органа страны. Данное обстоятельство хотя и не смогло остановить, но все же препятствовало нормальному развитию российско-венгерских отношений. Позиция законодательного органа РФ в вопросе ратификации договора, — которая коренным образом отличалась от намерений исполнительной власти страны, — давала основание сомневаться в признании российскими партиями и политиками полного равноправия и суверенитета новой демократической Венгрии, служила почвой для разговоров об «имперских амбициях». Ситуация ведь не позволяла ссылаться только на неповоротливость чиновнического аппарата. Времена, конечно, были тяжелые, кризисные, — август 1991 года (ГКЧП), угроза смуты, известные события осени 1993 года. Нестабильная и непредсказуемая ситуация начала — середины 1990-х годов в СССР и РФ настораживала, если не сказать пугала общественность сопредельных государств. Она не могла не вызвать озабоченность и у новой политической элиты Венгрии, толкая ее на поиски не просто новых партнеров, но и потенциальных союзников на Западе, способных в случае советских реставрационных устремлений стать ее опорой для защиты суверенитета страны. Из сказанного вытекает, что корректировка внешнеполитических намерений, модификация в bipolarной ориентации Венгрии наступили не только под влиянием затянувшейся ратификации российско-венгерского договора, а в результате целого комплекса факторов, исходивших от внутриполитической нестабильности в России, а также развернувшейся в со-

предельной Югославии войны, которая стала источником потенциальной угрозы для безопасности Венгрии.

Политическая элита новой России, судя по высказыванию российского президента в венгерском парламенте 11 ноября 1992 г., с самого начала 90-х годов прошлого века ощущала, что бывший социалистический регион, вместе с Венгрией, уходит от нее. «Мы упустили страны Восточной и Центральной Европы. У нас образовался вакуум в отношениях с ними, — откровенно признавал Б. Н. Ельцин. — И нам надо быстро не только наполнить вакуум, но и развивать наши отношения дальше»¹⁷. Перелома ситуации, однако, и на сей раз не наступило. Бывший социалистический регион Европы по ряду причин еще долго продолжал оставаться вне зоны активных политических действий российской политики. Дипломатия РФ довольно долго и не спеша выходила из состояния пассивного политического безразличия и бездействия в регионе. Благие намерения, конечно, были, но в сложных российских условиях они по ряду причин не реализовались.

Москва долго продумывала и определяла свои внешнеполитические приоритеты. В начале 1990-х годов они находились лишь в стадии формирования. Так, в конце 1992 г. был обсужден проект Концепции внешней политики РФ, где намечалось вывести политические и экономические отношения с бывшими соцстранами (которые упорно имновались еще Восточной Европой) «на качественно новый уровень» и «использовать наработанный прежде позитивный багаж в практических вопросах сотрудничества». Ставилась стратегическая задача помешать «превращению Восточной Европы в буферный пояс, изолирующий нас от Запада», подчеркивалась недопустимость «вытеснения России западными державами из восточноевропейского региона»¹⁸. Документом намечалось налаживание партнерских отношений с этими странами. После обсуждения проекта 23 апреля 1993 г. президент РФ утвердил «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации». Контакты со странами восточной части Центральной Европы в них признавались одним из приоритетных направлений внешней политики России. Ставились задачи преодоления кризисных явлений в отношениях, сохранения хозяйственных, культурных, человеческих и прочих связей, придания нового импульса сотрудничеству «в соответствии с новыми условиями и российскими интересами»¹⁹.

Отношения новой России с постсоциалистическими странами, как подчеркивал глава российского МИД А. В. Коzyрев в ноябре 1993 г. на заседании Совета по внешней политике, складывались «не просто с нуля,

а с минуса». Конечно, данную формулировку с учетом первого межгосударственного договора с Венгрией, не совсем правомерно применять к российско-венгерским отношениям, хотя для региона в целом она справедлива. В российско-венгерских отношениях, однако, также накопились «завалы», которые необходимо было расчистить (здесь достаточно напомнить о затянувшемся на долгие годы возвращении Венгрии существенного долга, оставшегося в наследство от СССР, о продолжительных спорах и взаимных претензиях вокруг собственности и экологического ущерба после вывода советских войск из Венгрии и пр.). Были и другого рода трудности, расхождения намерений и пожеланий с реальной политической практикой, которые преодолевались сообща. Козырев на Совете говорил о задачах по «активизации внешней политики в этом регионе», отмечал, что у России со странами региона налицо «общность демократических устремлений, желание быть в стабильной Европе». Россия заинтересована в том, подчеркнул министр, чтобы бывший социалистический регион «стал не барьером, а мостом в Западную Европу»²⁰. Слова министра выражали благие намерения МИД и президентской власти в отношении региона, однако, конкретных действий последовало мало.

Говоря об отношении России к постсоциалистическому региону в 1990-е годы, следует хотя бы кратко сказать о «восточноевропейской политике» российских партий, поскольку она затрагивала и отношения с Венгрией. Большинство партий по сути не имело такой политики. У них не было четких представлений о процессах, происходящих в регионе, тем более единой позиции в вопросе об отношениях со странами новой европейской демократии. Но значительная часть российских партий застряла на догорбачевском подходе к данному региону, сохранила исккий «постсоветский геополитический комплекс», особенно ярко выразившийся в думских выступлениях о недопущении бывших соцстран в западноевропейские структуры. Реагируя на такой подход, председатель Комитета по международным делам Госдумы В. П. Лукин не без основания отмечал, что «делать вид, будто ничего не случилось, что мы можем по-прежнему вести себя, как СССР — невозможно». Он утверждал, что «первоначальная апатия и последующие шарахания российской дипломатии на этом направлении привели к утверждению в Центральной Европе неблагоприятных для России тенденций... идет переориентация на Запад, страны рьяно рвутся в НАТО»²¹. Депутат призвал активизировать, наконец, действия МИД с тем, чтобы бывшие социалистические страны стали для России не санитарным кордоном, а связывающим звеном с Западной Европой. Однако остановить процесс устремления этих стран в НАТО

средствами дипломатии, как предлагал российский политик, тогда уже не удавалось, а неуклюжие, временами агрессивные, шумные пропагандистские акции представителей различных политических партий лишь усиливали их решимость к вступлению в Североатлантический союз.

Венгрия, освободившись от советской опеки и восстанавливая свои полнокровные связи со странами Запада, какое-то время еще вынашивала идею нейтралитета страны по австрийскому образцу, но затем под влиянием быстро менявшейся обстановки в Европе, с учетом реальных возможностей подключения к западному сообществу, взяла курс на вступление в европейские структуры. Уже в условиях развернувшегося вывода советских войск с территории Венгрии (процесс завершился к июню 1991 г.) и восстановления ее полного государственного суверенитета премьер-министр Й. Антал сразу же после смены политического строя в стране, в мае 1990 г., во внешнеполитической программе правительства наметил курс на сближение страны со всеми европейскими структурами, включая НАТО. В условиях, когда рядом с Венгрией разразился балканский кризис, переросший в братоубийственную войну, а в СССР уже назревал процесс распада с непредсказуемостью и потенциальной угрозой смуты, и об опасности возврата к прошлому усилиями «красно-коричневых» сказал и глава МИД РФ А. Козырев (в декабре 1992 г. в Хельсинки), если даже не напоминать о прочих неблагоприятных факторах, становится понятным, что для Венгрии и ее новой политической элиты реализация задачи по поиску нового союзника, надежной внешней опоры становилась насущной потребностью.

В промежутке было время, когда группа стран «новой демократии» — Венгрия, Польша и Чехословакия — делала шаг к самостоятельному сплочению, создав собственное региональное объединение, Организацию Вишеградского сотрудничества. Но образование «вишеградской тройки» была встречена Москвой ревностно и с опасением, хотя она и не представляла для нее ни экономической, ни военной угрозы. Новое центральноевропейское объединение к тому же оказалось не достаточно сплоченным, среди стран-участниц сразу же развернулось соперничество за приоритет вступления в западные союзы. Этот и другие факторы европейской политики, а среди них события в России, лишь ускорили стремление названных стран к вступлению в НАТО. Не без основания отмечал впоследствии бывший министр иностранных дел Венгрии Геза Есенски, что «в результате попытки августовского путча 1991 года концепция скорейшего вступления в НАТО усилилась»²².

Желание Венгрии и других бывших союзников СССР по восточному блоку стать членами НАТО и Евросоюза, процесс их входления в западные объединения и вообще расширение этих структур на восток, вызывали у политических сил России опасение и открытое недовольство, получившись выражение в исодиократных заявлениях представителей различных политических партий РФ. Данные заявления, попытки помешать реализации устремлений Будапешта, Варшавы и Праги на Запад вызывали у них ответную реакцию. Они увидели в этом «ущемление своих суверенных прав и проявление имперских амбиций» России. Следует отметить, что Будапешт в этом, временно резко обострившемся споре партнеров занимал наиболее мягкую и гибкую позицию, выступая за конструктивный диалог и добиваясь сближения демократической России с европейскими структурами.

Оставаясь страной неконфликтной и предсказуемой, в политическом отношении стабильной, Венгрия в условиях исторического перелома конца 80-х и в 90-х годы XX века, т. с. в самых сложных моментах испытаний, не прекратила своего сотрудничества с Россией. У Венгрии и России и ныне, в начале XXI в. остается немало сфер соприкосновения и плодотворного взаимовыгодного сотрудничества. Касается это как двусторонних отношений, так и содействия на международной арене в решении проблем, представляющих взаимный интерес. К последним, среди прочих, можно отнести такую деликатную сферу, как защита прав национальных меньшинств. Первый шаг в данном направлении Россия и Венгрия сделали 11 ноября 1992 г., подписав в Будапеште венгеро-российское заявление о защите прав национальных меньшинств. Этот начальный шаг был далеко не случайным, ведь именно Россия и Венгрия имеют за пределами своих современных государственных границ наибольшее число соплеменников (соответственно около 25 млн. человек и 3,5 млн.), искусственно отделенных от материнской нации.

Как известно, этнические, языково-культурные и правовые интересы этих «отколотых» этнических массивов передко ущемлялись и явно нуждаются в более эффективной защите в тех сопредельных государствах, в которых они оказались. К сожалению, российско-венгерское сотрудничество в этом важном вопросе не получило достойного продолжения. Россия и Венгрия могли бы объединить свои усилия в интересах выработки и принятия соответствующих международных правовых актов, обеспечивающих эффективную защиту как индивидуальных, так и коллективных прав для тех миллионов русских и венгров, которые не по сво-

сий воле оказались за пределами исторической родины на положении национальных меньшинств.

В целом можно констатировать, что развитие российско-венгерских отношений на новом историческом этапе началось с многообещающего межгосударственного договора 1991 г., но его реализация и наполнение конкретным содержанием по ряду причин не достигли в 90-е годы прошлого века намеченной цели. Реальное сотрудничество двух стран по всем направлениям при этом, однако, не прекращалось даже в самые сложные времена. Стороны решали возникавшие проблемы, очищая завалы прежней эпохи, и хотя делали это не всегда равномерно и последовательно, они берегли наработанные связи и налаживали новые сферы сотрудничества, особенно в области двусторонних торгово-экономических, культурных и прочих отношений. Новый толчок оживлению и дальнейшему расширению связей в этих сферах, и особенно в развитии культурных контактов между народами двух стран, дали проводимые с 2005 года параллельно в России и Венгрии масштабные Декады культуры, внося весомый вклад в сотрудничество двух стран.

П р и м е ч а н и я

¹ Кадар Я. Избранные статьи и речи. М., 1970. С. 123.

² Крючков В. Личное дело. Часть 1. М., 1996. С. 80.

³ Pritz Pál. Magyarország helye a 20. századi Európában // Magyarország helye a 20. századi Európában. Bp. 2002. 41 old.

⁴ Huszár Tibor. Kádár János az 1980-as években // Múltunk, 2003. 1. sz. 37 old.

⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. 1987. С. 137.

⁶ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М. 2001. С. 239.

⁷ За новое политическое мышление в международных отношениях. Документы и материалы. М. 1987. С. 40.

⁸ Медведев В. А. Распад, как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 383.

⁹ Társadalmi Szemle. Különszám. 1989. 1—79 old.

¹⁰ Fülop M., Sipos P. Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp. 1998. 454 old.

¹¹ Правда. 1989. 27 июня.

¹² Fülop M., Sipos P. Op. cit. 455 old.

¹³ Вид на Венгрию. Весна 1994 г. Будапешт, 1994. С. 5.

¹⁴ Fülop M., Sipos P. Op. cit. 454—455 old.; Правда, 4 октября 1994.

¹⁵ *Fülöp M., Sipos P.* Op. cit. 456 old.

¹⁶ Выступление Б. Н. Ельцина в Государственном собрании Венгрии // Дипломатический вестник. 1992. № 23—24. С. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Поздняков Э. А. О сути Концепции внешней политики России // Международная жизнь. 1993. № 1. С. 18—20.

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь. 2000. № 8—9. С. 12.

²⁰ Восточная Европа и Россия // Международная жизнь. 1994. № 1. С. 15.

²¹ Выборы 1995 года. Внешнеполитические взгляды партий // Международная жизнь. 1995. № 11—12. С. 9.

²² Jeszenszky Géza. A magyar külpolitika fő irányai a század utolsó évtizedében // Magyarország helye a 20. századi Európában... 173 old.

В. Л. Мусатов

К дискуссии о политическом пути и исторической роли Яноша Кадара*

В Венгрии после смены общественно-политического строя и пересмотра оценок драматических событий осени 1956 г. не утихают дискуссии вокруг периода «социалистической Венгрии» и роли бывшего многолетнего руководителя страны и правящей компартии, Венгерской социалистической рабочей партии — Яноша Кадара. Разброс мнений весьма велик. В этой связи можно только приветствовать факт проведения в июне 2007 г. в Будапеште конференции, посвященной анализу политического пути Яноша Кадара, одного из крупнейших партийно-государственных деятелей Венгрии XX века, чье влияние ощущается и по сей день. Мною с благодарностью было принято приглашение организаторов этого мероприятия принять участие в дискуссии. В мае 2007 г. Я. Кадару исполнилось бы 95 лет. Об этой дате вспомнили только ветераны-коммунисты. Социалистическая партия не проводила никаких мероприятий. Но вот Фидес (Союз молодых демократов — Гражданский Союз), парламентская правоцентристская партия сочла необходимым организовать международную научную конференцию, посвященную Кадару. Приняв приглашение на эту научную встречу, я понимал, что моя точка зрения, вероятно, будет отличаться от мнения большинства выступающих на конференции. Несогласие, конечно, проявилось, но враждебного отношения не чувствовалось. Объективно говоря, выступление единственного представителя из России привлекло внимание как на конференции, так и в средствах массовой информации Венгрии (ссылки в газетах, интервью по двум телеканалам, а также четырем радиостанциям). Контакту с аудиторией, вероятно, способствовало и то, что выступления мои проходили на венгерском языке.

Прежде всего считаю необходимым подчеркнуть, что среди участников конференции мне довелось, вероятно, больше всех встречаться с Я. Кадаром, беседовать с ним на различные темы, наблюдать его в различной обстановке — как официальной, так и неофициальной. Впервые

* В основу текста положено выступление на международной конференции в Будапеште 15 июня 2007 г., организованной Институтом ХХ века.

я увидел Я. Кадара в 1963 г. в Москве. Позднее много общался с ним во время работы в аппарате ЦК КПСС, потом в посольстве СССР в Венгрии. Затем, с 1984 г. я снова работал в аппарате ЦК, где до конца 1988 г. являлся заведующим сектором Венгрии и Румынии в рамках Отдела ЦК КПСС, а позже стал заместителем заведующего Международным Отделом ЦК компартии. В силу своих служебных обязанностей сопровождал Кадара во время его визитов в Советский Союз, видел его на различных международных встречах в Москве и других столицах. Горжусь тем, что во время своих приездов в Будапешт почти всегда имел возможность, хотя бы накоротке, повстречаться с Первым секретарем ВСРП. Был свидетелем трех важных моментов в жизни Яноша Кадара и истории Венгрии: как его беседа с Л. И. Брежневым в Завидово в феврале 1972 г., переговоры с М. С. Горбачевым в сентябре 1985 г. в Москве и последний телефонный разговор с генеральным секретарем ЦК КПСС в мае 1988 г., на котором я присутствовал.

Моя последняя встреча с Я. Кадаром состоялась в Будапеште в июне 1988 г., когда в личной беседе он просил меня передать М. С. Горбачеву, что майская партконференция ВСРП прошла не так, как он замышлял, поскольку имели место «заговор и предательство партаппарата».

Присутствовал я и на похоронах Кадара в июле 1989 г. (от КПСС в Будапешт тогда прибыли член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. Лигачев и секретарь ЦК КПСС А. Добрынин). С Яношем Кадаром прощались десятки тысяч людей, пароду было не меньше, если не больше, чем на перезахоронении И. Надя. Люди чувствовали, что уходит историческая эпоха.

Я считал и считаю Яноша Кадара, несмотря на нынешний антикоммунистический, антикадаровский хор, выдающимся политическим деятелем послевоенной Венгрии и Европы. Уважая его, я в то же время, разумеется, не склонен идеализировать Кадара ни как человека, ни как политика. Однако сам факт, что Янош Кадар стоял во главе своей страны более 30 лет, уже позволяет судить о нем как о талантливом, умном и расчетливом политике, который умел выражать и отстаивать интересы Венгрии, своего народа и своей партии. Нельзя забывать, что в венгерском народе он был популярен. Опросы общественного мнения до сих пор свидетельствуют о том, что он входит в тройку самых почитаемых политиков Венгрии. Он пользовался большим авторитетом и за рубежами своей родины. Его известность и популярность в нашей стране, Советском

Союз, были связаны с быстрой консолидацией в Венгрии после трагедии 1956 г., личным вкладом в дружбу наших стран и не в последнюю очередь его крылатой фразой «антиесоветского коммунизма быть не может».

Особо следует сказать об отношениях советских лидеров и Я. Кадара. О нем как о члене Политбюро Венгерской партии трудящихся (ВПТ) в Москве знали, конечно, и до событий 1956 г. Правда, он посетил Советский Союз только один раз в составе партийной делегации в 1948 г. Я. Кадар не относился к группе так называемых московитов в правящей партии. Он не говорил по-русски (хотя в 60—70 гг. уже многое понимал без перевода), не жил в эмиграции в СССР, не проходил учебу в школах Коминтерна. Он — воспитаник венгерского рабочего движения, участник коммунистического подполья. После освобождения страны от фашизма занимал важные посты в партии и государственном аппарате. При вынужденной замене руководителя ВПТ М. Ракоши в июле 1956 г. в тогдашней предкризисной обстановке кандидатура Кадара, как известно, возникла, но в советском руководстве кое-кто полагал, что в нем может затаиться обида за необоснованный арест и четырехлетнее пребывание в тюрьме (1951—1954 гг.). Большинство венгерского Политбюро тогда высказалось за избрание первым секретарем Э. Герё. Ошибочность этого шага вскоре стала очевидной, и Н. С. Хрущев позднее признался, что надо было ориентироваться на Я. Кадара.

«Звездный час» Яноша Кадара — это осень 1956 г. Не касаюсь сейчас вопроса о том, что тогда происходило в Венгрии: контрреволюция, национально-освободительная революция, народное восстание или мятеж. Споры продолжаются, хотя, разумеется, ученыые считают с тем, что парламент Венгрии в 1990 г. объявил события 1956 г. революцией и борьбой за свободу. Дата 23 октября является национальным праздником Венгрии. Но основное, по моему мнению, заключалось в том, что Венгрия в те трагические дни погружалась в хаос, управляемость страной исчезала, а будущее народно-демократической Венгрии становилось призрачным. Не было никакой уверенности в том, что коммунисты,евые силы могли бы выиграть свободные выборы, которые планировалось назначить в ноябре. Решение премьер-министра Имре Надя о разрыве с Варшавским Договором и о провозглашении нейтралитета страны объективно вело к советской интервенции, поскольку в ином случае нарушалось равновесие сил в Европе и отbrasывались Потсдамские договоренности великих держав-победительниц во Второй мировой войне. Было очевидно, что И. Надя не может вывести страну из тупика, контак-

ты с Москвой у него нарушились, а своей путаной речью на рассвете 4 ноября в момент второго ввода войск Советской Армии он только усугубил обстановку. А сам с группой соратников и членов семей спрятался в югославском посольстве. Когда в Венгрии сейчас говорят, что Кадар, порвав с правительством И. Надя и согласившись возглавить временное правительство, совершил предательство, что он — Иуда, убийца и палач своих товарищей, то это все не более чем выступления на эмоциональной основе или сугубо идеологизированные оценки. Конечно, каждая точка зрения имеет право на существование, но надо ее доказывать. На мой взгляд, историческая правда состоит в том, что в конце октября 1956 г. в Москве и других столицах социалистических стран, включая Китай и Югославию, решение всенгерского кризиса виделось в вооруженном подавлении восстания и срочной замене правительства. При этом Москва и ее союзники в условиях англо-франко-израильской агрессии против Египта сознательно закрывали глаза на совершающееся ими нарушение норм международного права.

Попытаемся оценить роль Кадара в тех кризисных событиях. Москва стояла перед труднейшим выбором. Обстановка в Венгрии не улучшалась, начались расправы над коммунистами, веры в Имре Надя и его коалиционное правительство не было. А вот Я. Кадар как партийный руководитель вел себя более реалистично. Об этом свидетельствовала и его речь по радио 1 ноября 1956 г., в которой он сообщил о создании новой партии взамен распавшейся ВПТ и предупредил об опасности контрреволюции. Кадара вместе с министром внутренних дел Ф. Мюннихом, старым коммунистом-интернационалистом, давно известным в Кремле, срочно на самолете доставили в Москву для консультаций. Фактически это были смотрины двух наиболее очевидных кандидатов на пост главы нового правительства Венгрии. После двух дней дискуссий на заседаниях Президиума ЦК КПСС Н. Хрущев, только что вернувшись с секретных переговоров с Тито на острове Бриони о всенгерской ситуации, наконец решил, что новое правительство должен возглавить именно Кадар, а не Ракоши или кто-то из его команды, но и не Мюнних. Маршал Г. Жуков торопил товарищей по Президиуму: решайте быстрее, танки уже разогревают двигатели, а у вас еще нет главы правительства. Известно, что Я. Кадар согласился возглавить временное революционное рабоче-крестьянское правительство не сразу. Его условия — не буду советской марионеткой, нельзя допускать к власти ракошистов (все это доподлинный факт, зафиксированный в протоколе заседания). А мне об этом рассказывал также ветеран-офицер КГБ, сопровождавший Кадара из Будапешта в Моск-

ву). И. Надь должен уступить, отойти в сторону. Все это Кадару было обещано, включая и поддержку Надсем нового правительства. Югославы обещали уговорить И. Надя. Я. Кадар понимал, что берется за труднейшее дело. Он знал, что цветов и аплодисментов в Венгрии не получит. Позднее он говорил Л. Брежневу, что тогда вообще не знал, останется ли жив, настолько сложной была обстановка в стране.

Я. Кадар несомненно проявил мужество, возглавив усилия по выводу Венгрии из катастрофы. Разумеется, он действовал под советским протекторатом. А что, разве в тех условиях могло быть иначе? Н. Хрущев как «крестный отец» помогал ему, хотя и в Москве, и в Будапеште было немало противников Кадара. Вновь создаваемая партия — ВСРП вначале пользовалась небольшой поддержкой, думаю, не более 30% населения страны. Для того, чтобы 1 мая 1957 г. на демонстрацию и митинг в Будапеште и других городах вышли до 1 млн. человек, новой власти нужно было крепко поработать и, главное, завоевать доверие. По мере консолидации обстановки и восстановления общественного согласия рос авторитет Кадара в стране и в мире, в том числе и в Советском Союзе. Успешно развивались советско-венгерские отношения. Венгрия стала одним из уважаемых государств социалистического содружества, ее голосу прислушивались в Европе. В этом была заслуга прежде всего кадаровского руководства. Руководители Советского Союза Хрущев, Брежnev и Андропов считали, что в лице Кадара в 1956 г. было найдено стратегически верное решение, эффективно действовавшее в течение многих лет. Об этом же написал М. Горбачев в своем поздравительном письме Я. Кадару в 1986 г. по случаю 30-летия пребывания того на посту руководителя ВСРП. «Старик», как его называли в партии, не дал согласия на публикацию этого письма в печати, оно было опубликовано только в бюллетене Агитпропотдела ЦК.

В глазах Москвы Янош Кадар был настоящим коммунистом-антифашистом, интернационалистом, верным союзником, опытным руководителем. В 1964 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза. Позже был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции. В высшем советском руководстве с ним считались, советовались, интересовались его мнением. Так было, например, во время кризисов в Польше, Чехословакии или в период обострения советско-китайских отношений. Я. Кадару и руководимой им ВСРП была доверена важная роль в подготовке всемирного Совещания компартий 1969 г.

Я. Кадар понимал место и роль Советского Союза и КПСС, поэтому стремился поддерживать хорошие личные отношения с советскими лидерами, от Хрущева до Горбачева. В этом он видел прежде всего эффективное средство служения национальным интересам Венгрии. Конечно, во взаимоотношениях Кадара и советских лидеров имелось много нюансов. Как он сам говорил, самые теплые и дружеские отношения были у него с Н. С. Хрущевым. Причем главный критерий для него заключался в том, что Хрущев понимал вснгров. А вот, например, для Л. И. Брежнева Кадар порой бывал слишком топок для понимания, по в целом они находили общий язык и относились друг к другу с уважением. Он снисходительно относился к известным слабостям Брежнева. Он заплакал, когда мы с послом В. Базовским известили его о смерти генсека ЦК КПСС еще до официального сообщения в Москве. Особо прислушивался к мнению Кадара Ю. Андропов, который хорошо знал его с 1956 г., ценил его и понимал, что руководитель Венгрии лучше, чем в Москве, чувствует позиции европейцев или своих соседей. Когда Ю. Андропов был избран генеральным секретарем ЦК КПСС, Кадар в своем кругу пошутил, что вот, мол, впервые в истории представитель финно-угорского народа (Андропов когда-то работал в Карелии) стал высшим руководителем Советского Союза. Ю. Андропов поддерживал многолетние доверительные контакты с Кадаром — ему он, например, рассказывал и о своей тяжелой болезни, унесшей его в могилу. Я. Кадар мог поделиться с Андроповым тем, о чем он никогда не стал бы говорить с Брежневым. Что касается М. Горбачева, то он познакомился с венгерским лидером еще в свою бытность первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. В 1983 г. Михаил Сергеевич присезжал в Венгрию изучать опыт сельского хозяйства. Горбачев недрко ссылался на венгерский опыт реформирования экономики, он демонстрировал уважение к Кадару, но больше любил говорить сам, чем слушать собеседника. (В июле 2007 г., выступая в Будапеште на юбилее бывшего премьер-министра Д. Хорна, он сказал, что венгры еще оценят по достоинству роль Я. Кадара. Лично у него с Кадаром не было противоречий. Кадар, дескать, критиковал его только за то, что перестройка в Советском Союзе не началась лет на десять раньше.) Но визит Горбачева в Венгрию летом 1986 г. по сути дела подтолкнул процесс отстранения Я. Кадара от высшего поста в ВСРП и переход на почетный отдых. Люди сравнивали и видели, что значит молодость и энергия. Они бурно приветствовали молодого советского лидера.

В отношениях с руководителями Советского Союза Я. Кадар не был марionеткой, он держался с достоинством и к нему относились с уважением. Однако разницу в положении двух стран и партий и меру своей

ответственности он знал. Если в 1956—1957 гг. со стороны некоторых представителей Кремля были попытки управлять Кадаром, поучать его, вмешиваться во внутренние дела, то позже все это практически прекратилось. Кадар обычно говорил о советских представителях в Будапеште, что он работает с теми, кого к нему присыпает Москва. Но он умелставить зарвавшихся людей на место, убирать даже неквалифицированных советских послов (Штыков, Денисов). Для него авторитетом мог быть только Генеральный секретарь ЦК КПСС. Можно привести примеры стычек с Косягиным, Кириленко или Катушевым, они во многом объяснялись тем, что члены Политбюро и секретари ЦК КПСС считали себя по положению во всяком случае не ниже руководителя восточноевропейской социалистической страны. Что касается взаимоотношений с А. Н. Косягиным, то Я. Кадар уважал его большие знания и опыт хозяйственной работы, но не соглашался с резкими оценками и высказываниями. В Венгрии примерно таким же человеком был глава правительства Е. Фок, поэтому Кадар как-то сказал Брежневу, что он не доверил бы дело венгеро-советской дружбы двум таким вспыльчивым людям. Кадар при случае мог в той или иной форме высказывать несогласие с советской позицией. Примеров много. О форме снятия в 1964 г. Н. Хрущева с занимаемых должностей (причем он сделал это публично, а затем объяснил свою позицию в отдельном письме на имя Л. Брежнева); об увеличении военных расходов, об излишнем количестве танков в Советской Армии («Вы всегда держите воинской техники в два раза больше, чем требуется». Это он говорил А. Кириленко и Д. Устинову). Критиковал подходы к реформированию СЭВ; спранивал, почему не сразу была опубликована достоверная информация о масштабах Чернобыльской катастрофы. В неофициальных разговорах выражал недоумение, почему так непродуманно обошлись со Сталиным и т. д. Был недоволен тем, как была проведена совместная акция в Чехословакии в августе 1968 г. и из-за этого не поехал в Варшаву в ноябре 1968 г. на съезд ПОРП, где должна была состояться встреча с Л. Брежневым. Относительно ввода советских войск в Афганистан пошутил, что, мол, надо ценить то, что Москва проинформировала своих союзников на час раньше, чем Вашингтон. В период обострения контактов Советского Союза с Западом из-за ракет средней дальности Я. Кадар осуществил целую программу встреч с лидерами западноевропейских стран, стремясь сохранить внешнеполитические и экономические связи. О своих намерениях он сообщил в Москву, принципиальных возражений не последовало. Точно знаю об этом, так как мне как временному поверенному в делах СССР в Венгрии в тот момент позвонил по закрытому телефону А. А. Громыко и просил передать

Я. Кадару только одно пожелание, чтобы эти контакты на высшем уровне проходили не одномоментно, а были немножко растянуты по времени.

В общем это был авторитетный и уважаемый руководитель, который добился определенной автономии в рамках социалистического содружества. Во внутренней политике с учетом трагического опыта 1956 г. это находило выражение в политике регулярного повышения жизненного уровня, эффективных нововведениях в аграрном секторе и в кооперативном движении, благодаря чему страна была обеспечена собственным продовольствием и осуществляла экспорт сельхозпродукции, в том числе и в Советский Союз. Но самым, пожалуй, большим достижением было проведение экономической реформы 1968 г. К ней готовились давно, первые мысли появились в 1957 г. Но мудрость кадаровского руководства проявилась в выборе правильного момента с точки зрения как внутренних, так и международных условий для осуществления реформы хозяйственного механизма. Политическая ответственность, конечно, лежала на Кадаре. Он защищал реформу от критики венгерских леваков, а также от нападок других социалистических стран и Советского Союза. Во многом опасениями за сохранение политического курса и в частности за судьбу экономической реформы объяснялись метаморфозы позиции Я. Кадара в 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии. Реформа привела к подъему экономики и росту благосостояния, она способствовала созданию квазирыночного хозяйства в Венгрии. Несомненно, чистоту эксперимента не удалось выдержать, были допущены ошибки, пришлось идти на компромиссы, в том числе и по политическим причинам. Но именно благодаря наличию многих элементов рыночной экономики Венгрия сравнительно мягко перешла на новые условия развития после смены общественно-политического строя в период конца 80-х — начала 90-х гг.

Советские руководители в целом понимали, что в основе успехов политики Яноша Кадара после катастрофы 1956 г. лежат улучшение уровня жизни, достижение общественного согласия (знаменитый лозунг «кто не против нас, тот с нами»), большая, чем в других социалистических странах, степень свобод, большая терпимость в культурной жизни (три принципа идеологической работы партии — поддержка одних произведений, запрет других и терпимость в отношении третьих) и в религиозной сфере (именно при Кадаре были урегулированы отношения с католиками и другими конфессиями, заключено соглашение с Ватиканом). Объясняется венгерские особенности, Кадар подчеркивал еще необходимость говорить народу правду, не допускать разрыва между словом и делом. Он разъяснял в Москве, что ему в маленькой стране легче идти на новшества и эксперименты, что их результаты могут пригодиться и в Советском Союзе. Из-

всестно его высказывание в беседе с итальянскими журналистами о том, что Советский Союз проложил дорогу к социализму как медведь. А вот в Венгрии так делать нельзя, здесь надо работать при помощи более тонких методов. Янош Кадар не торопился с объявлениями побед в социалистическом строительстве. Например, отказывался переименовывать ВСРП в коммунистическую партию, а страну — в социалистическую республику, возражал против провозглашения монопольного положения марксизма-ленинизма в общественной жизни. Он видел недостатки т. н. реального социализма и пытался искать выход. Его постулаты — по мере строительства социализма жизнь должна улучшаться; в одиночку партия ничего не создаст, для формирования нового общества требуется национальное сплочение; необходимо определенное расширение выборной демократии, что и было сделано путем постепенного введения возможности выдвижения двух и более кандидатов на парламентских и местных выборах. Поскольку в стране нет многопартийности (а попытки ее сохранения проявлялись после подавления восстания в 1956 г., но не были поддержаны Москвой), правящая партия должна стать сама себе собственной оппозицией; необходимо иметь клапаны в политическом механизме для снятия избыточного давления; требуется введение элементов рыночного хозяйства и уменьшение сферы директивного планирования). Может быть, сейчас это выглядит схематично, Кадар не был теоретиком, но из подобных здравых и реалистичных попыток складывалась венгерская концепция «социализма с человеческим лицом», причем на практике, а не только в задумках, как у пражских реформаторов в 1968 г.

Совершенно ясно, что Кадар и его политическая команда (а это были способные люди! Возьмите, например, Е. Фока, Р. Ньерша, Д. Ацела, Л. Фехера или более молодых К. Гроса, Я. Береса, Д. Хорна) в своих поисках натыкались на барьеры и преграды. Советский Союз до 1985 г. проводил в отношении социалистических стран чаще всего политику патернализма, навязчиво опекал союзников, поэтому требовалось согласование с Москвой главных моментов политической линии, а сделать это в условиях действия догматов марксизма-ленинизма (их хранителем была, конечно, КПСС) было нелегко. Не всегда это удавалось даже Кадару. Один из основных доводов Москвы: «Мы обеспечиваем ракетно-ядерный щит, на нас лежит главная ответственность за сохранение безопасности, мы несем огромные расходы на оборону и в то же время помогаем вам поставками нефти, энергоносителей, сырья по льготным ценам, а империализм пытается подорвать стабильность мира социализма, вырывать отдельные страны из нашего блока, используя тактику наведения

мостов. Будьте осторожнее, не промахнитесь!». После совместной вооруженной акции в Чехословакии в 1968 г. и после смены В. Гомулки в Польше настороженность в Кремле по поводу реформ и нововведений в отдельных социалистических странах возросла. Поскольку из Венгрии шли сигналы о неблагополучии вокруг экономической реформы, об обострении споров внутри Политбюро, в феврале 1972 г. в Завидово Л. И. Брежнев откровенно высказал Кадару замечания по экономической и социальной политике, затронув и вопросы кадровой политики, включая состав Политбюро и ближайшее окружение всенгерского руководителя. Звучал рефрен: мы тебе, Янош, верим, но ты посмотри... Я. Кадар принял все это к сведению, обещаний не давал. Бросил одно замечание по поводу обоснованности выводов, что, дескать, поступающие информации бывают разные. Для него главное состояло в том, что ему в тот момент было оказано доверие. Как уверенный руководитель он выждал какое-то время и в 1974—1975 гг. провел замены в руководстве партии и правительства. До этого он запустил пробный шар со своей отставкой в мае 1972 г., когда ему исполнилось 60 лет. Этот «шарик» был адресован как своим соратникам, так и Москве, Брежневу. Генеральному секретарю ЦК КПСС демарш Кадара не понравился. В ноябре 1972 г. в Будапеште он сказал Кадару, что, по его мнению, всенгерский ЦК поступил правильно, не приняв отставку Кадара. «Мы не можем так поступать, наш долг стоять до конца и служить нашему общему делу. Это вот Кекконен в Финляндии уйдет в отставку и будет писать книжки анекдотов, сидя в лесу. Но это не для нас...»

Были и внутренние ограничители. За внешним фасадом единства в партии и ее ЦК скрывались столкновения миений, борьба левых и правых, консерваторов и реформистов. Существовала свобода дискуссий в Политбюро, но за Кадаром оставалось последнее слово. Он умел находить развязки в спорах, был мастером компромиссов, но не во вред делу. Как он говорил, за сохранение единства партии нужно бороться, это надо воссоздавать на каждом новом витке политики. По его инициативе оппоненты уходили или отстранялись (например, Д. Марошан, Р. Ньери, члены «рабочей оппозиции» 1972 г.).

Внешние воздействия не сводились только к мнению Москвы. Вокруг позиции Венгрии проходила порой хитроумная международная игра с участием США или ведущих западноевропейских стран.

Наконец, со второй половины 70-х годов начали нарастать экономические трудности, усилилось негативное влияние мировой экономики, происходил рост внешней задолженности. В условиях нефтяного кризиса

Советский Союз был вынужден поднять цены на энергоносители. Замедлялся, а затем, к 80-м годам, приостановился рост уровня жизни, что стало острой политической проблемой.

Вступление Венгрии в МВФ и Всемирный банк дало только временную передышку. Попытка Я. Кадара установить более тесные связи с ЕЭС не увенчалась успехом. Г. Шмидт, с которым совместовался венгерский лидер, отсоветовал ему идти на сближение с «Общим рынком», чтобы не раздражать Советский Союз. В 1985—1986 гг. Я. Кадар был готов принять помощь Москвы, о чём он говорил с М. С. Горбачевым, но Советский Союз сам переживал трудности и ничего существенного не мог дать Венгрии.

Выросла и спустя одна огромная проблема. Со временем, в эпохе славы Яноши Кадар стал рабом собственной политики стабильности. Это касалось практической политики и кадров, привязанности к людям, которые много лет стояли вокруг него. Но спустя восемь лет стало то, что «бессменный руководитель» начал терять чувство реальности, утратил интерес к обновлению политики. Утратил и политическую смелость. Я. Кадар остался один на вершине власти, оппонентов давало не было. А ситуация в стране осложнялась. Он это чувствовал, а выхода не находил. Прежний опыт, в том числе консолидации после 1956 г., не помогал. Умно рассуждая о необходимости плавной смеси главного руководителя в соцстранах, он сам стал приспособленцем на пути обновления и модернизации политики Венгрии. После поездки в Китай в 1987 г. у него, вероятно, появилась мысль занять в политической жизни своей страны место, подобное положению Дэн Сяопина в Китае, возглавив какой-то совет, но в Венгрии была другая обстановка, существовали другие традиции.

Ему надо было уходить на отдых в 1980 или 1981 гг., кстати, позже он сам признался в этом, но «Старик» затянул отставку до 1988 г. Может быть, не видел пресмыка. Вина ложится и на его товарищей по Политбюро, которые не осмеливались говорить Кадару правду в глаза, а все совместовались с Москвой (спустя хуже была ситуация в ГДР с Э. Хонеккером). Да, и М. С. Горбачев мог бы высказаться прямее, а не намеками на то, что Кадару надо бороться с собой, лучше распределить время, больше отдыхать и т. д. М. С. Горбачев лично не вмешивался, но поручил члену Политбюро, секретарю ЦК В. А. Медведеву и председателю КГБ В. А. Крючкову проследить за сменой высшего руководства в Венгрии. При этом не хотелось обижать и Кадара. Но обновление требовалось и потому, что Горбачев чувствовал — старик Кадар все больше начинает не разделять его

политики перестройки. Например, в сентябре 1985 г. Кадар в ходе переговоров спросил Горбачева, не боится ли он, что с ним повторится история с Хрущевым. Из других источников известно, что он говорил своему преемнику К. Гросу о том, что Горбачев ведет Советский Союз к развалу. В беседе с руководством Академии наук Венгрии в 1988 г. он сказал, что самая большая проблема в том, что Горбачев не понимает свой собственный народ. В записках А. Черняева, помощника Генерального секретаря, упоминается, что его шеф высказывался в том плане, что вот, мол, Кадар и Живков ворчат по поводу перестройки, а у самих кризис надвигается. Перед майской 1988 г. партконференцией Я. Кадар позвонил М. С. Горбачеву и сообщил о своей готовящейся отставке и планируемом избрании на пост председателя ВСРП. Его собеседник, который давно знал об этом, в ответ сказал, что Кадар, как всегда, принял мудрое решение. Пожелал успеха Кадару и доброго здоровья. Было условлено не терять контакта, обмениваться информацией. Конечно, это была уже формальность.

Конец жизни Кадара — это чистая человеческая трагедия. Рушилась система, ради которой он трудился всю жизнь. На партконференции в мае 1988 г. делегаты отказали в доверии всем членам бывшего руководства, т. е. соратникам Кадара. Он остался в одиночестве. К тому же все больше отказывало здоровье. Когда начали множиться обвинения в его адрес и нарастать активность оппозиционных сил, стремившихся отстранить ВСРП от власти, Кадар получил устные приглашения от Горбачева, Ярузельского и Хонеккера приехать на отдых и лечение. Но он отказался. Избранный на декоративный пост председателя ВСРП, а затем фактически брошенный новым руководством партии на произвол судьбы, так как новым руководителям было не до Кадара, физически и духовно немощный старик в условиях кардинального пересмотра оценок событий 1956 г. не смог защитить себя. Его полубезумная речь на Пленуме ЦК в апреле 1989 г., куда он буквально прорвался, чтобы высказаться, была такой попыткой со стороны глубоко больного человека. Но в этой речи чувствовалась странная логика. Он ведь сказал, что советским агентом не был и что в 1956—1958 гг. погиб не только Имре Надь, до него погибали люди. Сказал, что он, Кадар, не уклоняется от своей ответственности. Ему жаль всех погибших. Кстати, о числе приговоренных к высшей мере наказания после подавления восстания 1956 г. Я. Кадар в беседе с М. С. Горбачевым в сентябре 1985 г. рассказал, что когда суды вынесли такие приговоры примерно 300 участникам вооруженных выступлений, он попросил това-

рищей остановиться, так как в событиях погибло примерно столько же сторонников пародио-демократического строя.

В письме в ЦК в апреле 1989 г. он просил по суду прояснить его вину за процесс по делу Имре Надя, но этого не стали делать. Когда его освободили от обязанностей председателя партии, он спросил жену: «А это еще та партия, которую я создавал?»

По моему мнению, в Венгрии нет документов, доказывающих прямую причастность Кадара к вынесению смертного приговора бывшему премьер-министру, но видимо он не приложил усилий по замене высшей меры наказания на более мягкий приговор. Впрочем, это только мое предположение. Историкам еще предстоит не раз раздумывать, что означала формулировка в решении Президиума ЦК КПСС (февраль 1958 г.) относительно судьбы И. Надя — вынести твердый, но великодушный приговор. Взаимоотношения Кадара и Надя — тема весьма сложная. Кадар знал, что И. Надь был человеком Берии. Об этом, кстати, написал и Н. Хрущев в одном из вариантов своих мемуаров. Не мог Кадар не знать, что в 1951 г. И. Надь как заведующий Отделом административных органов ЦК подписал вместе с начальником ведомства госбезопасности предложение об аресте Я. Кадара.

Судьба распорядилась так, что Имре Надь, олицетворявший для ВСРП ревизионизм и правый оппортунизм, был казнен за свою роль в событиях осени 1956 г., а Матяш Ракоши, руководивший партией и страной до июля 1956 г. и виновный во многих прогрешениях и догматических ошибках, был отправлен в СССР на «лечениe» и остался там фактически в ссылке до самой смерти в начале 1971 г.

Кем же был Янош Кадар? После смены строя в Венгрии все дискуссии крутятся вокруг персоны событий 1956 г. Через эту призму оценивается и роль Кадара, тем более что высшее руководство Венгерской социалистической партии сделало акцент на наследие Имре Надя как на свое идейное знамя (понятно, что у социалистов в arsenale нет Маркса и Энгельса, Ленин теперь стал русским явлением, Кадар не годится, в нынешнем Социнтерне тоже нет вождей). Получается, что левым не нужен великий предшественник. Но ведь в 1956 г. Кадар, хотя и ценой жертвы, но все-таки вывел страну из катастрофы, а затем обеспечил экономический и социальный подъем. В событиях 1956 г. неразрывно связаны две исторические фигуры — И. Надь и Я. Кадар. Это две стороны одной медали. Если же смотреть шире, оценивать ретроспективно, то из трагического треугольника Ракоши — Надь — Кадар именно Янош Кадар больше всех сделал полезного для Венгрии. Называют его предателем, двуликим Яношем, но если проанализировать требования участников восстания 1956 г.,

то ведь в политике Я. Кадара они все, шаг за шагом, были реализованы в жизни, за одним лишь исключением — вывод советских войск из Венгрии состоялся только в 1991 г. С его именем связывались успехи страны в 1960—1970-е годы, рост благосостояния, укрепление международного авторитета Венгрии. Он — выдающийся венгерский политик, его нельзя выкинуть из истории, он оставил заметный след в истории Европы XX века. Его роль и значение отнюдь не меньше, чем таких венгерских политиков, как Хорти, Бетлен или Телеки, которым сейчас ставят памятники в Венгрии. Очевидно, проблема в том, что Кадар — венгерский коммунист. Замечу, что Кадар всегда оставался венгром, венгерским коммунистом. Вспомним хотя бы его речь в 1975 г. на Хельсинкской конференции по безопасности в Европе, когда он открыто сказал о территориальных потерях Венгрии. Сейчас сводя счеты с ним, пытаются очернить левые взгляды, политику левых партий, идеи социализма. Вытаскивая противоречивые факты из политической деятельности Кадара (конечно, он не был ангелом, а за 32 года правления можно много чего найти у любого политика), пытаются запугать население, дезориентировать молодое поколение, которое не слишком много знает о периоде социализма в Венгрии. Активизируя дискуссии вокруг личности Кадара, кто-то стремится заклеймить социалистический период в истории Венгрии, раз уж в 1990 г. в условиях договорной смеси власти для этого не было возможностей. Нечто похожее происходит в Польше, где возобновляются попытки осудить В. Ярузельского и весь предшествующий строй. В Венгрии накануне 95-летия Кадара осквернили его с женой общую могилу. Никогда не думал, что в Венгрии могут произойти подобные вещи, напоминающие мрачное средневековье.

Разумеется, дискуссии о политическом пути Я. Кадара надо продолжать, историки должны спорить. Но убежден, Венгрия еще воздаст должное Яношу Кадару. С великими сынами своих народов надо обходиться более бережно и уважительнее. И у нас в России наблюдается много перегибов в этом отношении, мы склонны подчас слишком круто и необдуманно обходитьсь со своими политиками, но без великих предшественников не было бы нашего настоящего. В их опыте есть много поучительного для современности, их победы и поражения освещают наш путь.

А. Н. Медушевский

Переход к демократии и становление политических партий в странах Центральной и Восточной Европы

Современные конфликты между властью и оппозицией в таких странах, как Венгрия, Польша, отчасти Чехия, выявили недостаточную легитимность правящих партийных коалиций. Конфликты оказались неожиданны, но не случайны. Они вытекают из логики перехода к демократии и ставят под вопрос теоретические конструкции, созданные в период самой постсоветской трансформации. Критика предшествующих «транзитологических» подходов возможна, на наш взгляд, по следующим направлениям: они игнорировали исторические различия регионов (слишком схематизируя переходные процессы в разных частях мира — от Латинской Америки до Азии и Африки, включая Южную и Восточную Европу); имели линейную направленность (переход к демократии рассматривался как последовательное и равномерное движение без срывов и зигзагов); телесологический характер (демократия западного типа выступала как единственно возможное завершение переходного процесса); не предусматривали, поэтому, возможностей различных векторов процессов (т. с. реставрационных тенденций).

Мы предложили циклическую модель развития конституционализма, которая позволяет понять логику переходных процессов в мире как суммы трех фаз — деконституционализации (отказа от старого основного закона), конституционализации (приятия новой конституции) и реконституционализации (такого возвратного движения в конституционном развитии, которое связано с конфликтным процессом адаптации новых правовых принципов к социальному-политической реальности данного общества). В результате мы получаем возможность решения вопросов, на которые не смогла дать ответ так называемая «транзитология» и, в частности, сравнивать переходные процессы как от авторитаризма к демократии, так и от демократии к авторитаризму¹.

В настоящей статье нас интересует другой, более узкий, вопрос: каким образом ограничения переходного периода влияют на последующую легитимность конституционного развития и позиции партий в отношении

действующей конституции. Для понимания современных проблем целесообразно применение следующих методологических подходов — исторического (общие факторы развития стран региона); сравнительного (сопоставление типов переходных процессов); и структурного (механизм переходов и генезис партийных систем).

Исторические факторы конституционализма в странах региона: национализм, популизм и модернизация

Три волны демократических (конституционных) преобразований в странах Центральной и Восточной Европы были связаны с мировыми войнами и геополитическими сдвигами. Первая из них возникла с распадом крупных империй — Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской, созданием национальных государств и принятием демократических конституций, вводивших, как правило, парламентский режим в форме парламентской республики или конституционной монархии². Это достижение, однако, оказалось непрочным. В межвоенный период практически все страны Восточной и Южной Европы от Балкан до Балтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур. Анализ сущности этих диктатур 1920—1930-х годов в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Венгрии, Словакии, Румынии, Болгарии, Албании, Югославии и Сербии показывает, что они имели характерные общие черты и направленность. При всем различии обстоятельств возникновения, их объединяли национализм, отрицание либеральной демократии, антипарламентаризм, критическое отношение к политическим партиям и стремление к единоличной власти вождя (в ряде случаев монарха, президента или военного диктатора). Все режимы были попыткой стабилизировать новые национальные государства, найти выход из общеверхопейского кризиса и утвердить национальную государственность авторитарными методами³. Вторая волна характеризовалась попыткой вернуться к парламентской форме правления после Второй мировой войны. Однако уже вскоре на все эти страны была распространена советская модель номинального конституционализма (представленная сталинской конституцией 1936 г.). Третья волна наблюдалась в конце XX в. и была связана с началом перестройки в СССР. Содержание переходного периода в вышеперечисленных странах также имело сходные параметры — движение от номинального советского конституционализма к реальному⁴. На практике, однако, оказалось, что трудности перехода были более значительными, чем предполагалось до его начала, что вызвало в свою

очередь критику транзитологических моделей⁵. Это актуализировало проблему мнимого конституционализма.

Одним из центральных факторов переходного периода стало совпадение процессов принятия демократических конституций и поиска национальной идентичности. В Западной Европе процесс образования национальных государств приходится на более ранний период времени и связан с эпохой абсолютизма XVI—XVIII вв. В Центральной и Восточной Европе период абсолютизма также означал консолидацию доминирующих наций, но не всех тех народов, которые были включены в империи на протяжении их исторического развития. В Восточной Европе (в отличие от Западной) данный процесс поиска национальной идентичности не завершился в XX в. и оказывал самостоятельное воздействие на саму суть переходных периодов практически во всех странах региона, где национализм набирал силу и вставала проблема самоопределения национальных меньшинств (распад Югославии в ходе конфликта на ряд национальных государств, мирное разделение Чехословакии на два государства, воссоединение ГДР с ФРГ на основе национальной общности, рост межнациональных конфликтов в Болгарии, Румынии, Венгрии и Прибалтике, развитие национализма в Польше). Именно в это время национализм вступает в конфликт с концепцией гражданского общества.

Другим направлением конфликтных взаимоотношений стало противоречие принципов демократизации (как правления большинства) и либерального конституционализма (основной принцип которого — гарантии прав личности). Если на Западе эти два процесса были разделены во времени (основы гражданского общества и среднего класса сформировались постепенно до введения конституций), то в Восточной Европе они практически совпадают. Здесь имел место процесс тройной трансформации — одновременного создания основ демократии, рыночной экономики и конституционного порядка. Классические демократии, как правило, уже имели рыночную экономику, затем вводили конституции и только позднее постепенно проводили демократизацию политической системы путем расширения избирательных прав и распространения их на более широкие слои населения. Совпадение этих трех направлений модернизации вело в Восточной Европе к конвульсивным изменениям, поскольку необходимые, но непопулярные экономические решения в условиях демократии мешали либеральному конституционализму. Рывок к демократии и конституционализму вступал в противоречие с необходимостью непопулярных, прежде всего, экономических реформ. При от-

существии культуры компромиссов между партиями большого успеха добивались наиболее демагогических из них. В условиях конкуренции на выборах развивается феномен популизма — неоправданных обещаний быстрого улучшения ситуации при отсутствии реальной возможности сделать это.

Третье направление конфликтных отношений определяется влиянием модернизации и догоняющего развития. С этим связано появление «теологических конституций» — таких, которые пытаются, исходя из классических образцов, создать новое метаправо — найти соответствия пересекающихся и разнородных задач развития, рыночной экономики, демократизации и формирования национальной государственности на постсоветском пространстве. Другая сторона процесса — заимствование конституционных моделей в готовом виде и отсутствие оригинальности Восточноевропейских конституций. На основании американской конституции или теорий верховенства права эксперты по Восточной Европе говорили о достоинствах и недостатках новых конституций стран региона. Критерий их оценки, следовательно, выступало не столько соответствия реальным процессам в регионе, сколько соответствия идеальному типу, присущему в дискуссиях *a priori*⁶. В этом проявился идеализм первых конституционных инициатив, которые вскоре столкнулись с осознанием ограниченных возможностей заимствования конституционных норм. Третья сторона проблемы модернизации — такое создание новых институтов (парламентов), которое опережало формирование партий (возможно сравнение с политическими партиями в Великобритании XVIII в. — формирование шло от парламентских кокусов к созданию региональной инфраструктуры). Институты провоцировали изменение реальности, а не наоборот. Так, парламенты образовались раньше партий, которые должны были в них работать. Однако для мобилизации сторонников партиям приходилось создавать разногласия, иногда искусственно уводя общество от решения насущных проблем. В результате парламенты становились ареной популизма — политической рекламы партий. Хотя партиям для мобилизации сторонников и необходимы были доктринальные разногласия, они должны были, однако, в то же время, искать консенсуса по принципиальным вопросам переходного периода. Это хорошо видно при изучении процесса принятия конституций в разных странах, который сочтет в себе конфликтность и, одновременно, поиск консенсуса.

Номинальный, реальный и мнимый конституционализм в странах Центральной и Восточной Европы

Введение данного ряда понятий связано с необходимостью социологической интерпретации правовых норм, определения их подлинных социальных функций. В первом случае (номинального конституционализма) речь идет, в сущности, о чисто декоративном явлении — использовании правовых норм для легитимации неправового режима. Признаки номинального конституционализма: идеологизация государства и права, открывавшая возможность ограничений конституционализма по классовому признаку (феномен ограничения избирательного права по классовому признаку определил появление такого термина, как «лишенцы»); подчинение всех институтов гражданского общества, в частности, общественных организаций, партийному контролю (процесс постепенной легализации так называемых «неформальных общественных объединений», фактически альтернативных существующим структурам, начался только в период демократизации); отрицание или максимальное ограничение частной собственности (допускались только две формы собственности — государственной и кооперативной, иногда также общественных организаций, но на практике все формы собственности находились под контролем номенклатуры, что, в частности, облегчило процесс номенклатурной приватизации); отрицание, как в теории так и на практике, парламентаризма и принципа разделения властей, которому противопоставлялся принцип единства власти, представляющей всегда один государствующий класс или, позднее, всех «трудящихся»; фактическое слияние партийного и государственного аппарата, результатом чего являлось сосредоточение всех властных полномочий в руках правящего слоя — партийной номенклатуры. Следствием этих особенностей политического режима становилось отсутствие профессионального парламента и политических партий, независимой судебной власти и гарантий фундаментальных прав личности, как в политической, так и в экономической сфере⁷.

Второе понятие — реального конституционализма — отражает ситуацию тех стран, где конституционные нормы являются действующими в полном объеме. Главным критерием реализации прав является возможность отстаивать их в судебном порядке. Эта система ассоциируется главным образом с теорией и практикой либеральной демократии как она сложилась в странах Западной Европы и США в период после Второй мировой войны. Нет ничего удивительного, что процесс перехода к демократии в странах Центральной и Восточной Европы ориентировался

именно на эту систему. Систематизация направлений посткоммунистических конституционных реформ в Восточной Европе позволила установить следующие тенденции. В области философии права изменения были направлены на замену принципов идеологии классового противостояния принципами естественного права и прав человека: из конституций были устранины все упоминания о социализме и коммунизме, включая имевшиеся в названиях государств («социалистические» и «народные» республики); положения о марксистско-ленинской идеологии; нормы о руководящей роли коммунистических партий (или их аналогов). В области институциональной структуры речь шла о переходе от однопартийной диктатуры к парламентскому плюралистическому режиму с разделением властей: отмена суррогатной советской системы органов власти; введение разделения властей, многопартийности и политического плюрализма. В сфере имущественных и социальных отношений новое конституционное право фиксировало переход к рыночной экономике, культуре индивидуализма и индивидуальной свободы: изменение отношений собственности; новая формулировка социальных прав; отношение к религии; права человека и их реализация; реформа судебной системы (прежде всего создание Конституционных судов), учет международно-правовых норм (учет норм таких актов, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные пакты о правах человека 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., и протоколы к ней). Обстоятельства принятия новых конституций способствовали использованию опыта западных демократий. В числе источников новых конституций называют Основной закон ФРГ, Конституцию Веймарской республики, конституции государств Южной Европы, в ряде случаев Конституцию Пятой республики Франции. К источникам конституционных влияний можно отнести и конституционный опыт самих посткоммунистических стран периода формирования государственности в начале XX в.⁸ Существенным направлением рецепции западных конституционных принципов и норм становилось направленное толкование национальных конституций Конституционными Судами, созданными на основе кельзеновской модели конституционного правосудия⁹.

Третье понятие — мнимого конституционализма (переходного конституционализма и т. д.) — означает ситуацию, когда правовые нормы не только провозглашены, но и предполагаются реально действующими, однако это их действие существенно ограничено значительными юридическими или фактически осуществлямыми полномочиями исполнительной власти. Параметрами мнимого конституционализма в истории и современности следует признать: существенные лакуны или пропа-

ворчия в законодательстве; слабость парламентаризма и судебной системы; изъятие ряда важных вопросов из сферы конституционного контроля с параллельным расширением делегированных полномочий исполнительной власти; принятие стратегических решений не в парламенте, а в элитных группах (часто за пределами парламента); неоформленность партий (или так называемые «циничные компромиссы», направленные на сохранение власти безотносительно к идеологическим программам); манипуляции с избирательной системой для сохранения власти; наконец, последовательное воспроизведение старой элиты у власти («номенклатурная революция»)¹⁰. Все эти параметры, вопреки представлениям о преимуществах парламентских режимов перед президентскими, оказались представлены достаточно определенно не только в переходных режимах с президентской, но и парламентской формой правления¹¹. Они в полной мере проявили себя и в условиях переходного периода в странах Центральной и Восточной Европы¹².

До последнего времени в политологической литературе, опирающейся на «транзитологические» подходы (в стиле С. Хантингтона), появление этих параметров рассматривалось скорее как временные отклонения от магистральной линии развития и связывалось с трудностями переходного периода и тяжелым наследием Старого порядка¹³. В настоящее время, однако, все чаще возникает вопрос — не являются ли эти параметры дисфункции демократической системы признаками новой системы, которая не может быть определена ни формулой nominalного конституционализма (соответствующей реальности предшествующей однопартийной диктатуры), ни формулой реального конституционализма (соответствующей ситуации классических стабильных демократий), но всего более соответствует формуле минимого конституционализма (в принципе свойственной для режимов шлебисцитарной или делегативной демократии)? Не является ли парламентаризм и коалиционные правительства в их нынешнем виде недостаточной защитой общества в условиях роста национализма и популизма? Не приведет ли развитие событий к воспроизведению тех форм ограничения парламентаризма, которые существовали в этих странах, напр., в межвоенный период? Это заставляет вновь обратиться к типологии переходных процессов и, в частности, внимательному анализу такого важнейшего института переходного периода, каким являлись Круглые столы власти и оппозиции. В условиях конституционного кризиса они выполняли фактически (если не юридически) функцию Учредительных собраний, заложив основы конституционных реформ, парламентаризма, избирательной и партийно-политической системы.

Типология переходных процессов: в какой мере переход к демократии в Восточной Европе имел договорной характер?

В современной политологии доминирует типология переходных процессов, разделяющая их весьма схематично на две модели — договора и разрыва. Конструирование этих моделей (в работах Х. Липца, А. Степана и А. Валенсузэлы) опиралось в основном на опыт Южной Европы и Латинской Америки. Лишь позднее эта схема была перенесена на страны Центральной и Восточной Европы, где модель договора оказалась представлена Польшей, Чехословакией и Венгрией, а модель разрыва — Югославией и Румынией¹⁴. Критика этого деления велась по следующим направлениям: оно слишком схематично; не отражает реалий региона; но главное, — недостаточно объясняет отклонения от схемы.

Типология переходных процессов действительно предполагает уточнение терминологии: идет ли речь о юридических, политических или институциональных ее аспектах. В соответствии с первым (юридическим) критерием классификации, возможно разделение переходных процессов на те, которые идут с сохранением правовой преемственности (когда новые нормы возникают на основе действующего права) или с разрывом (последнее означает, что новые нормы создаются безотносительно к положениям действующего основного законодательства о создании новых норм). В соответствии со вторым (политическим) критерием, процесс перехода может быть определен как договорный (когда существует соглашение между основными политическими партиями о приоритетных параметрах будущей конституции) или как спонтанный (в результате которого новое право создается победившей партией и навязывается всем остальным участникам политического процесса). Наконец, третий критерий выдвигает на первый план вопросы институциональных изменений — старые институты могут быть сохранены (что позволяет говорить о реформе) или разрушены (что ассоциируется с революцией). Отметим, в частности, введенное экономистами понятие «институциональных ловушек», которое, по их мнению, объясняет дисфункцию правовых норм в области рыночной экономики. Заметим также, что в политологической литературенередко имеет место смешение различных критерий, и это ведет к неадекватной интерпретации переходных процессов.

Разграничение представленных трех критерий позволяет, на наш взгляд, дать более дифференциированную картину событий. Возможно построить ряд идеальных типов переходных процессов: во-первых, ситуация, когда имеет место радикальное изменение как правовых, так и

политических параметров режима (иначе говоря, одновременно происходят «конституционная» и «социальная» революция). Этой модели в Центральной и Восточной Европе в наибольшей степени соответствуют так называемые «бархатные революции». Наиболее четко этот тип бескровного переворота проявился в Польше и Чехословакии 1989 г. Он получил название «бархатной» или «нежной» революции¹⁵. Речь шла об одновременном радикальном изменении правовой системы (принятии новых конституций) и проведении социальных и политических преобразований, направленных на демократизацию режима. Перевороты данного типа интерпретировали также как демократические политические революции, реформацию. Было выдвинуто при этом понятие «согласованная революция». Наиболее подходит здесь выражение «октроированная конституция», напоминающая о традициях реформ сверху эпохи конституционной монархии. Понятие октроированной или дарованной монархом конституции предполагало, однако, возможность, при которой данная конституция могла быть отозвана. Подобная ситуация была весьма характерна и для начала конституционных реформ в странах Восточной Европы (где в роли силы, октроировавшей конституцию, выступала коммунистическая партия или ее аналог). В Восточной Европе (как и в России) конституционные изменения были дарованы властью, но постоянно сохранялась угроза их утраты в случае переворота или изменения политического курса.

Во-вторых, представлена ситуация, когда при сохранении юридической преемственности («конституционная реформа»), происходят радикальные политические изменения. Это пример Венгрии, где с формально-юридической точки зрения не произошло конституционной революции: старая (действующая) конституция была сохранена в силе, а ее изменения (вполне радикальные) были осуществлены путем принятия поправок. Наряду с этим имели место интенсивные политические реформы, трансформировавшие характер политического режима.

В-третьих, возникала ситуация, когда при радикальном разрыве правовой преемственности («конституционная революция») политическое содержание режима оставалось совершенно неизменным или менялось лишь частично. Такая ситуация, по мнению некоторых исследователей, сложилась в Румынии, где конституционная революция приобрела форму насилиственного государственного переворота. Замышлявшаяся как дворцовый переворот против диктатора, эта «революция» 22 декабря 1989 — 12 января 1990 г. привела к отмене всех институтов власти прежнего режима, созданию нового революционного правительства и принятию на

Учредительном собрании новой конституции в 1991 г. Однако на деле старая элита сохранилась у власти, что существенно затормозило процесс политических преобразований¹⁶. Институциональные параметры нового режима определяют его функционирование — оно может быть (при однотипных правовых нормах) более или менее толерантно в отношении фундаментальных прав личности, отражая различные комбинации старых и новых институциональных форм, часто ведущие к созданию гибридных институтов и практик. Если суммировать эти наблюдения по странам Центральной и Восточной Европы периода декоммунизации, то оказывается, что переходные процессы в них отнюдь не были единообразны и их объединение одним понятием — «бархатных революций» — упрощает дело, а понятие «договорной» концепции перехода нуждается в коррективах. Особеню, если использовать в качестве образца договорной модели испанскую модель перехода от франкистской диктатуры к демократии (1975—1978 гг.) или переход от апартеида к демократии в Южной Африке, совпавший по времени с конституционными кризисами в Восточной Европе (1993—1996 гг.).

Основным аргументом в пользу вывода о договорной модели перехода в странах Центральной и Восточной Европы обычно является указание на такой институт переходного периода как Круглые столы между властью и оппозицией, которые сравниваются (если не юридически, то фактически) с Учредительными собраниями, подготовившими принятие новых демократических конституций. Этому выводу не соответствуют наблюдения о порядке формирования этих институтов (он имел спонтанный характер); их составе (он был чрезвычайно разнороден), компетенции (которая нигде не была изначально четко юридически зафиксирована), а также результатам деятельности (лишь в ограниченной степени определившим последующие конституционные изменения)¹⁷.

Существовало много различий между круглыми столами в тех пяти странах, где они имели место (Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, ГДР). Польские переговоры вначале не включали ревизию конституции или введение политической демократии. Скорее, первоначальная идея заключалась в официальном признании «Солидарности» в обмен на помощь Запада и поддержку этим движением экономических реформ, которые представлялись правительству необходимыми. Идея устраивать специальные Круглые столы для политических реформ появилась позднее. В Венгрии политические реформы были частью повестки дня с самого начала, но не в форме полномасштабной ревизии конституции. Правительство полагало, по крайней мере, в течение некоторого време-

ни, что оно может обеспечить контролируемый и ограниченный переход к многопартийной системе в обмен на предоставление оппозиции участия в экономической ответственности и доступ к западной помощи¹⁸. Напротив, переговоры в ГДР, Болгарии и Чехословакии были ориентированы на широкомасштабные изменения практически с самого начала. В Болгарии быстрее избрание Конституционной Ассамблеи было главным вопросом Круглого стола. Однако, легкость, с которой была осуществлена эта трансформация, объяснялась не в последнюю очередь тем фактом, что сами эти институты в Болгарии оказались способом легитимации старой элиты в новых условиях. В ГДР фокус дебатов быстро сместился от реформ к воссоединению и далее Круглый стол как инструмент внутренних реформ утратил свою самостоятельную роль. В Чехословакии переговоры были посвящены главным образом смысл политического руководства, а не реформам институтов. В Румынии не было никаких переговоров (Круглых столов), и проблема смыслы лидеров была разрешена в ходе «демократической революции» — фактического переворота, организованного службой государственной безопасности. Повсюду, по признанию участников этих событий, существовал фактор неопределенности, связанный с возможным советским вмешательством (имевшим место ранее в аналогичных ситуациях практически во всех указанных странах). Только когда стало ясно, что его не будет, Круглые столы начали обсуждать реальные вопросы политической реформы. Рамки обсуждения носили ограниченный характер уже в силу того, что одной из сторон переговоров всегда оставалась правящая партия¹⁹.

Организация Круглых столов различалась, таким образом, по составу участников, соотношению сил правящих партий и оппозиции, критериям избрания делегатов от оппозиции, кругу обсуждавшихся вопросов, степени гласности дискуссий и, наконец, принятым решениям. Эти решения колебались по таким вопросам, как предпочтение в пользу свободных выборов или ограниченных; введение мажоритарной или пропорциональной избирательной системы (за исключением Венгрии, выбор делался, как правило, в пользу пропорциональной системы для создания условий участия всех политических сил в конституционном устройстве); принципов формирования парламента и отношения к решению национального вопроса, выбор формы правления (роль президента в системе сдержек и противовесов); изменения конституции (принять новую или изменить старую). Они различались по практическим вкладам в трансформацию политической системы — от реального (в Польше и Чехословакии) до практически символического в ГДР.

Основной вывод, который может быть сделан на основе изучения Круглых столов — это слабость договорных начал: они представляли в лучшем случае договоры между властью и оппозицией (спонтанно выдвинувшейся и плохо подготовленной к роли парламентской политической оппозиции), но не договор между оформленшимися политическими партиями (как это было в классических моделях договорного перехода). Это обстоятельство сужало объем легитимности новых режимов и ставило под сомнение договорный характер переходного процесса (что в настоящее время используется правая оппозиция).

Принятие конституций как фактор консолидации новых демократических режимов и индикатор политических противоречий

Подтверждением вывода (об ограниченности договорных начал в странах региона), как представляется, могут служить трудности в разработке и принятии новых конституций. В американской литературе (Б. Акерман) разработана теория так называемого «конституционного момента», суть которой состоит в том, что оптимальное принятие новой конституции возможно лишь в короткий промежуток времени, когда (в условиях революции или сильного социального потрясения) может быть достигнут общенациональный консенсус. Этот промежуток времени (который и получил название «конституционного момента»), в силу исключительной эмоциональной насыщенности, не может продолжаться долго, а потому задача реформаторов состоит в том, чтобы успеть реализовать конституционную реформу с надлежащей скоростью¹⁹. Спорность данной теории заключается в том, что она фактически переводит проблему содержания реформ в область политических технологий их осуществления. Во всяком случае, обращение к опыту посткоммунистического развития в странах Восточной Европы приводит к выводу, что в условиях «бархатных революций» данный «конституционный момент» был упущен. Напротив, он оказался использован там, где участие общества в разработке конституции было минимальным (например в Болгарии, Румынии и, возможно, России). В странах «бархатной революции» представлено три подхода к решению проблемы — отказ от принятия новой конституции; принятие конституции в условиях распада страны; и стремление растянуть этот процесс во времени.

В Венгрии — принятие новой конституции, рассматривавшееся как логическое завершение перехода к демократии, так и не состоялось и было заменено осуществлением поправок к старой конституции 1949 г.²⁰

В конце 1980-х годов политическая ситуация начала меняться. В 1987 г. премьер-министр опубликовал правительенную программу, которая ограничивала роль Президентского совета и означала начало движения от управления методом указов к парламентской системе. В 1989 г. переход от государственного социализма к демократии ускорился, когда партия и оппозиционные группы встретились для ведения переговоров за Круглым столом²¹.

Конституция 1949 г. подверглась пересмотру, но это было сделано поэтапно — двумя сериями поправок в 1989 г. и 1990 г. В октябре 1989 г., вслед за переговорами Круглого стола, парламент одобрил фундаментальные поправки к конституции, включая устранение статьи, гарантирующей однопартийное правление. Несколько групп, оппозиционные ВСРП (получившей теперь название Венгерской социалистической партии), сформировали новые политические партии. Весной 1990 г. в Венгрии состоялись первые демократические выборы после 45-летнего однопартийного социалистического правления. Победили новые партии — Венгерский демократический форум и Союз свободных демократов. В 1990 г. были предприняты дальнейшие поправки к конституции, значительно ограничивавшие прерогативы парламента. Цикличность политического процесса постсоветского периода проявилась в том, что выборы 1994 г. вернули к власти Венгерскую социалистическую партию, завоевавшую определенное большинство в парламенте, а главной оппозиционной партией стал Союз свободных демократов.

Несмотря на завоевание большинства в парламенте, Венгерская социалистическая партия, тем не менее, вошла в коалицию с Союзом свободных демократов. Этот необычный шаг, частично объяснявшийся проблемой легитимности из-за диспропорций венгерской смешанной избирательной системы, позволял ВСП достичь парламентского большинства при наличии только 33% голосов избирателей. Коалиция также создавала необходимое большинство для промульгации новой конституции — вопроса, важнейшего в политической повестке переходного периода. В новом проекте предлагалось отразить такие вопросы, как независимость судебной власти, реформы структур местного управления, модификации избирательного права и некоторые ограничения функций Конституционного суда. Новая конституция, как ожидалось, должна была быть вынесена на референдум в конце 1995 г., который так и не прошли до сих пор. Основной причиной этого аналитики считают стремление правящей партии воздержаться от изменений, способных ослабить ее положение.

Венгерская модель изменения Конституции позволяет констатировать ее гибкость при наличии достаточно жестких процедур пересмотра. Нормы Конституции относительно ее пересмотра отличаются известной неопределенностью. Конституция Венгрии говорит о принятии конституции Венгерской Республики высшим органом государственной власти и народного представительства — Государственным собранием (параграф 19, ст. 3), но не оговаривает порядка этого принятия. Вопрос о процедуре внесения поправок к Конституции поднимается в связи с раскрытием правомочий Государственного собрания (к ним относится изменение Конституции), которые могут быть осуществлены большинством не менее 2/3 голосов депутатов Государственного собрания (параграф 24, ст. 3). Из контекста данного параграфа, однако, не вполне ясно, идет ли речь о большинстве списочного состава депутатов или присутствующих на заседании. Данная неопределенность усиливается следующим положением о том, что Государственное собрание самостоятельно устанавливает правила своей деятельности и порядок обсуждения вопросов в Регламенте, который принимается большинством в две трети голосов присутствующих депутатов Государственного собрания (параграф 24, ст. 4). Подобная нечеткость в столь важном вопросе, очевидно, не была случайностью и отражала стремление сосредоточить в руках парламентского большинства прерогативы изменения Конституции в переходный период (что и было активно использовано).

В дальнейшем, когда был поставлен вопрос о принятии новой Конституции, указанное положение потребовало изменений. В результате законом 1995 г. была введена дополнительная статья 5 параграфа 24: «Для принятия Государственным собранием решения о подробных правилах разработки новой Конституции необходимо четыре пятых голосов депутатов Государственного собрания»²². Данная статья имела временный характер и утрачивала силу с прекращением мандата Государственного собрания, избранного в 1994 г. Она позволяла решить вопрос о принятии новой Конституции в условиях обсуждения ее необходимости. Как известно, однако, это большинство не получено до сих пор.

Политический смысл формулы о необходимости 4/5 голосов (вместо 2/3) в Государственном собрании, необходимых для изменения конституции, состоял не только в стремлении обеспечить большую легитимность будущей конституции, но и опасениях того, что правящая коалиция во главе с социалистами (уже располагавшая двумя третьими голосов в парламенте), может пойти на изменения конституции без учета мнений других участников переходного процесса — политических партий, оказавшихся в оп-

позиции. Для принятия конституции или осуществления поправок к ней по новой формуле требовалось участие не двух, а как минимум пяти политических партий или передача их голосов крупным партиям на следующих выборах. Поскольку не реализовалась ни первая, ни вторая возможности, провести радикальную конституционную реформу в Венгрии оказалось невозможно²³.

В Чехословакии принятие конституции не было возможно из-за распада страны, претерпевшей «бархатную революцию» (*Velvet revolution*), результатом которой стал «мирный коллапс чехословацкого коммунистического режима». Бывший диссидент Вацлав Гавел был назначен Федеральным собранием на должность президента в качестве главы государства для создания временного правительства национального доверия. Законодательные институты были реконструированы на базе дискуссий за Круглым столом до новых выборов в 1990 г. Новый парламент, избранный на переходный период в два года, вскоре взялся за разработку новой конституции для федеративной республики и каждого из составляющих ее государств. Тем временем конституция 1969 г. претерпела изменения путем внесения поправок²⁴. Кроме того, в качестве конституционного закона в ноябре 1990 г. была промulgирована Федеральная хартия прав и свобод человека. После выборов в июне 1992 г. Вацлав Клаус и Владимир Мечтар стали премьер-министрами соответственно Чешской и Словацкой федеративных республик, получив ощущимую поддержку своих партий — Гражданской демократической партии и Движения за демократическую Словакию. Полярность политических орнитаций, споры о чехословацком единстве в новой федеративной республике усилились в ходе выборов и скоро привели к «бархатному разводу» (*Velvet divorce*). В июле 1992 г. Словацкий национальный совет провел одностороннюю декларацию о суверенитете и В. Гавел подал в отставку в качестве федерального президента. Однако механизм создания новой конституции федеративного государства уже был запущен, и каждое из формирующихся государств удвоило усилия по созданию своих собственных конституций. Хотя политические переговоры лета 1992 г. закончились решением о формальном разделении Чехословакии с 1 января 1993 г., формальный акт, устанавливавший дату распуска федеративной республики был принят Федеральным собранием только в ноябре 1992 г. Чешская конституция была принята в декабре 1992 г. и вступила в силу 1 января 1993 г.²⁵ Словацкая конституция, создающая суверенное словакское государство, была принята в сентябре 1992 г. и вступила в силу 1 октября 1992 г. Согласно конституции, Словацкий национальный совет Чехословакии переиме-

новывался в Национальный совет Словацкой Республики. Словацкий парламентаризм расценивается как относительно слабый и сильно зависимый от Законодательного совета правительства. Премьер-министр обладает необычно широкой законодательной властью, и разделение власти между президентом и премьер-министром в целом неопределено. Отсутствие ясности в правилах и процедурах вело к конфликтам в парламентских фракциях.

Конституция Чешской Республики 1993 г. создала двухпалатный парламент, сходный с тем, который существовал в межвоенный период. 26 января 1993 г. парламент избрал В. Гавела президентом Чешской Республики. Однако введение двухпалатного парламента, в котором обе палаты (Палата депутатов и Сенат) имели приблизительно равные полномочия в области законодательной власти, было спорным шагом для государства, переставшего быть федеративным. Споры развернулись в этот переходный период по вопросу о Сенате. Если президент Гавел выступал за скорейшее его формирование, то премьер-министр Клаус считал, что лучше повременить с этим. Конфликт премьер-министра и президента по поводу Сената отражал различные трактовки власти президента и права его вмешательства в политику. По конституции он был церемониальной фигурой, но реально влиял на политику и надеялся, что Сенат станет противовесом нижней палате и обеспечит в дальнейшем его функцию арбитра. Ситуация в Чехии, как и других странах Восточной Европы, прошла идентичные фазы, приведя, как будет показано ниже, к чередованию неустойчивых партийных коалиций.

В Польше имел место многоступенчатый процесс принятия конституций. Несмотря на то что коммунистическая диктатура была радикально отвергнута, конфликты между партиями не позволили быстро принять Конституцию. В течение семи лет, предшествовавших принятию Конституции 1997 г., временная конституция обеспечивалась сначала поправкой от 7 апреля 1989 г. к Конституции 1952 г., а затем «Малой Конституцией» от 17 октября 1992 г.²⁶ Приятие «Малой Конституции», не решив проблемы, совпало с началом витка конституционного цикла, свойственно го практически для всех стран Восточной Европы. После выборов мая 1993 г. новое правительство, сформированное оппозицией, не получило вотума доверия, президент Л. Валенса распустил парламент и назначил новые выборы на сентябрь 1993 г. Их результат означал поражение «Солидарности»: всего тридцать пять процентов досталось расколотым правым партиям, в то время как двум левым партиям, вышедшим из прежнего коммунистического режима — Демократический левый союз

и Польская крестьянская партия — удалось получить две трети голосов в парламенте и сформировать в нем доминирующую коалицию.

Проблема заключалась в том, что у «Солидарности» (как и у других оппозиционных движений в странах региона) не было готового конституционного проекта, поскольку крупнейшие коммунисты и ее приход к власти были слишком стремительны (в период Круглого стола проект не был подготовлен), а уже вскоре после прихода к власти это движение, объединенное исключительно леструктивными целями борьбы с системой, раскололось. В дальнейшем работа над конституцией вследствие в двух комиссиях — Сейма и Сената, которые, однако, не смогли скоординировать своих действий, результатом чего стало появление двух несовместимых проектов. В 1992 г. одновременно с «Малой Конституцией» был принят и закон о разработке большой конституции, который, однако, отодвигал ее принятие в неопределенное будущее. В это время была выдвинута идея постепенного принятия Конституции по частям — дополнения «малой конституции» основными законами — Хартии о правах и свободах, законами о судебной системе и Конституционном трибунале. В результате конституционный порядок должен был напоминать американский или британский (а точнее — израильский, где после принятия резолюции Харари, был избран именно такой способ поэтапного решения конституционного вопроса). Эта концепция была разработана Л. Фландингом — юридическим советником Валенсы в 1992 г. Она не реализовалась из-за политических устремлений партий. Лишь к 1993 г. сформировалось парламентское большинство, достаточное для принятия конституции. Началась работа Конституционной комиссии, однако дебаты концентрировались на процедурной проблеме — подготовке закона о порядке ратификации конституции. Согласно выработанному закону, проект Конституции, принятый Национальным собранием, должен был быть одобрен на всенародном референдуме. Оппозиционные силы («Союз труда») предлагали провести особый предварительный конституционный референдум по конкретным вопросам, что привело к конфликту президента и Сейма по процедурным вопросам²⁷.

Для Польши, как было показано, характерен эволюционный подход к разработке конституции. В этом смысле она упустила революционный «конституционный момент», возникающий в условиях падения старых институтов и реализации массовых changeий. Новый правовой порядок сложился, как считают большинство аналитиков, в результате постепенного изменения прежнего. Если бы конституция была принята сразу после 1989 г., создание новых институтов проходило бы с меньшими

трудностями и, возможно, в Польше удалось бы избежать последующего противостояния (что отмечает ряд авторов и что справедливо также в отношении России). В Конституции, ратифицированной 25 мая 1997 г., были закреплены нормы, сложившиеся после 1989 г. в борьбе политических партий и институционального противостояния²⁸. Принятие новой конституции не было революционным, но лишь обобщило, кодифицировало и выразило существующие нормы, узаконив сложившийся правовой и институциональный строй (включая систему политических и административных интересов). Это был набор компромиссов между различными концепциями государства. Конституция, поэтому, включает довольно нетипичные положения — элементы аграрной теории (положение ст. 23 о «семейном хозяйстве» как основе аграрного строя, внесенное Польским народным альянсом); социализма (широкий набор социальных прав наряду с защитой государственной собственности); христианской демократии (отражено в Пресамбуле и ст. 18, содержащей определение понятия «семья») и либерализма (положения о свободном рынке и частной собственности).

Элементы идеологической эклектики свойственны в основном тем конституциям, которые возникают в результате достижения непростых компромиссов и длительных согласований между различными политическими силами. Таковы Основной закон Германии 1949 г., конституции Португалии 1976 г. и Бразилии 1988 г. Центральное значение имеет, однако, вопрос о том, признают ли участники конституционных переговоров ценности либерального конституционализма, или они расходятся по этому главному вопросу. В первом случае консенсус вполне возможен даже при наличии серьезных разногласий по процедурным вопросам (это демонстрирует опыт принятия Конституции Южно-Африканской республики 1996 г.). Во втором — достижение консенсуса в принципе маловероятно и возможно оно скорее всего по отдельным вопросам и процедурным гарантиям. В случае Польши, Венгрии и Чехии имела место некоторая промежуточная ситуация: при внешней видимости консенсуса партий в отношении необходимости принятия конституции, разногласия по содержательным и, особенно, процедурным вопросам оказались весьма существенными. Суммируя основные направления конституционных дебатов и конфликтов 1989—1991 гг., подчеркнем те из них, которые мешали быстрому принятию конституции на основе консенсуса. К ним относятся (помимо раскола партий) противоречия между палатами — Палатой депутатов и Сенатом в Чехии; Сенатом и Сеймом в Польше (до принятия «Малой Конституции» 1992 г.); между Палатой депутатов

и Сеймом в Чехии и Польше, с одной стороны, и президентами двух стран — с другой (эта группа конфликтов отсутствовала в Венгрии в силу однопалатной структуры парламента); между президентом и премьер-министром; наконец, между Национальным собранием и венгерской оппозицией во всех трех странах.

Ограниченный масштаб доверия: отсутствие консенсуса политических партий

Главной причиной конституционных конфликтов и трудностей переходного периода следует признать отсутствие консенсуса политических партий, который, как отмечалось, является основным условием договорного перехода к демократии. Этот консенсус лишь в ограниченной степени реализовался в ходе разработки новых конституций, но стал менее определенным в период их принятия и, особенно, в последующее время²⁹. Первая ситуация может быть проиллюстрирована на примере Венгрии, вторая — Польши, третья — Чехии. Государственное собрание Венгрии учредило Конституционный комитет для создания проекта новой конституции страны (1995 г.); причем его состав имел многопартийный характер (в него вошли представители пяти основных партий). Организация Комитета определялась стремлением к сохранению консенсуса между партиями по конституционным проблемам: пять парламентских фракций, представляющие не менее двух третей состава венгерского парламента, получили равное представительство и одинаковое число голосов в Комитете. Идея работы Конституционного комитета заключалась, как видим, в стремлении реализовать испанский опыт договорной модели перехода и обеспечить поддержку будущей конституции со стороны всех активных участников политического процесса переходного периода.

Данный подход позволил достичь определенных результатов: в 1996 г. была завершена разработка проекта конституции (точнее — пакета поправок к действующей конституции), который (в случае одобрения двумя третями депутатов парламента) предполагалось вынести на референдум. Вскоре выяснилось, однако, что достигнутый консенсус был чрезвычайно непрочен и не смог пройти испытания в ходе парламентского голосования. Государственное собрание отклонило пакет поправок к конституции, предложенный Конституционным комитетом. Испанская модель создания конституции не реализовалась в Венгрии по трем причинам: во-первых, здесь не было столь жесткой ответственности партий за работу их представителей в Конституционном комитете (что, собственно, и позволило им затем отказаться от его предложений); во-вторых, дого-

вогенности между партиями имели достаточно условный характер и не были жестко формализованы (одна из них, партия мелких сельских хозяев, вскоре договоренности пяти партий, выступила за изменение формы правления — переход к президентскому режиму); в третьих, выявились слабость связи между партийными фракциями и их представителями во власти — сформированным ими правительством, которое в критический момент голосования по вопросу о конституционных поправках отказалось поддержать позицию своей собственной партии. Все эти факторы, отражающие слабость парламентаризма и системы многопартийности, находящейся на стадии формирования, помешали реализации договорной модели принятия конституции в Венгрии³⁰.

В Польше конфликт Сейма с «Солидарностью» по процедурным вопросам принятия Основного закона имел наиболее выраженный характер, раскрывая внутренние противоречия постсоветских элит. Пришедшие к власти в ходе революции 1989 г. правые считали, что ее идеалы были преданы, поскольку тем, кто осуществил революцию, было отказано в соответствующем политическом представительстве. Они утверждали, что правящая элита и институты, контролирующие конституционный процесс, тяготеют к старым структурам. В этих условиях они выступали против принятия новой конституции, полагая, что она закрепит сложившееся положение и блокирует реформы. Правые партии (по иронии судьбы — инициаторы революционных изменений) оказались «антиконституционными» в условиях, когда возможность принятия конституции демократическим путем стала реальностью. Кроме того, входящие в них силы выступали за построение государства на основе доктрины Католической церкви и национальных христианских традиций. Партии конституционной коалиции предпочли путь постепенных эволюционных преобразований, ориентируясь на прогресс и модернизацию.

Конституционные споры в Польше приобрели концептуальный и абстрактный характер, поставив в центр внимания вопросы о характере польской государственности и перспективных целях ее развития, сохранении или изменении существующей модели государства и разделения властей, соответствии их задачам, с одной стороны, экономики рыночных реформ и, с другой — задачам гарантирования основных прав. Оппоненты утверждали, что принимая существующий порядок, Конституция фиксирует и легитимирует власть старой номенклатуры, сформировавшейся до революции 1989 г. В связи с этим оппоненты («Солидарность») ставили в качестве центрального вопроса о моральном и политическом праве существующего парламента (большинство в котором принадлежало

ло социалистической коалиции) принимать Основной закон. Процедурная проблема становилась важнее содержания конституции. В результате, современная Конституция Польши была принята на референдуме 25 мая 1997 г. с небольшим перевесом голосов и ограниченным участием населения в референдуме. Это объяснялось резко критической позицией «Солидарности», Католической церкви и правых партий. Они осуждали, однако, легитимность процедуры принятия Основного закона, а не его содержание. Легитимность парламентаризма ставилась под сомнение в силу того, что в ходе принятия конституции на разных этапах ее разработки и обсуждения доминировали соображения практической политики, интересы партий, а не стратегических соображений.

В Чехии консенсус, наставившийся первоначально на стадии принятия Конституции, воспроизводился затем путем бесспринципных партийных коалиций. Причиной победы социалистов (возврата к власти) стал, как полагали эксперты, экономический застой внизу и политический кризис в верхах. В 1997 г. президентом Гавелом было назначено временное правительство. Сам президент (несмотря на то что его полномочия по конституции носят лишь представительский характер) активно влиял на политический курс. Благодаря расколу правительства Гражданской демократической партии Клауса (из нее выделился либеральный «Союз свободы») и трудностям экономических реформ, социал-демократы (ЧСДП) завоевали на выборах в Палату депутатов большинство мест (по пропорциональной системе). Но победа была не достаточна для формирования устойчивого однопартийного правительства. Для создания правительства между ЧСДП и ГДП было заключено так называемое «оппозиционное соглашение», позволявшее социал-демократам сформировать правительство меньшинства и заручиться поддержкой парламента. Взамен ГДП получала председательство в Палате депутатов и право назначать главу Верховного контрольного управления.

Это «оппозиционное соглашение» представляет собой интересный и в известной мере типичный для постсоветского урегулирования документ — пакт двух идеологических противников, заключенный с целью сохранения власти и отстранения от нее всех других (мелких) партий (Союз свободы, коммунистическая партия, партия пенсионеров, республиканская партия) и президента, вмешательство которого в политику признавалось чрезмерным. Хотя Конституционный суд в 1998 г. признал это соглашение не противоречащим Конституции, документ вызвал критику всех прочих партий и президента, поскольку не согласуется с идейно открытого демократического соревнования между партиями. Две круп-

нейшие партии поделили между собой политическое пространство и законотворческий процесс, отстранив малые партии. Будучи избранными по пропорциональной системе, они после выборов фактически восстановили принцип мажоритарности. Результат «оппозиционного соглашения» — не просто замалчиваемая коалиция без общего правительства. «Поскольку соглашение обеспечивает общие процедурные рамки взаимодействия двух партий в парламенте, оно ставит их против других парламентских партий либо отделяет от них, создавая тем самым отдельное поле политической игры для двух главных соперничающих партий, и очерчивает особые рамки взаимодействия исключительно правительства и оппозиции, оставляя иные партии полностью вне законотворческой игры»³¹.

Рассмотренные особенности функционирования межпартийного диалога на стадии разработки, принятия и последующей реализации новых конституционных принципов и норм не только отражают ограниченные возможности достижения консенсуса, но демонстрируют слабость парламентаризма и аморфность партийных структур.

Бархатная революция и бархатная реставрация: направления споров между властью и оппозицией

Содержательные параметры противоречий, затруднявших консенсус в переходный период, получили четкое концепционное выражение в Польше в ходе дебатов между сторонниками принятия конституции и их противниками (правыми). Поскольку аргументы оппозиции воспроизводятся в настоящем время и являются достаточно типичными для всех стран региона, рассмотрим их подробнее.

Первая проблема — вопрос о национальной идентичности, вообще чрезвычайно острый для всех посткоммунистических режимов Восточной Европы. Мощным фактором конституционного развития повсюду в регионе стало возрождение национализма, которое (как в экстремистской, так и либеральной форме) было связано со стремлением восстановить разорванную историческую и правовую преемственность. Вопрос этот выражался в трактовке национального суверенитета и правопреемственности и получал различное решение в ходе конституционных кризисов. В Польше данная тенденция проявилась особенно заметно. Конституция ПНР 1952 г. не содержала ссылок на предшествующую Конституцию 1935 г. Поэтому важно было установить отношение Третьей Республики ко Второй и законную силу решений, принятых в ПНР. Критики современной Конституции 1997 г. отмечали, что в ней нет четкого определения ее соотношения с ПНР (Преамбула определяет 1989 г. как

восстановленис государственного суворенитета, но это не предполагает каких-либо юридических последствий). Польская конституция ничего не говорит о пресмественности по отношению как к Конституции 1952 г. так и к Конституции 1935 г. Это вело (как и в ряде других стран Восточной Европы и России) к тупиковой ситуации при решении проблем реприватизации, пересмотре коммунистических судебных решений, люстрации. Противники последних в Чехии и Польше на этом основании утверждают, что их проведение не только противоречит конституционным принципам свободы совести, но и является ретроактивным толкованием права.

Другая проблема оказалась связана с определением роли христианских ценностей и Католической церкви как самостоятельного института политической системы. Поскольку Польша, согласно правым, выжила в коммунистический период благодаря Церкви, необходимо закрепить ее особый статус в государстве. Клерикалы критиковали Конституцию за то, что она отдаст приоритет позитивному праву над сопственным правом. Им представлялась недостаточной приверженность конституции религиозным ценностям и выраженная в пресамбуле концепция Бога. Простая декларация фидализма, согласно сторонникам данного мировоззрения, не может преодолеть негативного воздействия атеизма, который сближался с марксистским материализмом и философией смерти, присущей духу потребления и гедонизму западной культуры. В ходе дебатов (под влиянием Епископата) вместо известной формулы о невмешательстве государства в дела церкви, была принята формула «дружественной кооперации» (Часть 3, ст. 25)³².

Третьей проблемой стала организация государственной власти. Сторонники правой оппозиции указывали на неспропорционально важную роль полномочий представительной власти (Сейма) в ущерб исполнительной и судебной. В условиях польского переходного периода дополнительный недостаток этого усматривался в возможности возвращения к власти таким путем старой именноклатуры. Следствием становилось, согласно данной логике, нарушение принципа разделения властей путем преобладания одной из них — законодательной, а результатом (господства парламента) — доминирование политических партий. Отсюда возникла ситуация, когда текущие политические интересы возобладали над стратегическими целями. В результате, полагали они, государство является слабым, но по-прежнему строго централизованным. Оно не сможет решить поэтому проблему защиты прав человека, экономических реформ, развития местного самоуправления. Основной критике подвергался режим партий, который (благодаря пропорциональной системе выборов

по национальным спискам) отдаст преимущества сильным партиям, что ведет к централизации и политизации государственного управления. В целом эта система определялась как режим партитократии и «сеймократии»³³.

Поскольку разработка Конституции осуществлялась Сеймом, то в ней действительно нашло отражение его стремление закрепить свою ведущую роль в управлении государством, а также опасение установления авторитарного президентского правления. Однако роль парламента по-прежнему зависит от того, удастся ли ему сформировать устойчивое парламентское большинство, способное образовать и поддержать правительство. Если этого большинства нет или возникают неустойчивые парламентские коалиции, то тем сильнее становится позиция президента в отношении главы правительства. В истории Польши дважды возникали ситуации парламентского паралича (1922—1926; 1991—1993 гг.). Вопрос о том, насколько президент облечён полномочиями действовать в условиях раскола, оставался неясным. Новая Конституция (1997 г.) «совершенно определенно положила конец «мечтаниям» о сильном институте президентства и единоличном правлении». Она была продиктована «боязнью сильного лидера (Пилсудского — в прошлом, Валенсы — в настоящем) и действует в условиях совершившегося нового политического контекста»³⁴.

Повсюду в Восточной Европе «бархатная революция», используя фразеологию оппозиции, сменяется «бархатной реставрацией» (термин А. Михника): компартии оставили власть в 1989 г.; после короткого либерально-го интервю (представленного либерально-консервативными партиями), социалистические партии (наследники коммунистов) пришли к власти: в Польше в 1993 г., в Венгрии — в 1994 г., а в Чехии — в 1998 г. (уход правительства Клауса за два с половиной года до очередных парламентских выборов в 1997 г. и победа Чешской социал-демократической партии на досрочных парламентских выборах 1998 г.). Это — иллюстрация цикличности, получившей свою особую терминологию — бархатная революция сменяется бархатной реставрацией (*«the Velvet restoration»*)³⁵. Наиболее резко результат политических преобразований переходного периода определялся консервативной оппозицией формулой Троцкого — «преданная революция».

Основной негативный результат новой конституционной системы и парламентаризма повсюду усматривался оппозицией в восстановлении позиций старой номенклатуры, закрепившей свою роль в процессе приватизации. Конституции действительно не содержали четких принципов защиты национального достояния и вводили расширенное толкование

парламентской неприкосновенности, способствовавшес исконтролируемой приватизации старой номенклатурой национальных имуществ. Конституционные нормы, фиксировавши подобное положение, способствовали осуществлению реальной пресмытвенности власти и собственности (иногда через систему коррупции), связанный с отстранением от них правой оппозиции. В этом усматриваются оппозиций корни «деморализации общества», нестабильности правящих коалиций, неэффективности и коррумированности исполнительной власти.

Непрочная легитимность правящих элит и современные проблемы

Выделяется три этапа системной трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Первый представлял собой постепенную эрозию политической системы государственного социализма (начиная с 70-х годов XX в.). Второй означал наибольшую радикальную фазу изменений — «бархатные революции» (1989 — середина 1990-х годов); третий этап (1995—2005 гг.) определяется как период постреволюционной стабилизации, который в наибольшей мере выявил трудности и противоречия переходного периода.

Интеграция в Европейский Союз, являвшаяся одной из приоритетных целей всего переходного периода, не стала завершением переходного периода, но вновь продемонстрировала отсутствие консенсуса, конфликт партий и слабую легитимность элит. В 2004 г. состоялось вступление в ЕС Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Эстонии, Латвии, Литвы, Словении. Вступление в ЕС было связано с непопулярными экономическими мерами (направленными на сокращение бюджетного дефицита), которые вынуждены были проводить социалистические правительства (в ущерб своим популистским программам и заявлениям). Поэтому одним из следствий стала поляризация политических сил и рост нестабильности в этих странах — Венгрии, Польше, Чехии, Словакии. Правые говорят о предательстве национальных интересов при вступлении в ЕС, сами оставаясь при этом в оппозиции. В их программных заявлениях сочетаются положения об утрате национальной идентичности (в результате подавления в ходе интеграции сильными государствами слабых), социальной несправедливости (сокращение бюджетного дефицита за счет социальных программ) и коррумированности правящих элит (критика легитимности номенклатурной приватизации). Сразу после вступления в ЕС в отставку подали премьер-министры Польши, Чехии и Венгрии.

В то же время новые демократии оказались перед лицом трудностей всего ЕС как политического объединения: это нашло выражение в осо-

бой позиции «новой Европы» по проблемам европейской интеграции, идентичности, формированию европейских институтов и характера представительства в них, а также — позиции в отношении проекта Европейской Конституции. Отказ от принятия Конституции ЕС, споры о расширении ЕС (в частности, целесообразности вступления Турции) добавили несверенности и усилили позиции националистов (причем отмечается усиление радикального национализма). Это показывает, к примеру, дискуссия о том, следует ли продолжать ратификационную процедуру после провала Евроконституции на референдумах в 2005 г.³⁶

Практически все страны региона, приняв парламентскую или парламентско-президентскую форму правления, столкнулись с проблемой слабых правительств. Они формировались, как правило, не одной партией, но возникали на основе сложных коалиционных построений, что отражалось как на их стабильности, так и эффективности (Венгрия, Польша, Литва). Проявлением этого стали в 2006 г. кризис в Венгрии (в основе которого лежал распад коалиции Социалистической партии и Союза свободных демократов при активизации оппозиционных правых партий); в Польше (отрицание легитимности партии «Право и справедливость» со стороны оппозиционной «Гражданской платформы»); латентный конфликт в Чехии (неспособность Гражданской демократической партии сформировать коалицию с правительством из-за паритета сил с оппонентами в парламенте — социал-демократами и коммунистами). В этих странах констатируется наступление периода «беззастенчивого популизма» с выраженным националистическим (правым и левым) уклоном. На таком фоне констатация успеха великой трансформации в Центральной и Восточной Европе приобретает привкус разочарования³⁷.

Характер современного кризиса не должен вводить в заблуждение: он является выражением конфликта ценностей, а не только политических партий; охватывает все страны, где происходили «бархатные революции», представляет собой попытку исторического реванша сил, отстраненных от власти в переходный период. Если форма конфликта — критика результатов интеграции в ЕС, то его суть — в противоречии парламентаризма и популизма. Корни данного кризиса, как было показано, следует искать в генезисе современного конституционного и политического строя, который (вопреки оптимистическим прогнозам эпохи «бархатных революций») был далек от идеальной модели договорного или согласованного перехода к демократии. Может ли вообще подлинная революция быть «согласованной»? Современный кризис ставит следующие проблемы: может ли парламентаризм устоять перед новой волной националистиче-

ского популизма; в частности, угрозы прихода популистов к власти в результате демократических выборов (при опоре на ценностный раскол и экономические трудности). Исторический опыт подобных трансформаций парламентаризма включает как классический пример крушения Веймарской республики, так и кризис парламентаризма в странах Восточной Европы межвоенного периода. Наш анализ ситуации позволяет констатировать, что вывод о завершении переходного периода является как минимум преждевременным, его результаты не очевидны, а легитимность существующих партийных коалиций — проблематичной.

Поиск решения этих проблем возможен, на наш взгляд, по следующим направлениям: достижение ценностного консенсуса как основа демократической идентичности (не только националистической, которая заполнила вакuum, связанный с крушением коммунизма); коалиция рационально мыслящих партий и синтез их идеологий против экстремизма (исторический опыт — национал-либерализм, социал-либерализм эпохи дуалистической монархии); консолидация партийной системы на основе признания либерально-демократического фактора (роль института конституционного правосудия в этом отношении чрезвычайно велика, однако в условиях политического раскола его решения могут восприниматься оппонентами как излишне политизированные); разделение решения проблем во времени; консociативная демократия — договор элитных групп по вопросам конституции без участия широких масс; целесообразность разграничения содержательных и технологических параметров преобразований (но при этом важна легитимность самих процедурных решений и их юридическое оформление).

Примечания

¹ Медушевский А. П. Теория конституционных циклов. М., 2005.

² Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006.

³ Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919—1944 / Hrsg. von E. Oberländer; in Zsarb. mit R. Ahmann et al. Paderborn etc., 2001; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологии, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

⁴ Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 135—146; Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе // Там же. 1996. № 4; Мачкув Е. Посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Там же. 2000. № 4.

⁵ *Tokes R. L. «Transitology»: Global Dreams and Post-Communist Realities // Central European Review.* 2000. Vol. 2. № 10.

⁶ *The Rule of Law after Communism / Ed. by M. Krygier, A. Czarnota.* Ashgate, Aldershot, 1999; *The Rule of Law in Central Europe / Ed. by S. Priban, J. Young.* Ashgate, Aldershot, 1999.

⁷ *Номинальные конституции коммунистического периода: Конституции стран народной демократии / Отв. ред. В. Н. Дурденевский.* М., 1958; *Высшие органы государственной власти стран народной демократии. Вып. 1. Европейские страны / Под ред. М. П. Лебедева.* М., 1960; *Конституции социалистических государств / Под ред. Б. А. Страшуня, Б. Н. Топорнина, Г. Х. Шахназарова.* М., 1987. Т. 1—2; *The Constitutions of the Communist World / Ed. by W. B. Simons, Avan den Rijn.* The Netherlands, Sijthoff and Noordhoff, 1980.

⁸ *Новые конституции стран Восточной Европы и Азии.* М., 1996; *Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов.* М., 1994; *Конституции государств Центральной и Восточной Европы.* М., 1997; *Конституции государств — участников СНГ.* М., 1999; *Конституции стран СНГ и Балтии.* М., 1999; *Конституции государств Европы.* М., 2001. Т. 1—3.

⁹ *Конституционный Суд как гарант разделения властей.* М., 2004; *Constitutional Justice: East and West / Ed. by W. Sadurski.* The Hague, 2002; *Dupre C. Importing the Law in Post-Communist Transitions: the Hungarian Constitutional Court and the Right to Human Dignity.* Oxford, 2003; *Systems of Justice in Transition: Central European Experiences since 1989 / Ed. by J. Priban, P. Roberts, J. Young.* Ashgate, Aldershot, 2003.

¹⁰ *Геремек Б. Парламентаризм в Центральной Европе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение.* 1995. № 3 (12); *Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе.* М., 1998; *Siegan B. H. Drafting a Constitution for a Nation or Republic Emerging into Freedom.* Fairfax, 1994; *Ludwikowski R. R. Constitution-Making in the Region of Former Soviet Dominance.* Durham (N.C.), 1996; *Neue Regierungssysteme in Osteuropa und der GUS. Probleme der Ausbildung stabiler Machtinstitutionen / Hrsg. von O. Luchterhandt.* Berlin, 1996; *Elster J. Ways of Constitution Making // Democracy's Victory and Crisis / Ed. by A. Hadenius.* Cambridge, 1997; *Preuss U. K. Patterns of Constitutional Evolution and Change in Eastern Europe // Constitutional Policy and Change in Europe / Ed. by J. J. Hesse, N. Johnson.* Oxford, 1997; *Transiciones y diseños institucionales / Ed. Refugio Gonzales M., Lopes Aylon S.* Mexico, 2000.

¹¹ *Mackow J. Parlamentarische Demokratie und Autoritarismus. Erfolge und Misserfolge der postkommunistischen Verfassunggebung.* Hamburg, 1998; *Melone A. P. Creating Parliamentary Democracy.* Columbus (Oh), 1998; *Elster J., Offe C., Preuss U. Institutional Design in Post-communist Societies.* Cambridge, 1998; *Transitions from Authoritarianism. The Role of the Bureaucracy / Ed. by R. Baker.* Connecticut; Westport, 2002.

¹² *Eastern Europe in Revolution / Ed. by I. Banac.* Ithaca; London, 1992; *Fejto F. La fin des démocraties populaires. Les chemins du post-communisme.* Paris, 1992; *Beyme K. von. Systemwechsel in Osteuropa.* Frankfurt a. M., 1994; *Parliaments in Transition. The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe / Ed. by Th. Remington.*

Boulder; Oxford, 1994; Politics, Power and Struggle for Democracy in South-East Europe / Ed. by K. Dawisha, B. Parrot. Cambridge, 1997; La démocratique constitutionnelle en Europe Centrale et Orientale. Bilans et perspectives / Sous la direction de S. Milacic. Bruxelles, 1998; Consolidating Legal Reform in Central and Eastern Europe. An Anthology // International Law. Ratsfondens Skriftserie. 2005. q. 37.

¹³ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

¹⁴ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996.

¹⁵ The Revolutions of 1989 / Ed. by V. Tismaneanu. London; New York, 1999; Kumar K. 1989: Revolutionary Ideas and Ideals. Minneapolis (Ms), 2001.

¹⁶ Portocala R. Autopsie du Coup d'Etat Roumain. Au pays du mensonge triomphant. Paris, 1990; Loupan V. La Révolution n'a pas eu lieu. Roumanie: L'histoire d'un coup d'Etat. Paris, 1990; Конституция Румынии // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. С. 265—310.

¹⁷ Democratization in Central and Eastern Europe / Ed. by M. Kalder, I. Veivoda I. 2002.

¹⁸ Bazoki A., Karacsony G. The Making of a Political Elite: Participants of the Hungarian Roundtable Talks in 1989. New York, 2001.

¹⁹ The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism / Ed. by J. Elster. Chicago; London, 1996.

²⁰ Sajo A. Constitution without the Constitutional Moment: A View from the New Member States // International Journal of Constitutional Law. 2005. № 3.2.(243).

²¹ Конституция и основные законодательные акты Венгерской Народной Республики. М., 1951; Конституция и основные законодательные акты Венгерской Народной Республики. М., 1954; Венгерская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1982.

²² Tokes R. L. Hungary's Negotiated Revolution. Economic Reform, Social Change and Political Succession, 1957—1990. Cambridge, 1996.

²³ Венгрия. Конституция Венгерской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 97—132.

²⁴ Конституция и основные законодательные акты Народно-Демократической Республики Чехословакии. М., 1950; Чехословацкая Социалистическая Республика: конституция и законодательные акты. М., 1962; Чехословацкая Социалистическая Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1987.

²⁵ Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 г. // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 487—528.

²⁶ Конституция и основные законодательные акты Польской Народной Республики / Под ред. Д. С. Карева. М., 1953.

²⁷ Осятыньский В. Краткая история Конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (далее — КПВО). 1997. № 3—4. С. 52—61.

²⁸ Конституция Польской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. С. 197—262.

²⁹ Kitschelt H et al. Postcommunist Party Systems. Cambridge, 1999; Embodying Democracy: Electoral System Design in Post-Communist Europe / Ed. by Birch et al. London, 2002; Centre-Right Parties in Post-Communist East Central Europe / Ed. by S. Szczerbiak, Hauly, Routledge, 2005.

³⁰ Арато Э. Создание Конституции: Венгерский энциклопедия // КПВО. 1997. № 1.

³¹ Оренштайн М. Вацлав Клаус: революционер и парламентарий // КПВО. 1998. № 3. (24). С. 11. См. также: Марада Р. Чешские выборы 1998 года // КПВО. 1999. № 2 (27). С. 7—13.

³² Конституция Польской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. С. 197—262.

³³ Спивак П. Борьба за Конституцию // КПВО. 1997. № 3—4. С. 75—81.

³⁴ Гарлицкий Л. Институт президентства в новой Конституции Польши // КПВО. 1997. № 3 (20) — 4 (21). С. 67—74.

³⁵ Michnik A. The Velvet Restoration // The Revolutions of 1989. London; New York, 1999. P. 244—251.

³⁶ European Integration. Princeton, 2005.

³⁷ Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Россия и современный мир. 2006. № 2. С. 51.

Ю. И. Игрицкий

Двадцать лет как один день*

В России, паверюс, не ни одного печатного издания, которое пынешней весной не поместило бы тех или иных, разного жанра, публикаций, посвященных 20-летию юбилею так называемой перестройки и последовавших за нею событий.

Достаточно ли двадцати лет, чтобы осмыслить и оценить радикальные общественные преобразования? В 1937 г., двадцать лет спустя после большевистской революции октября 1917 г. в России, многие, если не большинство европейских интеллектуалов, видели в советской системе будущее человечества. Потребовалось кому пятьдесят, а кому семьдесят с лишним лет, чтобы понять: эта система не в состоянии достичь объявленных ею целей и уступает капиталистической системе по тем самым параметрам, которые сюда объявлялись главными — экономическому росту на основе превосходящей капитализм производительности труда и уровню жизни населения.

Конечно, мы сейчас можем с большей уверенностью судить о том, что, как и почему произошло начиная со второй половины 1990-х годов в СССР, а затем и в других европейских странах, которые называли себя социалистическими. Но еще через тридцать и пятьдесят лет наши потомки смогут судить об этих переменах лучше, чем мы. А их потомки, возможно, лучше, чем они. Говорил же Фернан Бродель, что историю необходимо постоянно переписывать, она вечно преодолевает саму себя.

Иными словами, наша уверенность в правильности наших объяснений — величина условная. Тем более, что получив (для себя) ответы на одни вопросы, мы не сумели ответить на другие, а кроме того — возникли новые вопросы.

В актив историков, да, пожалуй, и представителей всех социальных дисциплин, и даже общественного мнения в целом следует занести

* Публикуется в виде доклада, прочитанного на конференции «Неделя историков: новые концепции и вопросы в российской и венгерской историографии» в апреле 2005 г. в Москве.

охлаждение к поиску ответов на те два вопроса, которые исторически зачислены в разряд «проклятых» — сугубо наших, российских и по-российски проклятых. Некоторые политики и обыватели еще спрашивают, «кто виноват?», но былой эмоциональный пакал иссяк. Еще спрашивают «что делать?», но уже знают, что ничего из того, что предлагается, ни сегодня, ни завтра сделать не удастся. Даже если предлагается какое-то нехитрое действиес. М. С. Горбачев, например, недавно взмолился: «Когда меня собираются повесить на одном столбе с Ельциным, прошу: не надо, это было бы несправедливо». Этой просьбой он по существу обозначил свои ответы на названные два вопроса: виноват Ельцин, а что делать неизвестно.

На какие же вопросы мы получили ответы?

На мой взгляд, во-первых, это вопрос о возможностях сохранения Советского Союза в персформированном, либо реформированном виде. По сути это два разных, но тесно связанных вопроса, и каждый из них имеет два ключевых аспекта:

1) социально-системный, относящийся к проблеме сохранения или видоизменения советской системы, или системы советского типа (ССТ);

2) союзно-федеративный, относящийся к проблеме сохранения или видоизменения формы единого государства.

ССТ в том виде, в каком она существовала до 1985 г., могла пропуществовать еще какое-то время без системных реформ — с некоторыми корректирующими реформами, направленными на повышение экономической эффективности в рамках регионов (региональный хозрасчет) и предприятий (стимулирование труда посредством увеличения свободы предприятий в планировании и распоряжении фондами заработной платы). Если бы, ограничившись этими более или менее узкими хозяйственными задачами, горбачевское руководство дотянуло бы до середины 1990-х годов, то затем ему — и системе — пришла бы на помощь галопирующая конъюнктура цен на нефть. То есть, как продлевали нефтедоллары жизнь советской системы в брежневское время, так продлили бы еще немного в конце прошлого века и, возможно, в начале нынешнего. Но именно немного, потому что, во-первых, главно — не столько получить финансовый ресурс, сколько умело распорядиться им, не выбрасывая деньги на гонку вооружений, безвозвратную по сути поддержку якобы дружественным режимам далских стран, дотации убыточным отраслям и предприятиям; во-вторых, отставание ССР от Запада в мас-совом, а не штучном высокотехнологичном производстве было огромным и продолжало бы возрастать.

Фактор нефтедолларов мог бы продолжить жизнь и «перестройки» в ее умеренно-радикальном варианте с постепенным разгосударствлением экономики и переходом к рыночным отношениям — если бы такая «перестройка» продержалась до середины 1990-х годов. Это был бы существенный аргумент сторонникам точки зрения, что ССТ во главе с КПСС можно было реформировать. Однако отдалим себе отчет в том, что ни одна социальная система, стремящаяся к длительному успешному существованию, не может иметь главным источником саморазвития внешний, да еще подверженный конъюнктуре фактор. При этом демократизация, а, следовательно, неизбежная децентрализация, демонополизация, принятия политических решений (т. е. смысловая основа курса на «перестройку») привели бы к остройшим противоречиям относительно того, как распределять притоки валюты. Это были бы противоречия межрегиональные и межреспубликанские (чреватые этническими), межотраслевые и межведомственные, а в конечном счете и внутрипартийные.

Концепция возможности постепенного введения в коммунистической стране капитализма «сверху» исходит из единственно возможного аргумента — ссылки на пример Китая. С позиций сегодняшнего дня (а не десятилетней давности) следовало бы указать на то, что китайские власти сталкиваются с возрастающими трудностями в поддержании экономического роста, нивелировании огромных диспропорций в уровнях развития и благосостояния различных регионов, наконец, в сдерживании попыток китайского капитала усилить влияние на государство и расширить экспансию внутри страны. Но невозможность и непригодность китайского примера для России в первую очередь обуславливаются даже не этим. В Советском Союзе власть во имя самосохранения должна была изыскивать ресурсы для решения сразу четырех жизненно важных задач:

1) сохранения внутрисистемной политической стабильности при либерализации экономики, без которой был невозможен рост производства;

2) сохранения стабильности в отношениях между Центром, Россией и союзными республиками, а также в отношениях между ними самими в условиях растущего регионального и республиканского неравенства, неизбежного при экономической либерализации;

3) сохранения ССТ, СЭВ и Варшавского пакта в странах Восточной и Центрально-Восточной Европы в условиях, когда политическая и экономическая либерализация (к которой эти страны были подготовлены гораздо лучше, чем СССР) побуждали их повернуться лицом к Западу;

4) сохранения военно-стратегической мощи в том объеме, который требовался бы, если бы продолжались холодная война и конфронтация

двух супердержав. Перед руководством КНР стояла только одна из подобных задач, Китай не был обременен ни национальными проблемами советского масштаба, ни участником в гонке вооружений наподобие СССР, ни сверхдержавными глобальными амбициями, ни необходимостью удерживать в своей геополитической орбите около десятка стран с помощью таких долгостоящих межгосударственных организаций, как Совет экономической взаимопомощи и Организация Варшавского договора.

У Советского Союза к концу 1980-х годов уже по существу не осталось ресурсов для одновременного решения этих задач, а иначе как одновременно (не одновременно, конечно, но параллельно) решить эти задачи было просто нельзя. Насколько они были сплочены друг с другом, показали события: попытка посредством «перестройки» скорректировать идеологический, политический и экономический блоки социальной системы в СССР стимулировала «бархатные революции» в Восточной Европе; эти революции показали путь национальной суперенигации советским прибалтийским республикам, а затем и другим; распад СССР окончательно добил социальную систему. Это был бы эффект домино, неизбежный в силу совпадения кризисных факторов и комплексного характера системного кризиса — они-то и явились главной причиной и ухода СССР с исторической сцены, и распада Советского Союза.

В известной мере так же можно ответить на вопрос, мог ли СССР 1980-х годов пойти по пути СССР 1920-х годов, т. е. по пути нэпа. Увердительно ответить на этот вопрос нельзя потому, что, во-первых, мы не знаем иного исхода нэпа, кроме того, который был; во-вторых потому, что если бы возобладала линия Н. И. Бухарина на длительное сосуществование социалистического уклада с капиталистическим, страна, безусловно, имела бы другой облик (о котором мы тоже не знаем); в-третьих, потому, что вся большевистская верхушка, включая Бухарина, в конечном счете мыслила категориями «кто кого» — нэпманы партию или наоборот.

Возникает еще один вопрос: если события 1985—1991 гг., эта крупнейшая системная и геополитическая трансформация в истории новейшего времени (а, возможно, и в истории человечества), были объективно обусловлены и неизбежны, о каких же возможностях ее отсрочки может идти речь?

Вот здесь и вступают в игру факторы, которые называют субъективными и привходящими. Кеннет Герген, известный западный социолог, в числе трех главных средств регулирования конфликтов называет необходимость смещения фокуса анализа от принципов (т. е. ценностных

лозунгов и позиций) к участникам политического процесса. И те, кто выражает желание повесить на одном столбе Горбачева с Ельциным, тем самым подчеркивают значимость их личной роли в последних семи лет истории Советского Союза.

Есть соблазн оценить политику и действия М. С. Горбачева в период его пребывания на посту генерального секретаря КПСС и президента СССР под влиянием его последующей идеальной эволюции от ортодоксального коммунизма к идеологии левой социал-демократии, что было бы ошибкой. Судить Горбачева тех лет надо по его тогдашим действиям. Это были действия политика, который пытался провести поэтапный ремонт отдельных частей системы, начав с идеологии и экономики, и при этом полагал, что общество, как и прежде, управляемо и готово следовать за просвещенным реформатором, поверив ему на слово, как мессии. Однако попытка тронуть идеологию (допуским гласности), а затем оживить долго дремавший экономический интерес (введением хозрасчета, кооперации и большей самостоятельности предприятий) сделали общество управляемым и раскололи его. А как действовать в условиях потери управления и раскола, не знал ни один политик в России.

Столкнувшись с кризисом в идеологии, экономике и национальных отношениях, М. С. Горбачев оказался на перепутье между силами, которые хотели изменить как можно больше, и теми, кто хотел изменить как можно меньше. Формулировка — изменить все и не жалевшими meansить ничего — вряд ли была бы корректной: до 1991 г. таких в большой политике не было. Однако лавировать между реформаторами и консерваторами можно было весьма исподвольно, ни в коем случае не превращая лавирование в постоянную политику перестройки. Став президентом СССР и сохранив за собой пост генерального секретаря КПСС, М. С. Горбачев попытался усидеть на двух стульях, быть одновременно и Лютром и Папой, но потерял оба поста. Раскол в партии после образования КПРФ во главе с И. К. Полозковым, вызвали, по словам самого Горбачева, «борьбу не на жизнь, а на смерть» — и тем не менее, опять же по его собственным словам (в одном из самых откровенных интервью конца 1991 г.), он «держал рядом» с собой контрреформаторов в ЦК КПСС, чтобы можно было знать об их планах и влиять на них. На самом деле он просто не решался порвать с ними, что особенно явно проявилось во время августовского путча 1991 г.

Если бы М. С. Горбачеву удалось организационно сплотить реформаторов в партии, призвав партию очиститься от консерваторов, то, возможно, реформаторская настроенная часть партии либо сорвала бы путч,

либо пережила его, отторгнув от себя путчистов. В обоих случаях у нее сохранилась бы материальная база; ее представители остались бы в руководстве многих местных органов власти; наконец, мог бы сложиться крепкий и влиятельный левый центр — главное условие успеха «перестройки» по-горбачевски. После путча остался только один потенциальный сегмент левого центра — демократы в российских властиных структурах, но они потерпели двойное поражение: организационное, отдав инициативу формирования новой политической системы более опытной бюрократии, и моральное, поставив приобретение личных постов и рычагов власти выше чистоты демократической идеи.

Многое написано о тех инновациях М. С. Горбачева, которые выглядят «ошибками» в контексте задач реформирования советской системы и «затяжкой прогресса» с точки зрения задач ее ликвидации. Президент и генсек нередко принимал меры, противоречавшие внутренней логике провозглашаемого им курса. Сделав одним из своих девизов дебюрократизацию, он не только не добился здесь видимых успехов в реализации этого девиза, но порой создавал новые «бюрократические левиафаны». Самый яркий пример — Агропромышленный комитет под руководством бывшего сподвижника Горбачева по работе в Ставропольском крае В. С. Муратовского, вобравший в себя пять министерств и один госкомитет. Столь же неудачным было и введение Госприемки: она привела к списанию продукции на огромные суммы (в Узбекистане, например, было забраковано 74% произведенных товаров) и снижению зарплаты рабочих, а заметного улучшения качества не произошло.

Подчеркивая значимость личных качеств Горбачева-политика, его колебаний и ошибок с точки зрения интересов инициированной им самим «перестройки», следует в полной мере оценить и наличие еще одного, гораздо более мощного субъективного фактора в событиях тех лет. Имя этому фактору — Б. Н. Ельцина. Политическая дуэль Горбачева и Ельцина приобрела вдобавок к цепкостям еще и личностный, конкурентный аспект, который побуждал Горбачева не порываться с консервативным крылом компартии (поскольку оно не плавило Ельцина еще больше, чем его), а Ельцина толкал на позиции открытого антикоммунизма (поскольку коммунисты-реформаторы ориентировались на Горбачева). Полушутя-полусерьезно я сравнил бы роль Ельцина с функцией свободных радикалов в человеческом организме, усиливающих атаку вирусов на организм — Ельцин был таким «свободным радикалом» в перестроичной политике. Последнего как Горбачев сказал ему в кремлевской больнице

«в политику я тебя больше не пущу», возвращение во власть через партийную среду стало для него невозможным.

Фактор Ельцина сыграл роковую роль в динамике межреспубликанских отношений в СССР. Но во избежание упрощенного понимания необходимо еще раз подчеркнуть объективную предопределенную связь между переменами системного и государствообразующего характера. Во-первых, политика гласности, демократизации, введение рыночных элементов в экономику сами по себе готовили почву для возрождения дремавшего этнического национализма, для возникновения и роста политических амбиций национальных элит. Во-вторых, в первые годы «перестройки» национальные отношения начали обостряться внутри самих советских республик, принимая форму этнической розни на локальном и региональном уровнях (Карабах, Сумгаит и Баку, Фергана и Ош, Абхазия). И не Ельцин, а Горбачев оказался не в состоянии выстроить правильную политику Центра в отношении этих конфликтов. Большинство из них имели существенную экономическую компоненту: титульнымэтносам казалось, что национальные меньшинства (скажем, армяне, турки-месхетинцы) живут лучше, чем они, и за их счет. Затем, когда введение экономического хозрасчета привело к более выраженным, чем ранее, экономическим диспропорциям и размежеванию, к снижению регулирующей роли Центра, именно на Центр, т. с. на Россию, стали возлагать вину за экономические трудности республик. А РСФСР в этих условиях сама продемонстрировала счет советской системы за то, что русский народ больше всех других пострадал от тоталитарного режима. И здесь Б. Н. Ельцин, став председателем Верховного Совета РСФСР в мае 1990 г., уже 12 июня провозгласил государственный суверенитет России. Это был фатальный удар по целостности Союза, усугубленный принятием в ноябре того же года закона о переходе в собственность России всех природных ресурсов, находящихся на ее территории. После этого последовал феномен, получивший в литературе название «парада суверенитетов» всех республик, и распад СССР стал неизбежным.

Повторю: распад федеративно-имперской структуры (ФИС) совпал с крахом общественного строя, с крахом ССР, которая практически полностью исчерпала свой потенциал поступательного развития. Да, ФИС обладала несколько более прочными динамическими ресурсами, чем ССР, но они могли быть задействованы лишь в условиях меньшей осторожности внутрисистемных противоречий. Всегда подсистемы ССР — идеологическая, политическая, экономическая, психологическая — утратили эффективность во всех составных частях ФИС практически одновременно.

но (хотя субъективное восприятие этой утраты было разным — крайне острым в Прибалтике, у интеллигентских элит ядра ФИС; глухим, аморфным в Средней Азии), и это возымело кумулятивный эффект. Ведь хотя ФИС выступала в качестве единого образования перед внешним миром, она сама состояла не из подсистем, а из уменьшенных копий ССР в каждой из союзных республик. Несмыслимо было провести радикальные реформы в одних республиках, оставив ССР нетронутой в других.

Вместе с тем распад Союза лишил раз выявил, что кризис социального содержания систем нарастает и разрешается дальше, чем ломка форм, мешающих его разрешению.

В чем причины этого феномена? Следует вспомнить, что после Февральской и, особенно, после Октябрьской революций 1917 г. в России, когда радикальные программные требования большевиков (фабрики — рабочим, землю — крестьянам) еще оставались политическими лозунгами без общениационального практического воплощения, на окраинах России власть захватывали наиболее организованные местные силы, выступавшие под националистическими и местническими знаменами, не подкрепленными вынужденными социальными программами. Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что не только социальные революции, но и все сколько-нибудь радиальные проекты социального переустройства рождаются и получают организационное оформление в центре, ядре империи, федеративных образований, крупных держав, в то время, как проекты государственно-территориального переустройства возникают либо на периферии, либо в центре, опирающимся на поддержку периферии. Форма легче поддается преобразованию, чем сущность, и с этой точки зрения вполне объяснимо, что Союз рухнул быстрее, чем трансформировалась (и трансформируется до сих пор не вполне ясно во что) Система.

Сведения об авторах

Барат Магдольна (Будапешт) — доктор, заведующая отделом Исторического архива венгерских спецслужб.

Вида Иштван (Будапешт) — доктор, профессор исторического факультета Будапештского университета имени Л. Этвеша.

Волокитина Татьяна Викторовна (Москва) — доктор исторических наук, заведующая научным центром по изучению истории сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН.

Едемский Андрей Борисович (Москва) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Желицки Бела Йожсфович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Игрицкий Юрий Иванович (Москва) — кандидат исторических наук, заведующий отделом Института научной информации по общественным наукам РАН.

Краус Тамаш (Будапешт) — доктор, профессор, заведующий кафедрой истории Восточной Европы нового и новейшего времени исторического факультета Будапештского университета имени Л. Этвеша.

Мусатов Валерий Леонидович (Москва) — Чрезвычайный и Полномочный посол, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Медушевский Андрей Николаевич (Москва) — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история».

Петрак Каталин (Будапешт) — доктор, научный советник Института политической истории.

Покивайлова Татьяна Андрессна (Москва) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич (Москва) — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Оглавление

От редакторов	3
Т. В. Волокитина	
О некоторых дискуссионных аспектах изучения истории сталинизма в Восточной Европе в 40–50-е годы XX века	4
Иштван Вида	
Международное положение Венгрии после Второй мировой войны (Пер. с венг. Б. Й. Желицки)	20
Т. А. Покивайлова	
Советская военная администрация в Трансильвании (ноябрь 1944 – март 1945 года): Проблемы национальных меньшинств и межэтнических конфликтов	46
Каталин Петрак	
Венгерская эмиграция в СССР (Пер. с венг. О. В. Хавановой).....	63
Магдольна Барат	
Венгерско-советские отношения в период от смерти Сталина до начала революции 1956 года (Пер. с венг. О. В. Хавановой)	68
А. Б. Едемский	
У истоков пост тоталитарной транзитологии: события весны 1953 года как начало переходного периода в странах «реального социализма».....	93
А. С. Стыкалин	
Советско-венгерские отношения 1954–1964 годов в записях заседаний Президиума ЦК КПСС	107

Тамаш Краус

Рабочие советы в Венгрии в 1956 году (Пер. с венг. С. Филиппова)..... 119

А. С. Стыкалин

К выходу на русском языке биографии Имре Надя..... 128

Б. Й. Желицки

Основные черты российско-венгерских отношений
во второй половине XX столетия..... 150

В. Л. Мусатов

К дискуссии о политическом пути и исторической роли Яноша Кадара 169

А. Н. Медушевский

Переход к демократии и становление политических партий
в странах Центральной и Восточной Европы..... 183

Ю. И. Игрицкий

Двадцать лет как один день..... 213

Сведения об авторах 221

Оглавление..... 222

Научное издание

**Восточный блок и советско-венгерские отношения:
1945–1989 годы**

Сборник статей

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Т.В. Матвеева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (редакция)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56 / 26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12 / 27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 24.11.2009. Формат 60x88 ½

Усл. печ. л. 14. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №158.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40

Тел./факс (812) 766 05 66

E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

www.renomespб.ru

А л е т е й

| ВОСТОЧНЫЙ БЛОК И СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ |